

Б. Вавилонская

Мене Белый ослик

1.

Сначала требовалось достать белого осла. Он был не убежден, что именно белого, но так представлялось надежнее, с запасом гарантии, что ли. А еще спокойнее – ослицу.

Прежде всего осел ассоциировался со Средней Азией, Самаркандом, Тимуром, базаром и урюком. Но это рождало, в свою очередь, другую ассоциацию, неприятно-анекдотическую: «Армянское радио спрашивают: можно ли доехать на осле от Ташкента до Москвы? Ответ: нельзя – по дороге его съедят в Воронеже». В Средней Азии уже десять лет идут гражданские войны, а рисковать собой сейчас нельзя.

Когда-то в городском зоопарке ушастый печальный ослик катал в тележке детей. Он цокал по аллеям мимо клеток и гуляющей публики (так и хотелось сказать – мимо клеток с публикой), прядал ушами и звенел бубенчиками, резиновые шины шелестели. Мысль о зоопарке была естественной.

Имея малый опыт еще советской, и большой – суровой и откровенной постсоветской реальности, обращаться в дирекцию он, конечно, не стал. Чем ниже уровень – тем легче цена вопроса. А спросил прямо на входе контролершу, пропахшее зверинцем бедное чадо унисекса, где конюшня: он хочет задешево поставить корма.

В большой, полутемной и пахучей конюшне две девчонки с метлами и скребками направили его к старшему конюху. Конюх был кайф, седеющая борода пахла хлебной водкой, сытно и уютно. Поскольку жеребцы ослов не переносят, ослиная семья содержалась в отдалении, непарнокопытное нацменьшинство.

– Белая ослица нужна, – прямо сказал он.

– Ну, и для чего вы мне это сообщаете? – хамовато бросил конюх. – Здесь не зоомагазин. – Отвернулся и закурил. – Тоже еще... Идите, гражданин. Я сказал: идите!

– Тонна комбикорма, – последовало уточнение. – И полтина баксов тебе.

– Ослы, – отчужденно сказал конюх через плечо, – белыми не бывают... посетитель. Ослы преимущественно мышастой масти. Серые. Гнедые бывают. Карабахские ишаки, опять же... А альбинос – это феномен.

– Феномен, говоришь? Ладно. Стольник. И два мешка овса. А овес нынче дорог, – не удержался он.

– А нынче все дорого, – отпарировал конюх, но снизошел до вежливого вздоха. Лицо его выразило мучительное желание человека сделать серое белым. И личное, почти дружеское огорчение невозможностью этого.

– Анжела месяц назад родила, – сообщил он наконец тоном дипломата, готового в кулуарах нарушить интересы родины из симпатии к партнеру. – Девочка. Светленькая.

– Так пошли, посмотрим.

В тесном деннике замшевый, дымчато-белый осленок ростом с табуретку топал копытцем в опилки. Он посмотрел на покупателя игриво-печальными вишнями несовершеннолетней гейши.

– Повезло тебе, – сказал конюх. – Давай-ка пива попьем.

Вопроса насчет обещанных кормов не было: все прикупалось на рынке или ближайшей к городу ферме.

Пиво было хорошее. Пробки конюх снимал кромкой обручального кольца. Борода его впустилась, хлебный запах от нее усилился.

– Да хрен с ним, с кормами, это я сам разберусь. Бабки давай. Нет, ты погоди, считай сам: мне его списывать придется, это бумаги оформлять, начальство – оно тоже все понимает, верно? с этим считаться надо; репутация моя, опять же, страдает: это ведь все тоже расходов требует, правильно?

Они поторговались. Конюх дозрел до водки и стал осленку отец родной.

...Ослы понятливы и растут быстро.

2.

В Разливе было полно комарья, зато людей не было вовсе. Если мазаться диметилфтолатом, думалось просто отлично.

Он прожил там полтора месяца. Ловил рыбу и строил планы. Оброс, одичал, но мысль достигла ясности необыкновенной, он чувствовал, как накапливается в нем энергия.

Забросанная сенцом палатка напоминала снаружи не то стожок, не то шалашик. Вечером, под звездами, уютно булькал на огоньке чайник. Ослик подходил, тыкался замшевой мордашкой. Он дергал для него ночью морковку с колхозного поля. Не грех, все равно иначе осенью сгниет.

Покидать славную пустошь ослик отказался, заупрямился.

– Неохота? – печально улыбнулся он, стягивая его с места за повод. – М-да... Мне тоже, может, не очень охота... честно-то говоря. А что делать. Идти пора.

3.

Он въехал в Москву по Ленинградскому шоссе. Синий жестяной указатель на обочине обозначал границу города.

– А где Львиные ворота? – спросил он у гаишника с автоматом, зевавшего, облокотясь на свой молочный «опель».

– Да вот здесь и стояли, – сказал гаишник с неприязнью к действительности. – Потом в приватизацию муниципалитет заключил с кем-то договор их отреставрировать, увезли – и до сих пор с концами. Так теперь все и ездят, как хотят. – И для большей выразительности он сплюнул. – А вы почему на осле?

– На машину не хватает.

– Жрет много?

– Да ну. Утром покормил – и на весь день хватит.

– Экономичный, – похвалил гаишник. – Ну т-ты Кирюха!.. – фамильярно осклабился он: добродушная власть шутила.

– Ты сказал.

– Что я сказал?..

– Что меня зовут Кирилл.

Гаишник замкнул черты лица в служебную ряху, лениво выпрямился и, с презрительной небрежностью обозначая официальную процедуру, сунул рукой к козырьку:

– Документы ваши, пожалуйста.

Кирилл полез во внутренний карман, но тут по пленке жидкой грязи, кроющей шоссе, тяжело прошелестел огромный вольвовский фургон, напарник гаишника выскочил с жезлом,

фургон стал тормозить, рядом с ним материализовался БМВ предупреждающего цвета «мокрый асфальт», и из него полезли трое братков.

– На гужевом транспорте в центре только по специальному разрешению, – по инерции еще выламывал рот гаишник, уже забыв о Кирилле и поспешая на разборку.

«Мне в четыре, не позже, надо на таможенной площадке быть», – донеслось оттуда, водитель махал бумагой, следом за фургоном пристроился и встал второй, браток тыкал в мобильник, другой раздернул молнию кожанки, автоматчик отступил на шаг и зафиксировал рукой висевший на боку «калаш». Как пузырьки, выбулькивали отдельные слова: «вопрос», «лавэ», «откат» и тому подобные индикаторы делового разговора. Двери фургона с лязгом разъехались на петлях: он был забит пестрыми картонными ящиками.

Кирилл на своем белом ослике процокал в середину группы, недоуменно воззрившейся на помеху.

– Человек везет гуманитарную помощь. Детское питание, – обратился он. – С него нельзя брать деньги. Рождаемость и так упала ниже уровня простого воспроизводства населения. Если бы она упала раньше, вас бы всех здесь не было, и это было бы гораздо лучше. Вы должны подумать об интересах тех, кто еще не может держать в руках оружие. Страсть к наживе погубит народ, надо быть добрыми и помогать друг другу. Людей надо любить, а не грабить.

Бандиты и менты весело расширили глаза. Застиранный белый плащ и запущенная молодая бородка вкупе с речью всадника на несуразном транспортном средстве совершенно уподобляли его бомжующему городскому сумасшедшему: состоит на учете в психдиспансере, но без посадки в переполненный стационар как социально не опасный. Ослик разинул белозубую пасть и сказал: «И-а!»: картина сделалась вовсе ненастоящей, будто все вдруг оказались участниками уличной киносъемки.

– Проезжай, проезжай, человек, – без злобы приказал один из них, насытив взор развлечением и побуждаемый необходимостью завершить переговоры. – Проезжай, осел! – повторил он, обращаясь к тому из них двоих, кто, по его мнению, мог быстрее выполнить приказ.

– Баварские Моторостроительные Заводы вредят экологии, – укорил Кирилл.

– А ослы помогают, – хохотнул браток с мобильником.

– Он за драндулеты агитирует! Дилер по «жигулям».

– Покупая автомобили их производства, вы обогащаете их толстосумов, немецких бургеров...

– Вот тут ты, брателло, в натуре, не прав. Мы их не обогащаем, будь спок.

– ...и на самом деле они радуются, что вы рискуете своими единственными жизнями и кладете свою молодость на то, чтобы их конвейеры работали непрерывно, обогащая их. Я не удивлюсь, если окажется, что бандитизм в России стимулируется из-за рубежа концернами БМВ и «Даймлер-Бенц» ради повышения сбыта их продукции. Можно сказать, что русские бандиты – это агенты Германии.

У аудитории не хватило интеллигентности понять скрытое обвинение в большевизме.

– А правительство ездит на «волгах», – насмешливо сказал гаишник.

Водитель фургона пошевелил губами и стал медленно прятать документы в сумочку.

– А срок хранения этого детского питания, – ткнул в него пальцем Кирилл, – давно просрочен. Не говоря о сроке реализации. Наверняка все переложено в заново напечатанные пачки. В наших условиях вообще любой бизнес делается преступным, и идет во вред не только потребителям, но и самим бизнесменам. Они не только губят свою душу, но и портят нервы, а от этого болеют всеми болезнями и совершают непоправимые ошибки, которые в конце концов стоят им жизни. Вы все вздумайте – на Кого вы работаете.

Невысокий и самый юнוליцый из бандитов переступил перед проповедником и картинно размял правую руку, напоказ отводя ее.

– Двух ослов одним ударом, – объявил он номер и развернулся.

– В молодости я тоже мечтал стать бандитом, – поспешно проговорил Кирилл ему в глаза. – Мне хотелось быть сильным, храбрым и богатым, чтоб парни меня боялись и завидовали, а девушки восхищались и любили. Но мне не хватило храбрости и физической силы. И тогда я сам стал любить всех, и сила моя оказалась в этом. Я хочу вам только добра.

– Добрый, как следователь, – покрутил головой раздумавший бить браток.

Сотоварищ покосился на него неодобрительно и как бы невзначай коснулся навороченного креста на соответствующей цепи:

– Вы что... типа странствующего монаха? – на вежливом уровне попытался уразуметь он. – Так мы с церковью... как бы вам сказать... сотрудничаем.

Человек был демонстративно неопасен и необиден. И как-то даже хотелось не наказывать его за то, что без понятия лез не в свое дело. Блаженный идиот... бывает. При том, что в странности его присутствовало что-то диковатое и необъяснимое, а необъяснимость есть род скрытого предостережения.

Фургонов стояло уже четыре, а напротив распахнул все четыре дверцы грязно-розовый «крайслер», и оттуда смотрели четыре смуглые щетинистые лица явно кавказской национальности. Четыре сбоку (ваших нет). Наступал час пик, и плотная пробка ползла по Ленинградке в обоих направлениях.

Уже после кольцевой, за Химками, въезд выглядел так: на ослике, который из почти белого приобрел тот самый серый цвет, который и был наиболее распространен и подобию ему от природы, сидел долговязый и бородатый молодой человек в измызганном плаще переходящего колера: от кремового ворота к буро-черный полам; за ним ехал полосатый, как зебра или милицейский жезл, «опель» с мигалкой; следом – БМВ гигиенических оттенков грязного шоссе, сизо-коричневый «крайслер» с розовой крышей и четыре тридцатитонника на шести осях каждый. Скорость течения дорожного потока позволяла ослику трусить привычным для него шагом. Водители встречного автотранспорта бросали взгляды на нехарактерное средство передвижения.

4.

В закоулках у Водного стадиона в щель казенных бетонных заборов вылез зачуханный солдатик. Он послал одинокому всаднику полный зависимости взгляд и вежливым гражданским голосом попросил:

– Простите, пожалуйста, у вас сигареты не найдется?

Шейка у солдатика была, как у балерины, только хуже вымыта. В хэбэ въелся запах прогорклого кухонного жира. Он колебался на своем скелете, как на вешалке. Припаханный салабон, которого дед погнал за фильтром.

– Здравствуй, воин, – улыбнулся Кирилл и слез с ослика. – Тут мне недавно кое-что подарили... на память о встрече: как раз пора разговеться. – И сделал приглашающий жест на сломанный ящик под деревом.

Из бездонных карманов плаща были извлечены: початая темная склянка «Амаретто», кусок датского сервелата, спикере и пачка «Парламента». Солдатик дрогнул кадыком и вздохнул.

– Чтоб легче нам служилось, уж что выпало, – со смыслом произнес Кирилл тост, приветственно приподнимая бутылку, глотнул и передал: – Половина твоя. – Переломил колбасу: – Закусывай.

Потом они покурили, и Кирилл послушал, что кормят впроголодь помоями, а дедовщина, конечно, есть, куда денешься.

– Вот станешь сам стариком, захочешь припахать молодого – а ты вспомни нашу встречу и будь добрым, – пожелал он солдатику и вытащил ему из пачки пять сигарет. И дал еще на прощание пятьдесят рублей.

5.

Ослика он оставил на детской площадке. За гаражами трое малышей лупили четвертого. Судорожно зареванный, он пытался отмахиваться неуклюжими в синем дутом комбинезоне ручонками.

– Сейчас я вас накажу, – ясным голосом предрек Кирилл.

Они задрали головы и остановили движения.

– Вот вам теперь будет! – с подловатой мстительностью закричал обидчикам побитый, отбегая к подъезду. Он воспользовался замешательством исключительно для собственного спасения. – Я все равно все расскажу!

– Я привез тебе в подарок ослика, – сказал Кирилл.

Малыш остановился. Неожиданность подобного известия может поколебать в реальности кого угодно.

Один из драчунов зачем-то потрогал подсохшую царапину на щеке и прошептал, стараясь не шевелить губами:

– Волшебник?.. на осле...

– Маленький, что ли?.. из цирка... – таким же незаметным шепотом возразил другой.

Невольное и естественное любопытство тянуло приблизиться к симпатичному животному.

Третий, самый нагловатый и злой даже в эти свои малые года, естественно реагируя на то, что ему этот несуразно-сказочный подарок все равно не светит, и вообще ничего хорошего ему в жизни не светит, если только сам хитростью или силой не добудешь, он это давно понял и другого не ждет, так что что ни делай – хуже, в общем, все равно не будет, – этот с развязностью сказал, пытаясь держаться как равный и даже свысока (ну, и чего ты мне сделаешь? я тебя не боюсь) – будущий лидер одной из бесчисленных московских группировок:

– Ты что, артист? А сюда чего приехал?

– Сделать вашу жизнь хорошей, – улыбнулся Кирилл.

– Сейчас. Это как? – с насмешкой и подозрительностью спросил лидер.

Кирилл с показным сокрушением покачал головой и обратился к обиженному, готовому чуть что юркнуть в подъезд:

– Если тебя ударят по одной щеке – не бойся, подставляй другую.

– Еще-о чего! – изумился самый маленький, прикрывая оцарапанную щеку.

Оскорбители звонко засмеялись.

– Понял? А ну подставляй! – сделал угрожающий шаг к подъезду лидер. Жертва приросла к месту и раскрыла рот квадратиком, готовая вопить.

– И тогда ты всегда будешь торжествовать над врагами, – продолжил Кирилл, слез с ослика, взял его в повод и подвел к малышу. – Это тебе. Держи, ну.

Малыш ахнул, пискнул и засветился. Мир исчез. Ослик был живой, настоящий, он дышал теплом и помаргивал.

– Мне мама... не разрешит... – умер он от отчаяния и вернулся в действительность.

– Разрешит, – успокоил Кирилл. – Он будет жить у вас на даче.

– Филипка, бери! – закричали сзади.

– Давайте я возьму! Мне разрешат! – поспешно предложил другой.

– У них нет дачи, – глумливо известил лидер, рассчитанно уязвляя.

– Лучше мне дайте! Ему все равно не разрешат! – готовно и без надежды наседавал доброволец.

– А ты, Вован, не лезь! не тебе дают! – прониклись справедливостью двое других. – Может, он родственник. Понял?

– А что он ест?

– Сено, дурак!

– Сам дурак, это не лошадь, он ест морковку.

Кирилл воспитующим тоном поведал:

– А если бы вы были друзьями, это был бы ваш общий ослик. А кроме того, это ослица, у нее будут ослята, и у каждого скоро был бы свой собственный ослик.

Дети помолчали. Условие выглядело слишком нежизненным и набившим оскомину, чтобы перспектива казалась правдоподобной.

– А что для этого нужно делать? – через силу спросил наконец ослолобивый Вован, глядя под ноги.

– Любить друг друга, – пояснил Кирилл.

Лидер перевел сентенцию на современный русский, и он поперхнулся.

– Заткнись, козел, – сказал Вован. – Чего? Что слышал. Да не лезь ты! Не драться, да... не жадничать... да?

– И не ябедничать!

Кирилл записал на пустой сигаретной пачке номер воображаемого мобильного телефона:

– Ты цифры знаешь? Спрячь. Вот: если Филипок мне позвонит и пожалуется, я приеду снова, и...

– Накажете?

– Отберете?

– Тогда узнаете, но лучше не надо. А теперь первой покатайте девочку. Как тебя зовут? Катя? Давай-ка я тебя посажу, Катя. Слезешь? А вон на тот ящик, с него удобно.

Когда мама Филипка открыла на звонок дверь и увидела на площадке девятого этажа сына, держащего за повод грязноватого живого осла, она естественно лишилась дара речи.

6.

День был весенний и грязный. На бульваре выгуливали собак. Двое ну вовсе молодых людей, похожих на проникшихся идеей десятиклассников, благодетельно сунули Кириллу брошюру «Путь к спасению». Дешевая серая обложка была украшена патриаршим крестом.

– Спасибо, – деликатно отказался Кирилл. – Простите, у меня собственный взгляд на этот предмет. – Он всячески старался не обидеть юношей в их лучших намерениях и религиозных чувствах.

Адепты настаивали с превосходством посвященных.

– Вы прочтите, и многое поймете, – убеждал доброжелатель в сереньком пальто. Неколебимая убежденность его тона словно покоилась где-то на горней твердыне и раздражающе контрастировала с инкубаторским личиком потребителя паракультуры.

– О чем вы... – поморщился Кирилл, и застонал: сорвался: – О чем вы! Вы что, считаете себя последователями Христа?! Что, хоть кто-то из тех, кто нес в мир христианство ценой своей жизни, носил шитые золотом одеяния? Или строил забитые золотом храмы? Или молился изображениям, нарисованным красками на досках? Это же та церковь, которая веками благословляла оружие своих государств! И молилась за благоденствие кровососов-правителей. Собирала с простых людей налоги и пожертвования и составляла себе богатство. Жгла инакомыслящих, продавала должности и отпускала грехи за деньги. Церковь объявила себя посреднической фирмой между людьми и Богом... бестолочи вы! Дилеры, супервайзеры, реклам-

щики... идиоты. А сегодня русская православная церковь – один из крупнейших в стране торговцев табаком и алкоголем, выхлопотала себе налоговые льготы, учредила фирмы и зарабатывает миллионы на ввозимой водке и сигаретах! А вы – стадо заблудшее: вам что в комсомол, что в церковь – лишь бы строем и с песней. Подите прочь, безмозглые торговцы!

И он выбил из рук того, который был молчалив и прыщав, большую кружку для пожертвований с прорезью и замочком. Кружка упала в лужу. С неожиданной ловкостью и прытью прыщавый сборщик пожертвований ударил Кирилла в ухо.

Татарин-дворник перестал шаркать метлой по дорожке, посмотрел на осквернителей своей территории с ненавистью и стал злобно дуть в свисток:

– А ну нечего тут безобразничать! (Нарушители были несерьезны, власть его.) Пошли отсюда! Верующие люди так себя не ведут.

Стриженный качок с бультерьером на поводке посоветовал:

– А ты не суйся... мусульманин!..

Двое чеченцев, мирно отдыхавших на лавочке, как бронепоезд на запасном пути, превали свою беседу и перешли на русский:

– Тебе не нравятся мусульмане, братан? – вкрадчиво спросили они, показывая готовность встать.

Пузырчатое кипение внутри Кирилла ударило через край и полыхнуло перед глазами розовым и зыбким.

– Во-он отсюда!!! – заорал он на юных распространителей религиозной литературы, еще недавно бывшей опиумом для народа. Исказившееся лицо подергивалось нешуточным чувством. Десятиклассники почли за благо удалиться по возможности независимо, оглядываясь на шум начавшейся свары. Из притормозившего «газона» лениво следил милиционер, оценивая, есть ли смысл вмешаться: сулит ему это какие выгоды, и не перевешивают ли их возможные хлопоты или даже неприятности.

7.

Само собой, он должен был устроиться в школу. Тут сложностей не предвиделось: зарплаты ниже прокорма, и те затягивают, все разбегаются.

Ближайшая голубела тут же, за оградой и голыми деревьями – ностальгическая архитектура мажорных пятилеток, сплошные ряды высоких оконных переплетов.

Плащ перекинул через руку чистой подкладкой наружу.

– Своих учителей девать некуда, голубчик... – вздохнул директор, даже не интересуясь дипломом. – Рождаемость... Классы сводим. Все трясутся доработать до пенсии, о чем вы...

Кирилл растерялся. План дал трещину глупо и некстати. Ночлега и знакомых не было. Портрет президента над директорским столом пронзал печальным взором спецслужбиста.

Но – проблеснуло неожиданно. В школе обнаружилась вакансия дворника и по совместительству кочегара. Прежний выпил чего-то ценой в соответствие зарплате, и волшебный эликсир перенес его в то дальнее зарубежье, где всеобщая безработица есть синоним вечного счастья.

– Один кочегар на четыре ставки не справляется... – раскладывал огорчение по деталям дир. – Все старье, на угле, женщину на тачку не возьмешь... а дворником – работать надо, зимой каждый день территорию убирать. Если вам это подходит – то считайте, что повезло: вовремя.

Улыбка кандидата была сочтена за туманное пренебрежение.

– Служебная жилплощадь, – подсластил он. – У вас с жилплощадью как? Лимитная прописка. Да, вы москвич? Решайте. У нас учительницы по совместительству уборщицами рабо-

тают, еще спорят за эти ставки. Полы протерла – и как за пять уроков... никаких тебе проверок тетрадей и нервотрепки.

Старомодные часы с маятником в форме серпа захрипели и бомкнули.

В коридоре загрохотало и захлопало.

– Когда приступить? – спросил Кирилл.

Директор пожал плечами, сумев вложить в этот неопределенный жест одобрителное и даже дружеское выражение:

– Как обычно – вчера.

– Но в таком случае у меня к вам есть еще одна просьба...

8.

Проститутка была тощая, юная и даже милая. Скорее всего она походила на побитую бедными заботами и закаляемую ими же студентку техникума. Дитя рабочей провинции. «Сложение астеническое», – вспомнил Кирилл картинку из учебника анатомии и физиологии. Почему-то казалось, что изо рта у нее уловимо веет ацетоном: не то генетическая предрасположенность к туберкулезу, не то просто специфика обмена веществ.

Спозаранок она шлепала пешком – как оказалось, после неудачной ночи. Сначала спросила сигарету, потом напросилась на чашку кофе – «согреться».

– Согрелась, – пробурчал Кирилл, снимая ее с колен. С ней хотелось не столько заниматься сексом, сколько плакать. Взять даже немножко денег за просто так у дворника она отказывалась: не позволяли совесть и профессиональная этика, как она отрезала в прямых выражениях.

– А чего это ты такой добрый с блядью? – спросила она. – Ты сектант или импотент?

– Не называй себя так, – попросил Кирилл.

– Ути, какие мы деликатные, – презрительно сюсюкнула она. – А как тебе хочется? Платная девушка? Путана? Ночная бабочка? Жрица любви? Какой культурный дворник.

– Ты просто бедный ребенок, которому хочется человеческой жизни. А жизни нет. Давай лучше подумаем, чем я могу тебе помочь.

– Ой, – протянула она, – сейчас я заплачу. Помочь! Трахнуть и заплатить.

Она нашла в чашке на полке семечки и стала лузгать. Весенний рассвет бил сквозь зарешеченное, как в камере, окошечко дворницкой под потолком. Время года, суток и освещение решительно настраивали на бодрый лад.

– Ни в ежа, ни в ерша, ни в рогающую кошку, – посочувствовал Кирилл. – Да не ерпенься ты так! Ты же очень хорошая на самом деле. И сама знаешь, что в конце концов все у тебя будет хорошо.

Она брызнула шелухой и показала ему кукиш.

– Не люблю чокнутых, – объяснила она.

9.

А просьба к директору заключалась в организации философского кружка.

– Поскольку вообще-то я думаю о преподавании... – изложил Кирилл, – можно, пока ставок нет, вести хотя бы кружок? Бесплатно, – поспешно добавил он.

Из слов «философский» и «бесплатно» директор обратил внимание на второе.

– Бесплатно? – переспросил он с сомнением. – Ну, почему же нельзя. Бесплатно можно. Очень хорошо! – И хлопнул Кирилла по плечу. – Если, конечно, наши современные детки в свое свободное время станут к вам ходить...

Вопреки опасениям директора, народу собиралось до дюжины. Ребятки отнюдь не были так тупы и меркантильны, как любят пожаловаться бестолочи из «поколения отцов».

Как всегда свойственно жаждущей молодости, они хотели знать – но чтоб те знания имели отношение к смыслу жизни: вранье, что знания сегодня не в цене и не в чести, все больше сводясь к тому, как сделать деньги.

Еще больше они хотели верить – но вот насчет верить проблем было еще больше: что ни месяц телевизор оповещает о новых открытиях, и каждое все глубже располагает к разочарованию, безнадежности и цинизму: все врут, все продажны, вместо перспективы – альтернатива: податься в волки – или в бараны. Сильный зол, добрый бесправен. Умный – сволочь, хороший – глуп.

– Почему же они наверху все такие шкуры, Кирилл Андреевич?

– А вы что, собрались в депутаты? Нас здесь с вами не интересует карьера, правда? Нас интересует гораздо более важная вещь: как устроен этот мир, и как быть в нем счастливым. Вот к этому и сводится философия.

Больше всего фокусники и философы опасаются детей. Устами младенцев глаголет голый король. Лапша не держится на ушах.

– А самые мудрые философы были счастливы, Кирилл Андреевич?

– Да! Но не так, как самые сытые и богатые. Их счастье было в том, что они знали и поняли все, что можно. А это кайф, дети!

10.

– Расскажите, что же привело вас сюда? – спросил Познер, телезвезда и ведущий передачи «Человек в маске» своим обаятельным, с ноткой всепонимающей печали голосом. Голос был добр, но внутри этой доброты можно было различить несогласие со всем на свете.

Интересно, это у него баритональный тенор или тенорный баритон, подумал Кирилл.

Под маской было душно. Высокий стул с прямой спинкой и подлокотниками напоминал электрический. Студия быстро накалялась слепящими лампами, и закрытое лицо вспотело. Ряды зрителей терялись за подсветкой. Обстановку трудно было назвать комфортной для раскрытия души. Зато рейтинг передачи был высок, и сейчас Кириллу готовы были внимать миллионы.

– Я должен сказать всем истину, которая покажется им неприятной, – сипло выговорил он и откашлялся. Присадку для изменения голоса он отверг за ненужностью, но все равно из-под маски и через микрофон звучало странно.

– Человечество только и делает, что выслушивает от всевозможных пророков неприятные истины, – легко подхватил Познер в свой микрофон, присаживаясь на краешек высокого табурета. – Почему же ваша истина такова, что вы решили скрыть свое лицо от тех, к кому обращаетесь?

– Потому что нет пророка в своем отечестве, а под маской я перестаю быть человеком и превращаюсь... как бы... в персонаж античного театра, носителя конкретной идеи.

– Вот как, – кивнул Познер и подался вперед, прошелся. – И какова же идея?

– Дело не в том, что мы грешим. Дело в том, что часть своих желаний и поступков мы всегда определяем как греховные. Суть не в том, что нам свойствен грех. Суть в том, что нам свойственна особенность, потребность ощущать себя в чем-то греховными. Вы понимаете? Первичен не грех. Ни один поступок, ни одна мысль сами по себе не могут быть греховны. Они становятся греховными тогда, когда наша потребность в греховности определяет – а вернее сказать, назначает – какие-то мысли и поступки как точки приложения себя, области реализации себя. А почему? А потому что человек всегда неудовлетворен этим миром. А мир для него – представление внутри него самого. И он неудовлетворен собой. Почему? Потому что он

энергоизбыточен. Он по природе своей *изменятель*. Он всегда имеет идеал. Идеал означает, что реальность недостаточно хороша, недостаточно правильна, требует изменения. Грех – это ножницы между идеалом и реальностью, и только. А поскольку идеал как противопоставление реальности недостижим в принципе, как горизонт, то понятие греха всего лишь обозначает, что наш удел – вечное преобразование мира. Вы понимаете?

– Пока я не понимаю – и аудитория, кажется, тоже. Итак, вы отрицаете понятие греха? Так, ну и что же? Были и такие теории.

– Вы ошибаетесь. Таких теорий не было. Хотя понятие греха, действительно, некоторые отрицали. Но с других позиций. Хотя это – частность, главное не в этом.

– А в чем же?

– Почему человек не живет по уму? – задал вопрос Кирилл и начал успокаиваться, чувствуя, что сейчас начнет говорить главное – просто, ясно и неотразимо. Вот он – миг, час, его звездный час, ради которого он явился на свет. – Почему живет не по совести и не по добру: воюет, жадничает, губит жизнь из-за ерунды и так далее, а теперь вовсе может всю жизнь на Земле уничтожить?

Вот главный, отправной вопрос: почему человек сплошь и рядом, добровольно, по собственному выбору, понимая смысл и последствия своих поступков, поступает себе же во вред? И знает – а делает: вот хочется и все, сил нет отказаться. И говорит себе: здоровьем заплачу, счастьем, жизнью, благополучием близких, – но сделаю: весь смысл жизни для меня сейчас в этом, без этого ничего мне не надо.

Это карьера, это сражение, это выбор партнера в любви, это погоня за богатством и славой, это следование порокам, от которых вроде бы можно и отказаться, ну, типа игры или курения.

Проще всего ответить: это его Дьявол подталкивает. Это самый простой ответ, который ничего не объясняет. Дополнительная вводная, вроде постоянной Планка. Дьявол – это этикетка, которую удобно наклеить на все, что представляется плохим и неправильным. Греховным. Налепил этикетку – и успокоился. Как говорят турки: «Главное – дать происходящему имя, а там хоть ковер из мечети выноси».

– Если сейчас вы скажете о вечности двух начал – Добра и Зла, и вечности борьбы между ними, то это, в общем, манихейство, – сказал Познер, и Кирилл был приятно удивлен его образованностью. – Пророк Мани умер в тюрьме полторы тысячи лет назад, и вам нет никакого смысла страдать за его учение. Действительно, оно веками вызывало в мире сильный резонанс. Если у вас есть ваша собственная теория, оригинальная, то давайте, изложите нам ее. В чем же она, ваша истина?

– Хорошо, – сказал Кирилл. – То, что я вам сейчас буду говорить, до меня не говорил никто. Это последняя философская система уходящего тысячелетия. Универсальная и всеобъемлющая. Кстати, в русской культуре первая вообще.

Многие частности покажутся вам знакомыми, иначе быть не может. Любой философ знаком с предшественниками, черпает у них что может, переосмысляет и идет дальше. Не путать с компиляцией или тем более с плагиатом.

Все мы стоим на плечах гигантов, но не все при этом карлики. Никто до меня не сводил воедино все, о чем я скажу. Никто не рассматривал все в мире и человеке воедино с такой точки зрения. Никто не приходил к таким выводам – как частным, так и результирующему.

Итак? Поехали.

Мы говорили, что часто человек поступает как бы во вред себе. Сознвая это! В чем дело?

Все поступки человека определяются его стремлением к ощущениям. Как положительным – так и отрицательным! Ему потребны и те, и другие! Субъективно жизнь человека есть сумма ощущений. Заметьте – такая точка зрения уже высказывалась, но: далеко идущих выводов из этого никто не делал, и со всем мирозданием никто не увязывал. Почему-то.

Давайте для простоты я буду как бы перечислять. Как бы по тезисам.

Первое. Каждый человек знает, что ему надо для счастья. Богатство, здоровье, любовь, слава и так далее. И почему-то *что-то* ему вечно мешает поступать так, как надо бы для достижения этого: пьет, курит, губит планету, не женится на любимых, то ему совесть мешает, то вспыльчивость, то свободой своей дорожит то сиюминутным искушениям следует. А самое смешное – самые богатые, знаменитые и любимые совсем не самые счастливые. Почему?

Второе. Что для человека главное? Он перечислит то, о чем мы только что говорили. Деньги, любовь, здоровье, слава и так далее. Это для него – атрибуты и синонимы счастья. Это главное. А так ли? Жизнь наша – сплошное прошлое, настоящее – лишь тут же отходящий в прошлое миг. И вот когда человек вспоминает главное в своем прошлом – лучше, ярче, яснее помнится не то, что связано с главным в жизни и карьере, а как бы мелочи неожиданные, и еще – миги главных душевных напряжений, миги наибольшего обострения всех чувств. Смерть подо всем черту подводит – и главным оказывается в основном не то, что человек раньше думал.

Третье. Главным оказываются максимальные ощущения. Максимальные напряжения чувств. Война, любовь, тот труд, когда жилы рвал. Но не только, а еще – на рыбалке в тихую воду смотрел, с другом детства за бутылкой курил. Сила ощущений не зависит прямо от действий, которыми ощущения вызваны, иногда действий и вовсе нет, а просто хорошо, или плохо, или даже неважно как, а просто все чувства обострены, и в память это западает. Вот это для человека на самом деле и главное.

Четвертое. Счастье не во внешних обстоятельствах, а в нашем внутреннем состоянии. И, значит, для достижения счастья надо не гнаться за внешними обстоятельствами, а приводить свой внутренний мир в такое состояние, чтоб быть счастливым. Ни от чего. От всего. Небо голубое, дышится приятно, не болит ничего, и вообще кайф. Буддизм, грубо говоря.

Пятое. Тогда – пошли все в буддисты или наркоманы. Кайф. И не надо пуп рвать. Нюхнул, вколлот, накатил – и счастлив. Млеешь. Просветляешься. По сказочным мирам путешествуешь. Некоторые так и делают. Так почему не все?

Шестое. А потому, что для этого оказывается ненужным очень многое, что есть у человека. Ум. Физические силы. Воля, характер, энергия. Быть счастливым и без этого можно. Жми лапой педальку и замыкай электроды в центре наслаждения в мозгу. Да такая крыса счастливее трудяги-пахаря. Почему все не идем в крысы? В наркоманы? Почему большинство хочет думать и действовать?

Седьмое. Потому что самый сильный инстинкт – это вообще инстинкт жизни. Жить хоча! Да, но жизнь – это ощущения? Буддист, наркоман, фанат компьютерных игр – это ощущатель. А трудяга-пахарь – это действитель. А жить – это значит не только ощущать. Жить – это значит действовать. Нам на фиг не надо горы переворачивать, и так жить можно. Можно? Нам – нет. Инстинкт жизни заставляет действовать. Чем больше гор свернул – тем полнее твой инстинкт жизни себя реализовал. А этот инстинкт – база твоего всего.

Восьмое. *Человек – это двухуровневая система.* Он существует одновременно, диалектически, в двух уровнях: уровень ощущений и уровень действий. С точки зрения человека как субъекта его жизнь – сумма ощущений. И инстинкт жизни велит наощущать за жизнь как можно больше всего, хорошего и плохого, всякого, – это и есть жить. А с точки зрения человека как объекта, стороннего предмета, части вселенной, жизнь его – это сумма действий. Чем больше всего за жизнь переделал – тем больше прожил, тем полнее твой инстинкт жизни себя реализовал. Человек стремится не только к максимальным ощущениям – он стремится к максимальным действиям.

Девятое. Но мы говорили, что максимальные ощущения возможны без максимальных действий. Так на фига нам действия? Мы горы сворачиваем не потому, что Бог дневную норму задал, а потому, что хотим своих личных целей достичь, своим собственным желаниям сле-

дуем. И других кнутом и автоматом заставить пытаемся наши желания выполнять. Мы же утверждаем, что мы разумные – так на фига мы пуп рвем и себя и планету гробим?

Десятое. Это заблуждение, что от природы нам дан разум. А куда девается разум у младенцев, которые были похищены волками и вообще животными, у этих Маугли? Таких случаев описаны сотни. Возвращают десятилетнего ребенка в людское общество – а он уже навсегда животное. Не разумнее шимпанзе. Скелет нам – дан. Мышцы – даны. Обмен веществ – дан. А разум – тут тоньше. *Нам дан не разум, а только способность к разуму.* Она может быть реализована, а может и нет.

Одиннадцатое. Маугли и Тарзан могут то, чего нормальный человек, и даже чемпион мира по акробатике, туризму и бегу на четвереньках не может. Они спят в холоде, переваривают сырое мясо и развивают нечеловеческие усилия при беге или лазанье по деревьям. Словно их психическая энергия пошла не в ум, а в выведение физических возможностей за человеческие пределы.

Двенадцатое. Почему человек, без клыков, когтей и шерсти, стал царем природы? Умный? А много ли ума надо в Полинезии бананы рвать? Или в степи коренья выкапывать? Рассмотрим чисто физический аспект. Человек переносит такие перепады температуры, давления, влажности, периоды голода и жажды, которые в комплексе ни одно животное не перенесет. Сдохнет. Спросите биологов и работников зоопарков. У человека чисто физическая способность к адаптации выше, чем у любого животного. А это значит, милые мои, что инстинкт жизни в человеке присутствует в большей степени, чем в любом животном. Жизни в нем больше, понимаете? А что такое жизнь?

Тринадцатое. А жизнь, в первую очередь, это – изменение. Изменение системы: я – окружающий мир. А можно сказать иначе: жизнь – это энергия. Что такое энергия? Это способность к производству какой-либо работы, действий, изменений. Человек более энергичен, чем любое животное. Зачем Робинзон бесконечно усовершенствует свое хозяйство, если и так уже выжил, и неплохо? Зачем человек изобретает все новую дрянь, если и со старой жить можно? А – энергичен! Мир переделывает.

Четырнадцатое. Инструменталисты рассматривают разум как продолжение руки. Плуг изобрести, порох, автомобиль – и увеличить свои физические возможности. Но не отвечают на вопрос, на хрена человеку это нужно и почему ему это хочется. Не так все просто. Разум – это трансмиссия, проводник, двухсторонний декодер между чувствами и действиями. Благодаря разуму человек чувствует всего всякого много больше животного, причем по поводам, которые сам изобрел. Электромагнитные волны проходят в воздухе, изменяются в ящике, складываются в звуки и изображение – и человек балдеет от того, что футбольная команда на другом континенте вкатила кожаный шар меж двух жердей. Орет, прыгает! Посредством разума мы массу действий, не имеющих ни малейшего практического, выживательного, значения, переводим в сильные положительные и отрицательные ощущения. А ощущения – в действия, в свою очередь: хочу быть крутым, изобретаю атомную бомбу и убиваю миллион человек.

Пятнадцатое. Человек не стремится к тому, чтобы достичь какого-то идеального положения или построить идеальный мир. Это ему только кажется. Он стремится к тому, чтобы этот мир изменять. Уровень достижения – всегда промежуточный. Идеал как горизонт. *Его интересует уровень изменения.* Постоянно. Тут человек не волен. Запас жизни ему диктует. Повышенная энергетика заставляет действовать. Человек и в античном мире неплохо жил. Пища есть, кров есть, размножаться можно? – ну так чего тебе еще надо. Все так называемые человеческие ценности – ценности излишние с точки зрения просто проживания и выживания. «Не хлебом единым» означает: мне мало просто жить. А чего мало-то? А вот хочу еще чего-нибудь. А что значит «хочу»? Значит – неудовлетворенность ощущаю, желание. Ощушаю! Думаю. Действую. Зачем, почему действую? О, масса причин придумана. Но в основе

– ощущение и немотивированное, с точки зрения простого проживания, желание. Таков путь к действию.

Шестнадцатое. *История человечества – это история все более значительных, капитальных действий.* Разум стал силой геологического порядка, справедливо заметил Вернадский, хотя о том же еще Бэкон говорил. А переделыватель-человек не унимается. Не может. Устроен так. Ибо *жизнь – это: ощущение, осмысление, действие.*

Семнадцатое. Если представить себе, что действия человека становятся все более громадными, причем перспектива – без ограничений, времени у Вселенной впереди полно, – то какое действие можно вообразить себе как самое громадное, предельное, максимальное? Что есть такого, больше чего уже быть не может? Правильно, товарищи. Это переделать всю Вселенную. В идеале – создать Вселенную! Равнобожий поступок. Или – уничтожить Вселенную! По абсолютной величине это одно и то же.

Восемнадцатое. Я завершаю. Объективная конечная цель человечества – уничтожение нашей Вселенной и одновременно и тем самым создание Новой Вселенной. Вот так с точки зрения Вселенной получается.

Резюме. История Вселенной – это эволюция энергии во все более структурированную материю. Этот процесс как бы материального консервирования энергии сопутствует ее растущей энтропии. Однако не уравновешивая ее – казалось бы, с механистической точки зрения.

Человек уже научился выделять термоядерную энергию, «законсервированную» в материи. И еще многому научится.

Во Вселенной кроме энергии ничего нет, строго говоря. Все формы материи – вид энергии. Энергетический уровень рассмотрения всего – это базовый, основной, фундаментальный уровень.

Человек – это часть совокупного человечества, которое – часть совокупной энергии Вселенной. И в качестве такового имеет свою вселенскую функцию, ибо ничего нефункционального в мире нет и быть не может. Если что-то кажется нам «бесполезным» – это только потому, что у нас может быть ограниченное представление о «пользе» и отсутствует видение явления как аспекта общих законов Вселенной.

Живое вещество энергетически выше неживого: в процессе своего существования оно в единицу времени своей массой вносит больше изменений в систему «я – мир», чем любое неживое той же массы в то же время. А человек энергетически выше, качественно выше любого другого живого вещества.

Вы скажете: а звезды, где материя переходит в энергию с такой интенсивностью? Не надо упрощать. Семидесятикилограммовый человек уже сейчас способен превратить в излучение тонны материи при термоядерной реакции. Кстати о разуме как силе.

Не исключено, что к моменту тепловой смерти Вселенной какое-либо будущее человечество сумеет выделить всю энергию из всей, ставшей косной, материи, и часы начнут тикать по новой.

Что же касается собственно человека, то вкратце так:

Человек стремится к максимальным ощущениям, реализуя заложенный от природы инстинкт жизни. Разум есть оформление избытка энергии человека в ее психическом аспекте. Благодаря этому избытку – действия человека носят опосредованный характер: примитивное осуществление желаний носит все более технически сложный характер со все возрастающим материальным результатом.

Остается лишь добавить, что предела своих возможностей человек, естественно, не знает. А потому сравнивает собственные достижения с достижениями других. Отсюда потребительское соревнование, ничем в принципе не отличающееся от соревнования в спорте, науке, удали молодецкой и так далее. Мечтая о счастье, человек втягивается в бесконечную гонку карьеры и приобретения: так он мерит для себя степень своей реализации.

Инстинкт жизни. Постигание всего через ощущения. Жизнь как сумма ощущений. Стремление к максимальным ощущениям (для каждого они свои). Мышление как возможность получить ощущения от действий сверх жизненно необходимых. Одновременно мышление как орудие к удовлетворению ощущений – к совершению действий. Тем самым стремление к максимальным действиям – вплоть до уничтожения и воссоздания Вселенной.

При этом – человек как двухуровневая система. Он объективно, физически, реализует себя на уровне действий. А субъективно реализует себя на уровне ощущений – их поиска, добывания, создания, переживания. Один уровень не может быть понят без полного и всестороннего рассмотрения другого.

Однако, время. Спасибо за внимание.

Кирилл перевел дух, слизнул под маской пот с верхней губы (тонкая ткань, которой она была оклеена изнутри, стала мокрой и пахла ацетоном от нитропропитки папье-маше) и посмотрел на часы. Черт, три четверти вырежут! А, хоть этим, что здесь, сказал.

– То есть, вы изложили нам некоторые взгляды позитивистского толка, – непринужденно сказал Познер. – И должен вам заметить, что ничего принципиально нового я, мне кажется, не услышал.

– Не услышали, – безнадежно сказал Кирилл. Ему хотелось хватить стулом об пол, чтоб рассыпался, и одновременно хотелось плакать. – Хотя слушали.

– Никто не говорил, что все действия человека и человечества есть стремление к максимальным действиям через максимальные оптимальные ощущения, – сказал он, и продолжал быстро и раздраженно:

– Никто не говорил, что физически человек имеет самый большой из живых существ ресурс выживаемости.

Никто не говорил, что человек обладает от природы не разумом, но лишь способностью к разуму.

Никто не говорил, что разум есть оформление избытка психической энергии человека. Которая есть аспект его общей повышенной, по сравнению с прочими животными, энергетика.

Никто не говорил, что именно повышенная энергетика есть коренное отличие человека от прочих живых.

Никто не говорил, что человек выделился из прочих живых, когда овладел огнем. Присоединил к своей энергии энергию вещества планеты. А до того: и волки отлично организованы для охоты, и обезьяны пользуются орудиями, и дельфины имеют праязык из сотен сигналов.

Никто не говорил, что история человечества – это история энергопреобразования вещества Земли, история совершения все больших преобразующих действий на планете.

Никто не говорил, что разум есть двухсторонний декодер между ощущениями и действиями, и посредством разума можно получать массу ощущений, невозможных непосредственно органами чувств.

Никто не говорил, что стремление к свободе есть проявление второго закона термодинамики: стремление к такому положению, при котором можно выделять максимум энергии – что хочешь, все то и можешь. Стремление к конечному абсолютному покою через выделение всей обладаемой тобою энергии. Никто не видел в святом и воспетом стремлении к свободе соответствие общим законам физики мира.

И никто не сказал – о да, конечно, сделаем оговорку: с материалистической точки зрения – хрен ли делает человек во Вселенной, на фиг нужен? Был или идеализм, или антропоцентризм. Даже странно, правда?

И никто не увязывал экзистенс с материалистической Вселенной. Не проводил линии от мечты о счастье до Большого Взрыва. И не рассматривал все сущее на той единой базе, что я.

И никто не говорил, что человечество не может погибнуть, пока не выполнит это свое предназначение!

А вы, безграмотные тупицы, слегка знакомые с институтским учебником философии и эрзацем для умственно бедных с фабрики Кастанеды, морочите мне яй... мозги и пытаетесь снисходительно похлопывать по плечу. А мудрыми называете тех, чьи умственные способности сродни вашим.

Я пришел сюда, чтобы открыть вам истину, а не для того, чтобы дискутировать с вами. И подавитесь этой маской, которую вы норовите натянуть на меня в дурацкой передаче о вашей дурацкой жизни!

Потом говорили психолог, социолог и двое из зрителей.

– Вы не хотите снять маску?

– Не могу! Вы слушаете лишь тех, кто в масках. Прочих вы считаете равными себе.

Уйти он сумел хотя со скандалом, но без милиции. Было понятно, что выход передачи в эфир, даже в сильно урезанном виде, крайне проблематичен. А что делать?.. Сказать-то надо было.

«Достаточно, если поймут немногие, – бормотал он под нос, бредя ночной улицей под дождем – дождь был весенний, теплый. – Достаточно, если один. Достаточно, если ни одного...»

11.

Последний вечер философского кружка прошел печально. Из пустого класса спустились в дворницкую. Ненадолго Кирилл оставил гостей, пошуровал огонь в кочегарке и набросал поверх побольше угля. Прикрыл поддувало. До утра будет рдеть, глеть, греть, гореть. Тепло уже. Весна.

Тахты, скамьи, двух стульев и табуретки почти хватило. Двое уселись на полу, с видом удобства скрестив ноги.

– Через сорок минут затекут, – предупредил Кирилл, – проверено. Но нам, наверное, хватит.

Достал из шкафчика три бутылки дешевого вина и развел красную струю по одноразовым стаканчикам из мутного пластика. Поить школьников водкой представлялось непедagogичным. На закуску оказалась чья-то булочка.

– Что вы так резко уходите, Кирилл Андреевич? – были вздохи. – Скучно без вас будет.

– А что ж ему, так дворником и упираться? Конечно вам надо в институте преподавать.

Кирилл поднял стаканчик и через силу подмигнул:

– Ну – за все хорошее, господа ученики! А на будущее – не думайте, что если вы умные, так вас будут понимать. Или вообще слушать. Давно и не нами сказано: истину вообще нельзя сказать так, чтоб ее поняли...

– А что же делать?

– Ну, есть продолжение этой фразы: «... ее можно только сказать так, чтобы в нее поверили».

Было молчание, подобающее моменту, и дюжина пар глаз, и колеблющийся огонек свечи, зажженной для интима, и сигаретный дым, и смутные мысли о разном. Хорошо; грустно; подобающе. Потом один спросил:

– А как это сделать? Чтобы поверили.

– Ну... Пока не распнут – не поверят.

– Не очень веселая перспективка.

– Ну... дело такое.

12.

Пластит был давно куплен в Крыму. Не нужен стальной капкан вместо ума, чтобы сообразить: пластиковая взрывчатка удобнее прочих для подводных диверсий, а учебные базы боевых пловцов не могут не быть на Черном море. И поскольку Украина беднее России, украинские вояки за те же деньги более сговорчивы и продажны. Найти по каталогу в библиотеке пару книг о героях морских глубин проще простого. Почерпнутая информация позволяла, не вдаваясь в военные тайны, выдавать себя нечаянными деталями за «боевого тюленя», списанного по здоровью. Бутылка горилки безотказна в качестве универсального средства для завязывания дружбы; самостийной мовы с кореша не требовали, моряк моряку все-таки моряк. Стрижка, кожа, адидас и золотая цепь превращают вас в братка, а принадлежность к братве объясняет интерес самым простым и естественным образом. Чего ж логичнее: братку взрывчатка нужна, дело житейское. Платит гринами, и никого ничего не касается. Лукавый и откормленный сундук-мичман с посеидоновскими трезубцами на петлицах решил все проблемы Кирилла за штуку. Сумасшедшие это бабки для простого украинского моряка, столько флот платил бы офицеру за год, если бы платил. Не удаляясь от Севастополя, Кирилл и нарыл таким образом четырехкилограммовую упаковку плаstitа, моток детонирующего шнура, пару метров бикфордова и коробочку с шестью детонаторами. Делов-то. Люди ранцевые ракеты грузовиками покупают.

Черную «Поваренную книгу анархиста» он приобрел с лотка на трех вокзалах.

... Теперь и настал черед этого припаса.

Однако любая диверсионная акция требует, кроме средств исполнения, операцию прикрытия. В пестрой толчее Старого Арбата он отыскал среди сувениров десяток флаг-вымпелов со славянской вязью по алому «Москва – любовь моя!», а на грязных задах Киевского рынка разжился у алкашей стираной спецовкой, кусачками и брезентовой сумкой для инструментов. Коричневые корочки с серебряной надписью «Муниципальная служба» продавались со столика всевозможных удостоверений возле «Арбатской». Напечатать вкладыш было не сложно прямо на школьном компьютере.

В канцтоварах он выбрал гербастые (почему-то, но кстати) бланки нарядов на проведение работ. Ну, а уж печать в любой мастерской вам без бюрократической волокиты сделают любую, если это только не министерство или Центробанк.

Еще нужна была раздвижная стремянка. И – часов в восемь утра следовало поймать фургончик, «москвич»-каблучок лучше всего: на таких и ездят сантехники, дежурные электрики и прочие телефонисты и мелкие аварийщики.

В итоге к хилому шлагбауму, перегораживающему узкий проезд Болотной набережной позади кондитерской фабрики «Красный Октябрь» подкатил в меру раздолбанный служебный автомобильчик. Работяга предъявил зевающему вахтеру не вызывающие подозрений бумажки, матерно поворчал насчет формальностей и отправился выписывать пропуск. Май близится, вот и флаги.

Кирилл вскинул на одно плечо стремянку, на другое сумку с инструментами и, рея на речном ветру любовью к Москве, как балет «Красный мак», двинулся к Истукану. В вышине бронзовый Гулливер запутался между парусов, вантов и штурвалов, как Авессалом в ветвях. Из этого положения он устался в сторону Лужников и Университета, как бы грозя проконтролировать развлечение и обучение одновременно.

Кирилл раздвинул стремянку у подножия монумента и поднялся. Пластит был заблаговременно раскатан в колбаски, облепившие через равные промежутки детонирующий шнур. Колбаски были вкруговую прихвачены суровой нитью к изнанке верхнего края вымпелов. Кирилл горизонтально прилепил к бронзе колбаску, прикрытую вымпелом, на высоте метров

двух с половиной. Для надежности прихватил шнур скочем – бронзу пришлось протирать от пыльного налета, чтоб толком приклеилось. Он учел даже это – полил тряпку бензином для зажигалок. А пластик лип к чему угодно, колбаски пришлось бережно разъединять.

Держа и разматывая аккуратно свернутую в кольцо гирлянду, спустился и одной рукой передвинул лесенку вбок. Поднялся и повторил процедуру.

Через пять минут гигантский витиеватый столб монумента был украшен понизу кольцом алых с золотом стягов. На его фоне они смотрелись мелко и весело, как новогодние флажки на елке. Ветер мял и разбирал буквы насчет любви к Москве.

Детонирующий шнур горит со скоростью две с половиной тысячи метров в секунду. Горение с такой скоростью называется взрывом. Он обеспечивает одновременный подрыв соединенных зарядов. Скрытые вымпелами заряды прочеркивали металл ровным пунктиром.

Мощность четырех килограммов пластита соответствует мощности восьмидюймового снаряда морского орудия, проламывающего броневую палубу линкора.

Закончив работу, Кирилл закурил, глубоко затянулся и прижал огонек сигареты к обрезу бикфордова шнура. Шнур тихо и ровно зашипел, и бело-красное колечко уползло в глубь металлической оплетки от душевого шланга. Это маскировочное приспособление было также окрашено в революционный майский цвет и закреплено вкруговую под флажками. Два метра сорок сантиметров, пара шлангов соединены пропущенным внутри шнуром. И не видно.

Бикфордов шнур горит в любых условиях с неизменной скоростью один сантиметр в секунду. Погасить его невозможно. Ему все равно, в воде гореть или в песке. В воздухе для горения он не нуждается, окислитель содержится в самом материале. До детонатора, вмятого в пластик, ему полагалось догореть ровно за четыре минуты.

Пятачок был пустынным, закрытым. Здесь никто не ходил. Что и требовалось. Кирилл спрыгнул вниз и, оставив барахло, не слишком быстро зашагал к машине за шлагбаумом.

- А инструменты? – спросил водитель.
- Все равно вернуться придется, – сказал Кирилл.
- Так сопрут же, – хмыкнул водитель и дал задний.
- Вряд ли, – сказал Кирилл.

Он вышел на мосту, перед светофором на Большую Полянку, расплатившись и ничего не объясняя. Приблизился к перилам, вздернул рукав над часами и зачем-то плюнул в мутную воду. Секундной стрелке оставалось еще пол-оборота. Монумент был почти закрыт уродливым темно-бурым коробом «Красного Октября».

Металлический ветвистый кактус, порождение горячего сна гиганта, слегка подпрыгнул и косовато завис в воздухе. Основанием ему один миг служила вспышка, тут же из белой ставшая воспаленно-розовой, красной, вскурчалась пушистым дымком и растаяла. Мост под ногами мягко и тяжело дрогнул. Воздух хлопнул по лицу, как занавес. В уши не то толкнуло, не то кольнуло, и под черепом возник тихий комариный звон.

Монумент плыл, кренился, рухнул, исчез. Порскнули гранитные крошки ограждения. Два крупных бронзовых обрывка плыли в небе и кувыркались, как подбитые птицы из страшной сказки про Синдбада.

Раздался негромкий грохот и плеск падения.

Острые языки металла развернулись из основания, как клумба абстракциониста.

– Так даже лучше, – с задумчивым удовлетворением сказал Кирилл, слыша свой голос внутри головы, уши оказались заложены.

– Христофор Колумб, – сказал он, – Петру родственником не был и нас не открывал. Что ж это, в самом деле, за уподобление русских туземцам, открытым европейцами. А если ты дикарь, так за себя и отвечай.

Вдали пересыпался звон сползающих по стенам и подоконникам стекол.

– Сладкое вредно, – утешил Кирилл фабрику.

Напоследок зазвенело совсем тихо и мелодично. Выхлестнуло витраж в Храме Христа Спасителя.

Тогда загудели машины и раздались голоса.

13.

– Итак, дубина, ты хотел взорвать храм. – Лужков захлопнул пухлое кирилловское «Дело» и сдернул очки. Глубокая вечерняя тишина ощущалась во всем здании мэрии, камнем обьяв огромный, в пять окон, кабинет.

– Ну еще бы... – пробормотал Кирилл, переминаясь на ковре, и попытался приличнее пристроить скованные спереди наручниками руки: от гениталий поднял их к груди, но поза образовалась молитвенная, пришлось опустить обратно. – Покушение на устои веры и государства... Да для чего мне это надо? Я никому не враг, господин мэр.

– Но повреждения нанесены! – Лужков пристукнул ладонью. Кирилл подумал, что лицо лысого толстячка похоже на колобок, не слишком старательно скрывающий в себе взведенный стальной капкан.

– Я понимаю, – он вложил в голос сердечное сочувствие: – Храм – ваше детище, вот вам и обидно. Так я наоборот. В смысле, – добавил он поспешно, – зачем же такой храм оскорблять таким безобразием.

– А храм, значит, нравится? – переспросил мэр (не то насмешливо, не то примирительно, не то капкан изготовился щелкнуть).

– Честно говоря, нет.

– Что так?

– Довольно безвкусная коробка. Непропорциональная. Громоздкая. Но стоять, считаю, должен. Все же святилище. Символ.

– Ты, значит, считаешь себя вправе самолично распоряжаться, какое искусство нужно москвичам? А какое – взрывать!!

– Я не самолично...

– А как? Группа? Бандформирование? Или референдум провел, а я и не знал?

– Юрий Михайлович, вам известно, что в народе говорят?

– Мне известно, что в народе говорят, – уверил Лужков, и тень от лампы накрыла половину лица, как козырек. – Я и сам не аристократ.

– Известно, кепка...

– Что ты там бубнишь?

– Что Церетели – ваш друг, и использовал личные связи, чтоб воткнуть своего истукана. Что умеет делать большие бабки, и на этом тоже заработал неслабо. Что западлю ставить в столице России памятник, от которого америкашки в Атланте отказались. Да что мы – помойка для их отходов с биг-маками и кока-колой, что ли.

– Ага. Патриот, значит, нашелся.

– Если не я – то кто, если не сейчас – то когда, если не здесь – то где?

– Только без демагогии. А что ты в Останкине нес про конец света? Все у тебя увязано! – Он швырнул по столу кассету – стало быть, с передачей, так пока и не вышедшей.

– Журналисты вас не любят, Юрий Михайлович, – брякнул вдруг Кирилл.

– И не должны. Деньги они любят, славу и себя. А должны рыть правду... нужную! И говорить.

– Боятся они вас. И власти вашей. Что против вашей воли много не пикнешь.

– Пикают, пикают... И что бы им еще хотелось пикать?

– Что имеете вы со всего в городе. Даже и с книг, и с проституток, и с мафии.

– Что ж не едят? Пусть подадут в суд, он разберется. Сорок судов я уже выиграл.

– Говорят, что в Москве крутится три четверти всех российских денег, вот вы ее и можете украшать, а по стране жрать нечего, – упрямо сказал Кирилл, вода взглядом по строю телефонов сбоку обширного стола.

– Поэтому то, что я строю, надо взрывать?

– Да не должно быть так, чтобы народ за свои же деньги получал всякую дрянь против своего желания! Все обирают, все сладко поют, хоть заики... и все плюют в рожу.

– Хороший бы из тебя шут вышел, – помолчав, улыбнулся Лужков. – Плевать правду в рожу. Как раньше при дворах, знаешь? И справочку из психушки – индульгенцию: сей дурак за свои слова не отвечает.

– Может, я и шут, но за все отвечаю, – мрачно сказал Кирилл.

– Похвально, – Лужков черкнул в настольном календаре. – Значит, так. Ты хороший парень, правдолюбец, правдоискатель, и так далее. Но ты согласен, что я, как мэр этого города, не могу допустить, чтоб здесь среди бела дня гремели взрывы, сносились памятники, стекла из храмов вылетали? Согласен?

– Согласен. Каждому свое.

– О. Насчет своего. Что тебе светит – ты знаешь. Когда приговорят – дергаться будет поздно. Я тебе предлагаю следующее. Тебе организуют пресс-конференцию – прямо послезавтра. Ты заявишь о своем полном раскаянии. Расскажешь, как мы с тобой поговорили, ты все понял, осознал... что встреча со мной заставила тебя многое переоценить, взглянуть глубже, и теперь ты так ни за что бы не поступил. Ну, там, пара благодарных слов – ай, для проформы, – перечислишь, что я сделал для города: список тебе дадут, прочтешь, выучишь... За это я обещаю тебе помилование.

– Помилование? Мне? За что?

– Ну... Дело отправят на следствие, там проведут повторную психиатрическую экспертизу, признают невменяемым... ерунда: пару месяцев посидишь почти на санаторном режиме, вредных процедур к тебе применять не будут, позаботимся. Присмотр, кормежка, а там выйдешь тихо, все позабудется. И ступай себе с Богом.

Кирилл мучительно вздохнул.

– То есть: я выступаю вашим сторонником, своим поведением привлекаю к вам симпатии – открываю ваше милосердие, доброту, радение о благе города...

– А что, не так? Или по-твоему милосердие ходит в слюнявчике? С этим стадом расслабиться не могли. Да они сами друг друга порежут и пожрут! Толпа – как дети, блага не понимает и добра не помнит. У любви к народу, паренек, рука должна быть железная. Короче, выбор у тебя небольшой. Ответ сейчас.

– Да. Душа или жизнь. Так это не выбор.

– Не понял, о чем ты мямлишь. Так договорились?

– Нет, Юрий Михайлович. Я скажу на суде все, как есть.

– Что – «все»? Как – «есть»? Кому ты «скажешь», дурень? Кто-то услышит что-то новое? Глаза раскроет? уши прочистит? И что – что-то изменится? Декабрист разбудит Герцена? И что в итоге – ты историю учил?

– Я скажу, что единственный путь быть человеком – это каждому здесь и сейчас делать все по совести и уму.

– Уму. Муму! Знаешь, как это называется? Вялотекущая шизофрения. Тебя действительно в психушку надо, – Лужков плюнул и подытожил устало: – Несешь детский лепет, а сам с бомбами бегаешь. Ну и подите вы все к черту. Я умою руки.

Он действительно отворил в дубовой панели позади стола неприметную дверцу в помещение для отдыха, оттуда – в ванную, взял душистый французский «пальмолив» и открыл горячую воду.

14.

Косой серый дождик моросил на Поклонной горе. Асфальт дымился, и пелена подернула контуры дальних высоток.

В прокуренном «рафике» пришлось нудно ждать завершения приготовлений. Кирилл владел собой и выглядел вполне спокойным. Конвоиры, зажавшие его с боков на заднем сиденье, чутко фиксировали любое движение. От колючих волглых шинелей удушливо припахивало псиной.

Крест подвезли на грузовичке с открытой площадкой, на ней торчала колонка портативного подъемного крана. Грузовик остановился возле узкой, колодцем, ямы, намотав на переднее колесо жирную рыжую глину, оплывающую кучей у края.

Двое работяг в брезентовых куртках и касках спрыгнули из кабины. Один застропил крест и махнул. Другой нажал на кнопки маленького черного пульта, соединенного кабелем с краном. Крест косо всплыл в воздух.

Он был бетонный, шероховатый, толщиной с четырехгранную железнодорожную шпалу. Поперечина под верхним концом была в размах рук. Длинный нижний конец стропальщик придержал и направил так, чтобы он полого уперся в край ямы. Перекрестие опустилось аккуратно на ребро платформы. Оба закурили, укрывая сигареты в горсть от дождя, и стали смотреть на «рафик».

Кирилл вздохнул и пошептал.

– Ну, пойдете, – просто сказал распорядитель. Он откатил дверцу, выкарабкался, поднял воротник плаща и стал раскрывать зонтик. Зонтик заедало, судя по грубой пластмассовой ручке товар был китайский, дешевый и недолговечный, и распорядитель повозился, закрепляя соскальзывающий упор спиц.

Конвоиры с ненужной силой подхватили Кирилла под мышки и повлекли. Тот, что был повыше и понеукложей, наступил сапогом ему на ногу и негромко извинился.

Свежесть и влага оказались приятны. Тонкая водяная взвесь щекотала лицо. Непроизвольные приступы крупной дрожи раздражали, и Кирилл сосредоточился на их подавлении.

– Раздевать? – буднично спросил коренастый конвоир с сержантскими лычками. Сбрызнутое дождем, его лицо запахло гадким цветочным одеколоном. Напарник опять наступил Кириллу на ногу.

Распорядитель поколебался. Одетый живет на кресте дольше, иногда умирает лишь на пятый-шестой день от обезвоживания; муки его растягиваются. Нагой гораздо быстрее теряет сознание от переохлаждения, и сердце его останавливается; зимой он мучится каких-то несколько часов и засыпает в милосердном забытьи. Правда, летом нагого больше истязают комары, но в апреле их еще нет.

– Раздевайте, – сказал он голосом сурового добряка.

– Ну че, сам разденешься, мужик, или помочь?

Кирилл расстегнул плащ, стянул, встряхнул и стал аккуратно складывать, стараясь, чтоб эта невинная и законная оттяжка времени не была чрезмерной и не выглядела трусостью. Положил плащ на край платформы и подумал, начать со свитера или с ботинок. На ботинках можно долго распускать шнурки, зато асфальт мокрый.

Однако касание мокрой пористой поверхности к босым ступням оказалось неожиданно приятным, и даже очень приятным. Радость от ощущения жизни, подумал Кирилл.

Из-за ненастья зрителей было немного. Московские пробки и расстояния вообще не способствуют многолюдности подобных зрелищ. Да и пятница – день рабочий. Кто попрется получать сомнительное удовольствие от того, как человека привяжут к перекладине и так оста-

вят. Расстрел или в особенности декапитация вызывали гораздо больше интереса и собирали обширные аудитории, но случались они не так часто.

Переносные трубчатые барьеры ограждали пространство. У прохода скучал наряд мен-тов в сизых плащ-накидках с нахлобученными капюшонами. ОМОНовский фургон держался поодаль, оттуда, за явной вялостью церемонии, даже не показывались.

Пяток молодежи с пивными банками из ближайшего павильончика, пара пенсионерок, бомж с сумкой, вислый транспарант «Свободу патриотам нашего города!». Кирилл и не надеялся увидеть здесь кого-нибудь из своих учеников, и даже не хотел этого, но мог бы вообще-то хоть один и прийти.

– Вот сюда подойдите.

Его уложили спиной на бетонную балку, наклонно опирающуюся на край платформы грузовичка. Плечи довольно удобно поместились на перекрестии. Руки с силой, грубо развели, растянули и примотали запястья к перекладине нейлоновым бельевым шнуром – плотно, но без рези (чтоб не нарушать кровообращение, подумал Кирилл). Ступни пристроили на пред-назначенный для них бетонный выступ («Черт, длинноват. Не выпрямится. – Все равно обвиснет»), охватили щиколотки в десяток крепких витков.

Врач достал из квадратного дерматинового саквояжа склянку с кристалловской водкой. Там плескалось примерно на стакан.

– На, выпей.

Он внимательно проследил, как Кирилл двигает кадыком, пошуршал в саквояже и сунул ему в рот ломтик соленого огурца: «Зажуй».

Пока все в порядке, хмыкнул Кирилл. Позыв к дрожи исчез: алкоголь не принес тепла или опьянения, просто стало немного удобнее и спокойней. Только какой-то острый выступ давил в левую почку... но в вертикальном положении это должно исчезнуть. Правда, тогда начнутся другие неудобства. Даже интересно: в этом нет ничего страшного. Абсолютно не верилось, что скоро он начнет испытывать мучения, предшествующие концу – ни от чего, просто вот от такого своего положения. Нет, все-таки российский закон бывает гуманен.

Распорядитель прикурил и воткнул ему в губы сигарету. Совсем не плохая марка – «Золотая Ява». А какая реклама для ТВ пропадает! «Твое последнее желание!» Вообще-то двусмысленно.

Мысль о телевидении оказалась... правильной, потому что распорядитель посмотрел на часы и пробурчал:

– Н-ну?.. где они там застряли... Вечная морока.

Кирилл дожег сигарету до фильтра, когда к проходу в барьерах подкатила черная «Волга» и фукнула перед тем, как заглушить мотор. Из нее выскочил парень в джинсах и наговской куртке, расставил поданный изнутри треножник и стал держать над ним зонт. Тогда вылез второй, с телекамерой, и закрепил ее на штативе. Третий, в костюме с галстуком, переступил перед объективом на фоне креста и поднес ко рту поданный ассистентом микрофон.

– Сегодня в полдень на Поклонной горе состоялась церемония прощания с преступником... Стоп, – сказал он в камеру, откашлялся и молодым поставленным голосом зачастил сначала: – Сегодня в полдень на Поклонной горе состоялась церемония распятия преступника, который пытался взорвать храм. На встрече присутствовали... стоп! Черт, что это я сегодня. И-и (пауза) – на процедуре присутствовали представители районной администрации, исполнительная группа и, естественно, медицинский контроль. Последнее напутствие осужденному дал представитель московской епархии. Мы попросили осужденного ответить на несколько вопросов нашего канала.

Он замолк и отшагнул в сторону. Оператор снял Кирилла, лежащего на неустановленном кресте. Сюжет был, видимо, рассчитан от силы на минуту, и следовало выхватить основные кадры.

– Ну давайте, давайте, не спать! – одернул распорядитель крановщика со стропалем. Кирилл взмыл в воздух и стал плавно перемещаться к вертикали. Ноги постепенно напряглись, упираясь в выступ.

– Майнай помалу, – скомандовал стропальщик, показывая короткими движениями руки в брезентовой рукавице.

Крест пополз вниз, встал на дно ямы, раз-другой качнулся на тросах и утвердился ровно. Стропальщик махнул и ногой сдвинул в яму камни, лежавшие на краю. Взялся за лопату, воткнутую в кучу глины. Глина натужно чвакнула, отрываясь.

Когда у основания креста вырос желтый холмик, стропальщик потолкал крест, остался удовлетворен надежностью работы и начал снимать трос.

Приблизился священник в облачении, крупный решительный мужчина с подстриженной бородой. Служка маневрировал над ним большим английским зонтом. Священник раскрыл тревник на закладке и без особого выражения загудел молитву.

Оператор снял. Священник закончил. Телекомментатор протер платком свои очки в круглой золоченой оправе и вышел из-под зонта ассистента. Следить за ними сверху было даже интересно.

– Раскаиваетесь ли вы в своем поступке? – спросил телевизионщик, вздел микрофон на штангу и поднял к Кириллу.

– Отнюдь, – ответил Кирилл, и остался доволен твердой иронией ответа. Он похвалил себя за то, что заранее купил приличные зеленые плавки, в меру широкие и плотные. Хорош бы он был сейчас в трусах, облипших интимные места. – Стоило весь огород городить из-за того, чтобы потом передумать.

– А что вам особенно не нравится в... том, что сейчас здесь происходит?

– Экскурсия школьников, – сказал Кирилл сердито и показал подбородком за барьер – там подтянулся класс так примерно четвертый, во главе с учительницей. Девочки благонаравно внимали ее объяснениям, разглядывая его фигуру. В задних рядах мальчишки играли в «жучка». – Совершенно это лишнее, я считаю. Не средневековье, все-таки.

– Теперь вы уже можете открыто говорить что угодно.

– А вы?

Телевизионщик пропустил шпильку мимо ушей.

– Является ли скульптор Церетели вашим личным врагом? Вы с ним встречались? Не хотели ли вы сами в прошлом стать скульптором, но это по каким-то причинам вам не удалось?

– Да бросьте вы, – Кирилл даже сделал пренебрежительный жест кистью привязанной руки. – То, что сделал я, очень многие хотели. Погода плохая, день рабочий, а то б здесь народу было знаете сколько? Просто – когда хотят многие, а решается один – один за всех и огребают. Персонификация коллективной ответственности, можно сказать.

– И последний вопрос: считаете ли вы, что вас действительно распяли за взрыв памятника, а храм – лишь предлог? Или истинные причины вашей казни иные?

Балабол балаболом, а тоже соображает, приятно удивился Кирилл. Все-таки ему повезло: такой вопрос – на кресте перед телекамерой!

– Истукан – ерунда, – сказал он. – Мелкий символ большого размера. Дело в том, что я говорил в последние дни. Ну, слово – это ведь дело, правильно? А особенно в том, что я сказал недавно в передаче «Человек в маске». Вы узнайте, когда она выйдет в эфир. Должна скоро выйти.

– И что же вы там сказали? – заинтересованно спросил телевизионщик, и Кирилл набрал воздуха, готовясь в последний раз объяснить всем, как создан мир.

– Пленка кончилась, – вдруг сказал оператор.

– Так смени кассету, только быстрее.

– Да вообще кончилась.

– Как кончилась?

– Да сколько мы сегодня сюжетов сняли? Сам же вечно кричишь «давай с запасом»!

Кирилл закрыл глаза.

Дождь превратился в ливень. Поклонная гора опустела. Он попытался расслабить замерзшие, немеющие от напряжения плечи, слизнул с губ воду и приготовился умирать.

15.

Ночью вызвездило. Веревки впились и резали распухшую плоть.

Заледеневшее тело обвисло и все реже пробивалось судорожной дрожью.

Он выдыхал с хрипом и подстаныванием.

Шелест и тихое тяжелое фырчание двигателя вошли в слух и дали осознать себя. Он поднял веки. Возобновление уже нарушенного контакта с реальностью стоило дополнительных усилий и было нежеланно.

Элегантно-громоздкий джип въехал прямо на площадку и ослепил, врубив все фары.

– Браток, – услышал он весело-удивленный голос, – Да это никак ты? Чего это ты сюда взобрался? А ну-ка слазь!

Крепкие руки подхватили его, обрезанные веревки упали, Кирилла завернули в шерстяное пальто, втащили в машину и сунули в рот горлышко бутылки.

– Чистая пьета, – сказал в темноте второй голос.

– Да он не пьет.

– В чердаке у тебя свищет.

– Не понял?

Кирилл с усилием глотнул, холодным комком протолкнулся внутрь, под ложечкой возникла колючая горошина, сделалась горячей и большой, как теннисный мяч, он глотнул еще, раскаленные иголки забегали по телу, в ступнях и кистях завибрировали болезненные частые пульсы.

– Менты за тебя штуку баксов сняли, волки, – сказал первый и включил зажигание. Он рулил вниз и весело болтал:

– А мне братан звонит, его тут сейчас типа в армию прихватили, так представляешь, салага – прямо с тумбочки через батальонный коммутатор прозвонился мне на трубку: они «Время» смотрели, а там про тебя показывали, он говорит: может, пацаны сделают чего, а то вообще ничо мужик, я говорю: тебе-то чего, а он говорит: меня припахали как-то, а он выпить дал и сигарет, и вообще, денег пару рублей, чего пропадать-то человеку, он по делу мандулу грохнул, среди бела дня, в центре города, причем не пострадал никто, ну, я въехал тогда, про кого, пацанам говорю, поржали, наш человек, говорят, ты где подрывному делу-то учился, базар к тебе есть, погоди, приедем, ты давай, пей еще, грейся, мы подумали, а чего, бабки жалко, что ли, ну, и вот, я еще братану говорю: надоело мне уже твоему комбату куски кидать, прихватят тебя сейчас, что ты по салабонству с тумбочки звонишь, за жопу – и в туалет на разборку, а он еще про тебя: чудной фраер, с осликом, а человек в этом говенном городе, е-мое, думаю, стоп, видал я тут на кольцевой тоже одного мудака без башни с осликом, ну, подъезжаем – ух ты, а это ты, дела, понял, кстати, ты куда ослика-то дел?

16.

Ослик находился в квартире на девятом этаже. Он удовлетворенно жевал капустный кочан и поглядывал на семейство.

Еще вечером он исправно скучал в подвальном сарае, ожидая затянувшегося решения своей участи, когда загремел замок, зажглась тусклая лампочка, и вся семья – мама, папа и мальчик Филиппок – встала в дверях в выжидательных позах.

– Это он с ним был! – возвестил Филиппок, тыча пальцем.

– Завтра же от него надо избавиться, – беспрекословно приговорил папа.

– Жлобье народ, – сказал ослик.

Мама побелела. Папа оглянулся. Филиппок забил в ладоши.

– Никто не умеет думать, но каждый имеет готовое мнение, – сказал ослик.

Мама осела папе на руки.

– Ох да ни х-х-хрена себе... – сказал папа тупо.

– Трудно вас, сволочей, любить, – сказал ослик.

Мальчик Филиппок почувал в этом обвинении страшное, брызнул слезой и бросился ослику на шею.

Теперь совет решал уже восемь часов: продать ослика в цирк, обратиться к журналистам, сорвать деньги (как?..) за телепередачу, связываться ли с учеными, арендовать помещение, дать рекламу и открыть платный аттракцион, или лучше всего подождать немного, посмотреть, что будет дальше, но, черт, как с ним теперь обращаться?..

Ослик аккуратно подобрал с кухонного линолеума лохмотья капусты, выбросил продукт своей жизнедеятельности, деликатно махнул над ним хвостиком и стал вещать:

– История Вселенной – это преобразование энергии в материю, время и пространство.

История жизни на Земле – это история все более сложного структурирования материи, способной, в свою очередь, выделять энергию из окружающей среды.

Энергия консервируется в материю, чтобы затем снова выделиться. Таков космический маятник.

Вселенная – закрытая система. Пространство ограничено количеством энергии. Иначе – кривизной светового луча. Энтропия имеет место в замкнутом пространстве. Маятник преодолевает следствия энтропии.

История человечества – это история прогрессирующих преобразований окружающей среды. История прогрессирующего выделения энергии из окружающей материи.

Человек энергетически неуравновешен с окружающей средой. Он от природы обладает большей энергией, чем необходимо для простого выживания и воспроизведения вида.

Поэтому он переделывает все, что можно изменить. Функция человека – передел мира. Все во Вселенной функционально.

Человек относится к эволюционирующей окружающей среде, как ускорение к скорости. Пока не переделает все – не остановится.

В идеальном удалении «все» – это уничтожение нашей Вселенной и, тем самым, создание Новой Вселенной.

Человек как острие эволюции. Человеческая мысль и деятельность как запальный механизм Большого Взрыва.

Разум есть энергия второго рода. При минимуме собственных энергетических затрат – максимум выделения энергии из окружающей материи. Максимум производства работы и преобразования среды.

Разум есть оформление избытка энергии человека. Если младенец формируется вне человеческого общества, избыток энергии идет на приспособление организма к условиям животного выживания, превосходящим возможности обычного человека. Разум в этом случае не формируется и отсутствует.

Человек наделен от природы не разумом, но лишь способностью к разуму. Эта способность может принять форму разума – или форму иной энергоемкой адаптации к условиям жизни в окружающей среде.

Механизм физической энергии человека организован на психическом уровне. Мы говорим о психической энергии человека как «командном уровне» его общей энергии.

Человек – это двухуровневая система. Он существует на уровне чувств и уровне действий.

Субъективно жизнь человека – это сумма ощущений, получаемых в течение жизни.

Объективно жизнь человека – это сумма действий, совершенных в течение жизни.

Разум есть оформление избытка энергии в психическом аспекте.

Разум есть трансмиссия и декодер между уровнями чувств и действий.

Ощущение возбуждает мысль. Мысль ведет к действию.

Действие трансформируется через мысль в ощущение.

Инстинкт жизни есть базовый, природный, фундаментальный уровень существования. Инстинкт жизни диктует наощущать как можно больше за жизнь.

Человек стремится к ощущениям. В зависимости от силы и типа психической (нервной) системы можно говорить, что главное, безусловное, базовое стремление человека – это стремление к максимальным оптимальным ощущениям.

И человек стремится к действиям. Максимально возможным для себя. Трансформируя их через разум, он получает от своих действий максимальные ощущения.

Получение ощущений через экстремальные ситуации – «щекотка нервов» – есть побочное следствие этого механизма.

Получение ощущений через наркотики и алкоголь – «напрямую», без действий – есть также побочное следствие этого механизма.

Самореализация – закон жизни. Биологическая сущность человека стремится к максимуму ощущений и действий.

Потребность понимать и познавать есть продолжение и развитие потребности чувствовать и действовать.

Ограничение в ощущениях, познании и поступках несносно человеку, ибо противоречит инстинкту жизни, оформленному в стремление к самореализации.

Свобода – это стремление к неограниченной самореализации.

Свобода – это стремление к состоянию, когда человек может все.

Свобода – это стремление к такому состоянию, когда человек ничем не ограничен в сферах чувств, разума и поступков.

Это стремление к состоянию, когда человек может выделить максимум энергии. Тем самым свобода находится в полном соответствии со Вторым началом термодинамики. Говоря о священности свободы, мы признаем святость Второго начала.

Каждый, кто ограничивает мою потребность в знании – мой враг, стремящийся уменьшить мою жизнь и ослабить мой инстинкт жизни.

Ни одна мысль не бывает излишней. Ибо человек живет в мире излишних ценностей. Все ценности, которые мы называем «человеческими», излишни для простого выживания и воспроизводства индивидуума и рода. Любое ограничение моей мысли противоестественно для меня.

Человек стал человеком, когда додумался до поддержания огня.

Огонь – простейшая природная форма выделения энергии из окружающей материи – сделал человека человеком. До этого – и организация сообщества, и акустические сигналы, и применение орудий труда, и сообразительность в применении к условиям и нуждам – встречались и продолжают встречаться у разных животных.

Паровая машина – лишь регулятор энергии огня.

Поршневые и реактивные двигатели – машины энергии огня.

Овладевая энергией и преобразуя ее все активнее, человек думал, что стремится к счастью. Что бы ни делал человек – он думает, что стремится к счастью.

Но лишь малая часть наших стремлений оформлена в сознании, а основная часть живет в подсознании. Стремясь инстинктом жизни к максимальным оптимальным ощущениям, человек стремится к страданию не менее, чем к счастью.

Этим инстинктивным стремлением объясняется то, что человек сплошь и рядом, добровольно и по собственному выбору, ведет себя в такие ситуации, где страдание неизбежно. Ведет – даже если предчувствует и даже предвидит страдание.

Благотворность страдания в том, что оно побуждает к мысли – по осмыслению его причин и природы, – и к действию по разрешению дискомфортной ситуации.

Стремления быть счастливым и избежать страдания – кнут и пряник, побуждающие человека к мысли и действию.

Смысл жизни – в максимальной этих чувств, мыслей и действий.

Смысл жизни – условное человеческое понятие, неприменимое к мирозданию в целом.

«Смысл» означает причастность и причинность любого чувства, помысла, действия к великой, всеобщей, конечной, Идеальной Цели, Идеальной Задаче.

Заурядный человек обретает смысл в Боге. Незаурядный человек обретает смысл в себе.

Если вам упорно нужен рациональный смысл жизни, считайте, что вы – переделыватель и перевоссоздатель Вселенной. На кой черт нужно переделывать Вселенную – не скажет никто. Но сколько кайфа в работе!

Стремясь сознательно к счастью и бессознательно к страданию, чувствуя, мысля и делая в общем все возможное, создавая попутно как неизбежные следствия учения, культуры и цивилизации, то есть будучи человеком со всем присущим ему человеческим, – в главном, в общем, в среднем, в генеральном – человек перевоссоздает Вселенную, хотя каждый при этом преследует сугубо личные цели.

Хау! – залихватским индейским кличем закончил ослик и поклонился. – Я все сказал! Ну, в основном, конечно.

Мама встряхнула на свет пустой пузырек валерьянки. Филиппок давно спал.

– Но отчего же он все-таки говорит? – в сороковой раз риторически вопрошал отец, выдувая сигаретный дым в сторону от ценного животного.

– Мою философию я называю ЭНЕРГОЭВОЛЮЦИОНИЗМОМ, – добавил ослик. – Уровень эволюции энергии – базовый для всего.

Мама ссыпала со стола нарезанные ингредиенты, вывалила банку майонеза и стала намешивать салат «оливье» в тазике для стирки. Из сказанного она усвоила лишь то, что только жлобье может кормить философа капустой.

– Возможно, он с острова Валаам, – предположила она, проворачивая ложкой.

– А там что?

– Монастырь там был... святой... вроде.

– Вроде Володи! И при чем тут это?..

– Да нет, – сказала ослица – как мы помним, это была именно ослица. – Просто нашего конюха в зоопарке звали Валаамом. Такое старинное имя. Грубый был, кстати, человек.

17.

Событием не явился хлопок на загородной дороге, обозначивший лишь, что на свете стало еще одним джипом меньше. Вспышка свилась в клоч пламени, исчезнувший над лесом в ночном небе.

Текел Б. Вавилонская

1. Жара

...Жара в Москве вначале была незаметна. То есть, конечно, еще как заметна, но кого же удивишь к июлю жарким днем. Потели, отдувались, обмахивались газетами, в горячих автобусах ловили сквознячок из окон, страдая в давке чужих жарких тел, и неприятное чувство прикосновения мирилось только, если притискивало к молодым женщинам, которые старались отодвинуть свои округлости не столько из нежелания и достоинства, но просто и так жарко. «Ну и жара сегодня. – Обещали днем тридцать два. – Ф-фух, с ума сойти!» Хотя с ума, разумеется, никто не сходил. Дома отдыхали в трусах, дважды лазая под душ.

Так прошел день, и другой, и столбик термометра уперся в 33. Ветра не было, и в проклятом воздухе стояли городские испарения. Одежда пропотевала и светлый ворот пачкался раньше, чем добирался от дома до работы. Расторопная московская рысь сменялась неспешной южной перевалочкой: иначе уже в прохладном помещении с тебя продолжал лить пот, сорочки и блузки размокали, и узоры бюстгальтеров проявлялись на всеобщее обозрение – откровенно не носившие их цирцеи сутулились, отлепляя тонкую ткань от груди, исключительно из соображений вентиляции.

По прогнозам жары уже полагалось спастись, но к очередному полудню прогрев достиг 34. Это уже случалось в редкий год. Скандальный «Московский комсомолец» выдавал хронику сердечных приступов в транспорте и на улицах, и в метро врубили наконец полную вентиляцию, не работавшую из экономии энергии лет пять. Ошалевшие граждане в гремящих вагонах наслаждались прохладными потоками.

Суббота выдала 35, и на пляжах было не протолкнуться. Песок жег ступни: перебежали, поухивая. В тени жались вплотную; энтузиасты загара обтекали на подстилки, переворачиваясь. Парная вода кишела.

Воскресные электрички были упрессованы, будто объявили срочную эвакуацию, тамбуры брались с боя. Москва ринулась вон, на природу, под кусты, на свои и чужие дачи; под каждым лопухом торчала голова, и в глазах маячило извещение: хочу холодного пива.

Продажа пива и лимонада действительно перекрыла рекорды. Главным наслаждением манило плотнеть колющееся свежими пузырьками пойло из холодильника, фирмы сняли с телевидения рекламу прохладительных напитков: и так выпивали все, что течет.

С каким-то даже мазохистским злорадством внимали:

– Метеоцентр сообщает: сегодня в Москве был зафиксирован абсолютный рекорд температуры в этом столетии – в отдельных районах столицы термометры показали +36,7°С. На ближайшие сутки ожидается сохранение этой необычной для наших широт жары, после чего она начнет спадать. Падение температуры будет сопровождаться ливневыми дождями и грозами.

Дышать стало трудно. Солнечная сторона улиц вымерла. Плывая в мареве по мягкому асфальту, прохожие бессознательно поводили отставленными руками, стремясь охладиться малейшим движением воздуха по телу.

Июль плыл и плавился, и солнце ломило с белесых небес.

И долгожданные вечера не приносили облегчения и прохлады. Окатив водой полы, спали голыми поверх простынь, растворив окна, и утром вешали влажные постели на балконах, где уже жег руки ядовитый ультрафиолет.

Дождей не было, а поднялось до 38, и это уже запахло стихийным бедствием. Примечательно, что те, чьей жизни непосредственно жара не угрожала, не болело сердце и не подпирало

давление, воспринимали происходящее не без любопытства и даже веселого удовлетворения: ох да ни фига себе! ну-ну, и долго так будет? вот да.

Сердечникам было хуже. Под сиреной летала «скорая», и десяток свалившихся на улице с тепловым ударом увозился ежедневно.

Вентиляторы – настольные, напольные, подвесные и карманные, с сектором автоповорота и без, простые и многорежимные – стали обязательной деталью быта; вращение, жужжание, комнатный ветерок вошли в антураж этого лета.

А явно заболевший паранойей градусник показал 39, и его приятель и поделник барометр мертво уперся в «великую сушь».

– Ниче-го себе лето!..

Полез спрос на автомобильные чехлы, и только белые, отражающие солнце. Оставленная на припеке машина обжигала, сидение кусало сквозь одежду – рвали с места, пусть скорей обдует. Богатые лепили автомобильные кондиционеры, что в странах жарких нормально или даже обязательно.

Кондиционер стал королем рынка электротоваров. Их ящики выставились в окна фирм, и теплая капля с фасадов кропила прохожих, оставляя неопрятные потеки на тротуарах.

На верхние этажи вода доходила только ночью. Набирали кастрюли и ведра для готовки, наполняли ванну – сливать в унитаз, мыться из ковшика над раковиной.

В связи с повышенной пожароопасностью лесов были запрещены выезды на природу, станции и шоссе перекрыли млеющие пикеты ГАИ и ОМОНа. Зыбкий желтоватый смог тлел над столицей.

В этих тропических условиях первым прибеж к маркизам (забытое слово «маркизет»!) Мак Дональде. Жалюзи помогали мало и закрывали витрины – над витринами простерлись, укрыв их тенью, навесы ткани. И спорые работяги на телескопических автовышках монтировали металлические дуги на солнечные фасады – Тверская и весь центр расцвелились, как флагами, пестрыми матерчатыми козырьками.

– О черт, да когда ж это кончится... ф-фу, Сахара...

Появились объявления: «Прачечная временно закрыта по техническим причинам». «Баня временно не работает в связи с ремонтом водопровода».

– Небывалая засуха поразила Подмоскovie. Пересыхание источников привело к обмелению многих водоемов. Уровень воды в Москва-реке понизился до отметки два и семь десятых метра ниже ординара.

При 40 реальную нехватку воды ощутили заводы. Зеркала очистных сооружений и отстойников опускались, оставляя на месте водной глади бурю вонючую тину, под иссушающим зноем превращающуюся в шершавую слоеную пленку.

Караванами поперли многотонные фуры с прицепами воду в пластиковых канистрах из Финляндии и Германии, канистры эти с голубыми наклейками продавались во всех магазинах и ларьках.

А градусник лез, и был создан наконец Городской штаб по борьбе со стихийным бедствием, который возглавил мэр Москвы Юрий Лужков. Жесткий график почасовой подачи воды в жилые кварталы. Советы в газетах: носить только светлое, двигаться медленно, не выходить на солнце, много пить, употреблять холодную пищу, и веселая семейка в телепередаче «Семейный час» деловито делилась опытом: ка-ак только дают воду – муж быстро моет полы, жена шустро простирывает (не занашивать!) белье, дочь резво споласкивает (не жрать жирного в жару!) посуду – двадцать минут, потом по очереди скачут в душ, семь минут на человека, вытираться уже в коридоре – еще двадцать минут, и еще двадцать минут наполняется ванна на предстоящие сутки: час – и все в порядке, все чисты и свежи.

Раньше плана и вообще вне плана вставляли предприятия и конторы на коллективный отпуск. Все равно работать считай бросили. Устали. Ждали спада, дождя, прохлады.

И появились голубые автоцистерны-водовозки. Загрели ведра. Активисты из жильцов собирали деньги по графику: машина заказывалась по телефону, фирмы развернулись мигом, возили из Шексны и даже Свири, дорожке и престижней была ладожская вода, но очереди на вызов росли, машин не хватало.

И вышла на улицу ветхая старушка с забытым в истории предметом – довоенным солнечным зонтиком. Гениально – идти и нести над собой тень! Цены прыгнули ажиотажно, крунулась реклама, контейнеры бамбуковых зонтов с росписью по синтетическому шелку поволокли челноки из Китая.

– Слушайте, это ж уже можно подохнуть! Что делается?! Ничего себе парниковый эффект пошел.

– Ну, не надо драматизировать. Для Ташкента – нормальная летняя температура.

Здесь был не Ташкент, и при сорока трех градусах стали жухнуть газоны. Ночами поливальные машины скупно обрызгивали только самый центр. Листва сворачивалась и шуршала сухим жестяным шорохом.

Духота верхних этажей под крышами стала физически труднопереносимой. Городской штаб изучал опыт Юга и изыскивал меры: крыши прогонялись белой, солнцезащитной, краской – эффект! Любая белая краска вдруг стала (еще одно забытое слово) «дефицитом» – граждане самосильно защищались от зноя.

Не модой, но формой одежды сделались шорты. Модой было, напротив, не носить темных очков и настоятельно рекомендуемых головных уборов. Отдельная мода возникла у стриженных мальчиков в спортивных кабриолетах – белые пробковые шлемы.

Первыми на ночной график перешли рестораны – те, что и были ночными, просто закрывались днем за ненадобностью. С одиннадцати до пяти дня прекратили работу магазины, наворачивая утром и вечером. И очень быстро привычным, потому что естественным, стало пересидеть самую дневную жару дома, отдохнуть, вздремнуть – вошла в нормальный обиход съезда. Замерла дневная жизнь – зато закипела настоящая ночная: в сумерки выползал народ на улицы, витрины горели, машины неслись – даже приятно и романтично, как отдых в Греции.

На сорока пяти все поняли окончательно, что дело круто не ладно. Ежедневно «Время» информировало о поисках учеными озоновой дыры и очередном климатическом проекте. Информация была деловито-бодрой, но причины феномена истолкованию не поддавались.

В пожарах дома полыхали, как палатки. Пожарные в касках и брезенте валились в обмороки. Пеногонов не хватало, воды в гидроцентралях не было, телефонные переговоры об аварийном включении не могли не опаздывать. В качестве профилактических мер отключили газ; плакаты заклинали осмотрительно пользоваться электроприборами и тщательно гасить окурки. За окурки на сгоревшем газоне давали два года.

На сорока семи потек асфальт тротуаров и битум с крыш. Под кондиционером дышать можно было, но передвигаться днем по городу – опасно: босоножки на пробковой подошве (иная обувь годилась плохо) вязли, а сорваться босиком – это ожог, как от печки.

Опустели больницы. В дикой сауне палат выжить не мог и здоровый. Одних забрали родственники, другие забили холодильники моргов.

Ночами экскаваторы еще рыли траншеи кладбищ. Стальные зубья ковша со звоном били в спекшуюся камнем глину.

И перестал удивляться глаз трупам на раскаленных улицах, которые не успел подобрать ночной фургон. Газы бродили в их раздутых и с треском опадающих животах, кожа чернела под белым огнем, и к закату тело превращалось в сухую головешку, даже не издающую зловония.

Но и при пятидесяти город еще жил. По брусчатке старых переулков и песку обугленных аллей проскакивали автомобили, на асфальтовых перекрестках впечатывая глубокие черные колеи и швыряя шмотья из-под спаленных шин. Еще работали кондиционированные электро-

станции, гоня свет и прохладу деньгам и власти. Прочие зарывались в подвалы, дворнички, подземные склады – в глубине дышалось.

Еще открывались ночами центральные супермаркеты, зовя сравнительной свежестью и изобилием, а для бедных торговали при фонариках рынки. Дребезжали во мгле автобусы, и пассажиры с мешками хлеба и картошки собирали деньги водителю, когда путь преграждал поставленный на гусеничные ленты джип с ребятами в белых балахонах и пробковых шлемах, небрежно поглаживающих автоматы.

Днем же господствовали две краски: ослепительно белая и безжизненно серая. В прах рассыпался бурьян скверов, хрупкие скелетики голубей белели под памятниками, а в сухом мусоре обнажившегося дна Москва-реки дотлевали останки сожравших их когда-то крыс, не нашедших воды в последнем ручейке.

Дольше жили те, кто собирался большими семьями, сумел организовать, сообща заботиться о прохладе, воде и пище. Ночами во дворах мужчины бурили ручными воротами скважины, стремясь добраться до водоносных пластов. Рыли туалеты, строили теньевые навесы над землянками. По очереди дежурили, охраняя свои скудные колодцы, группами добирались до рынков, всеми способами старались добыть оружие.

Спасительным мнилось метро, не вспомнить когда закрытое: передавали, что там задохнулись без вентиляции; что под вентиляционными колодцами властвуют банды и режутся меж собой; что спецхрана защищает переходы к правительственному городу, стреляя без предупреждения; что убивают за банку воды.

Градусники давно зашкалило за 55, и в живых оставались только самые молодые и выносливые. Телевизоры скисли давно, не выдержав режима, но держались еще древние проводные репродукторы, передавая сообщения о подземных стационарах, где налаживается нормальная жизнь, о завтрашнем спаде температуры – и легкую музыку по заявкам слушателей.

Свет и огонь рушились с пустых небес, некому уже было отремонтировать выгнутые рельсы подъездных путей и севший бетон посадочных полос, и настала ночь, когда ни один самолет не приземлился на московских аэродромах, и ни один поезд не подошел к перрону.

Последним держался супермаркет на Новом Арбате, опора новых русских, но подвоз прекратился, замер и он, и ни один автомобиль не нарушил ночной тишины.

С остановкой последней электростанции умолк телефон, прекратилось пустое гудение репродуктора, оборвали хрип сдохшие кондиционеры.

Днем город звенел: это трескались и осыпались стекла из разошедшихся перекошенных рам, жар высушивал раскрытые внутренности домов, постреливала расходящаяся мебель, щелкали лопающиеся обои, с шорохом оседающая на отслоенные пузыри линолеума. Крошкой стекала с фасадов штукатурка.

Температура повышалась. Слепящее солнце пустыни било над белыми саркофагами и черными памятниками города, над рухнувшей эспланадой кинотеатра «Россия», над осевшими оплавленными машинами, над красной зубчаткой Кремля, легшими на Тверской фонарными столбами, зияющими вокзалами...

2. Холод

– Да спи ж ты, горе мое... ночь уже! Уже у бабушки глазки слипаются, скоро бабушка с пуфика этого гепнется. Холодно? Сейчас тепла прибавлю... ох. Разве ж это холодно...

В Москве? Да уж, холодно... не приведи Бог. Нет, не в той, что в Алабаме, а в настоящей, в России... В той, что в Алабаме, негры, а в настоящей – русские. Ну хорошо, не негры – афроамериканцы.

Сначала? Сто раз ты уже слышал сначала... и кино показывали! Ну хорошо, хорошо, только ты глазки закрой.

Сначала ничего такого и не было. Ну, снег первого октября прошел. Так это бывало. Красивые такие белые хлопья, кружевные, подсиненные. И все стало красивым – белым и пушистым: и дома, и деревья, и улицы, и ограды. Да – как хлопок, только блестит и хорошо пахнет, как свежее яблоко из холодильника.

Он назавтра растаял, а назавтра снова снег повалил, и лег, не растаял. На улицах грязь черная, их поливали и посыпали, чтоб таяло – а кругом снег.

А по ночам морозы ударили. Чистые пруды замерзли, и Яуза замерзла, и Москва-река замерзла. Ветер дунет – лед белый, ровный. Как замерзла? А как лед в морозильнике. Только шириной с футбольное поле. Точно, как хоккей.

Уборочные машины снег убирала – у них такие ленты с железными лапами: раз-раз – и весь снег уже пересыпали в грузовик, и за город увезли. Люди в шубах ходили, в дубленках, в теплых пальто. В домах – батареи горячие. Встанешь утром – солнце красное, деревья белые, небо синее с зеленым краем: красота! Ядреная русская зима. Что такое «ядренная»? Это то, что дальше будет.

Минус тринадцать ночью было, потом еще – минус семнадцать. Выйдешь – нос пощипывает, глаза слезятся. А к концу месяца раз бац – двадцать два мороза. Уж и руки в перчатках мерзнут. Пассажиры на остановках подпрыгивают. Поднимется термометр на пару дней – а потом еще пуще мороз.

А на Седьмое Ноября грянуло под тридцать. Это уже что-то редкостное. Хотя и ничего такого. Бывало. И в восемьсот двенадцатом морозы были сильные да ранние, и в сорок первом. Но – холод сильный. Ветерок дохнет – и лицо дубеет, даже дыхание перехватывает.

Что хорошо – машин меньше ездить стало. Многие завестись не могли. А троллейбусы ходили, и автобусы: на стеклах лед, ничего не видно, а так ничего. В метро вообще тепло, народ расстегивался, отогревался, пока ехал. Потом выходили потные – простужались, конечно.

Обычно такие морозы ну неделю стояли, ну две, ну три... а тут все не отпускали в том году. В квартирах-то холодно у простых людей! Дом хоть бетонный-панельный, а хоть и кирпичный, стены тонкие промерзли, рамы со щелями, ветер в окно навалится – и все тепло выдувает. У кого шестнадцать градусов, у кого и тринадцать стало. Батареи уже не горячие, тепло дойти по трубам не может под землей, остывают трубы в мерзлоте... Нет, это не тепло – это по Цельсию, а не по Фаренгейту. По-настоящему сколько?... О господи... какая дурацкая система!... нет дурацкая, не спорь!.. сейчас... тридцать два да четырнадцать – сорок шесть, на два – двадцать три... погоди, там чего – отнимать тридцать два надо? А где у нас градусник, две шкалы там еще? Погоди... не видно потому что! В общем, пятьдесят по твоему Фаренгейту. Это для дома-то не холодно?! Да согреться только на кухне, а там газ еле горит – все жгут по городу, греются.

В городе уже объявляют аврал. Аврал? Это когда все разом суетятся. Точно – от суеты теплее. Типа «Давай-давай»: «Москвичи – согреем город теплом наших сердец!» Ну что ты, не плачь, никто сердец не вынимал! Но вообще мысль интересная... хорошо еще властям в голову не пришла. А так – поезда, цистерны, нефть, газ, мазут, пожертвования олигархов, гуманитарные снегоуборщики – все чин чинарем. Чинарем? Путем, значит. Каким путем? Ну, думали, что светлым... и теплым. А только у небесной канцелярии свои пути.

Аккурат первого декабря грянуло сорок. О! Это уже было серьезно. Раз в тридцать лет так жмет. Запахло трудностями. Как запахло? Нехорошо запахло.

Дома сидишь в трех кофтах. На ночь все теплые вещи на одеяло наваливаешь. По улице передвигаешься – от магазина до магазина: шасть в дверь – и отогреваешься. Продавщицы в шапках. На ярмарках валенки продают и калоши откуда-то появились: чтоб не промокали.

По полу мороз. По стенам иней. На стеклах ледяные узоры. По мостовым машины скользят по черному льду и друг в друга с хрустом тычутся: не тянут дорожные антиобледенители таких морозов.

Изматывает такой холод. Не согреться, из горячих кранов водичка еле теплая. Душ принять – воспаление легких. Водку все глушат – изнутри греются.

Бомжей перемерзло – немерено. Ну – бродяги бездомные. Одеколону выпил для сугрева, закемарил – и готов, окоченел. Одеколону? А он дешевый был. Да, и пахнет хорошо. Точно, они пахли нехорошо.

Утром новости смотришь по телевизору – семьдесят замерзло, сто замерзло. Ужас!

А пятого декабря, на день старой Конституции... нет, это был день Советской... чего?... ну русской, короче, конституции, – под утро дало сорок три. Рекорд столетия. Глупыш ты со своим Гинесом!.. Стали в домах кое-где трубы замерзать и батареи лопаться. В Марьиной Роще три квартиры утром не проснулись – ледышки. Ночью за город шофера не ездили: заглохнет машина – и конец. А уж в аэропорты какие цены заламывали!

Министерство Чрезвычайных Ситуаций надрывается. В школах занятия для всех классов отменили. Некоторые больницы перестали принимать, а наоборот – стали больных из промерзших палат эвакуировать: кого домой, кого в другие... кого и в морг. Операционные нагревают электрорадиаторами.

Сорок четыре! Катастрофа! Сенсация! Дума заседает... а? ну – Сенат заседает, Конгресс заседает, мэр экстренные заседания круглые сутки... какой тебе Шварценеггер! Лужков, мэр Москвы! Какая тебе Алабама, минус сорок четыре – это тебе не Алабама, мой мальчик! Это Луна!

Шойгу по сугробам бегают... Шойгу – это не медведь, это был министр! Зачем бегают? А черт его знает!.. Руководит спасением замерзающих, в общем.

Спальные районы вымерзают повально. Туда гонят армейские полевые кухни – кормить людей горячей пищей. Банки и фирмы уплотняют в их офисах – делают общаги, отселяют в них народ из вымерзающих кварталов.

...Ночью луна огромная, и звезды в черном космосе. Снег под ногами не скрипит уже, а жестко так повизгивает. Дышишь сквозь шарф, а он сырой и колючий от ледяной крошки – дыхание в нем замерзает.

Сорок пять! Троллейбус еще движется – стонет, жестяной ледник на колесах, изо ртов пар, ноги дубеют. Хлоп – встали. Что? – провода обледенели, двигатель сдох. Простоял троллейбус ночь в парке на морозе – конец ему. А стали разогревать горящими тряпками в ведре с бензином – вспыхнет белым факелом троллейбус, на морозе все здорово горит.

Котельные летят одна за другой. Топки прогорают, форсунки летят – не тянут они нужной температуры. Откуда так знаю? Так писали про это...

Днем потеплеет чуть – а ночью жмет. Днем теплеет – ночью жмет. Ух жмет! Ну вконец. До сорока шести дожало...

На улицах белых – сугробы и пусто, и машины под сугробами. У кого машины в теплых гаражах ночуют – у богатых – еще ездили. Общественный транспорт редко-редко проковыляет, набитый. Предприятия встают, людей в неоплачиваемый отпуск гонят. Все тепло стараются на жилье давать...

По тротуарам тропки прорыты, и редкий народ – шась-шась, укутаны-замотаны до глаз, только ресницы в инее хлопают. Магазинов все меньше открытых – подвоза нет, тепло выстужено.

А дома стены в измороси, газ еле тлеет, электричество тусклое, а телик все: не жгите газ! Одни отравились, другие взорвались, третьи сгорели... А как не жечь, если суп в кастрюле замерзает без всякого холодильника?

Мы в спальне окно законопатили, стены всеми коврами завесили, кровати вместе сдвинули – там и жили. Все так делали.

Купили на рынке буржуйку. Железные печки везде делать стали, в газетах объявления: «Печи временные дровяные», «Печи мазутные», и угольные, и бензиновые, и с трубами, и с

вытяжками, и всякие, хоть с доставкой, хоть с установкой, хоть как. Поставил такую вроде бочечки в спальне, трубу жестяную в окно вывели, вместо стекла – фанерку, дыру гипсом замазали. Пилу тоже купили, кусты заготавливали в нашем сквере. Милиция не трогала, все пилили... ой, дрались из-за дров как! И деревья везде пилили, и заборы, в парках пни из снега торчат. Купить? Можно, у метро продавали, но деньжища драли немереные. А ментам они платили и прямо в парках лес и валяли, заготавливали. А уж доски на стройках все покрали – это сразу.

И еду уже варили в спальне, на буржуйке.

А на Новый год шарахнуло пятьдесят два. И поняли мы, что раньше были цветочки. Куст пилишь – он звенит. Зазевался – и пила пополам, хрупкий металл делается. Принесешь пучок – а лицо в белых пятнах. А потом они коричневые становятся.

Обмороженных много стало. Носы черные, скулы черные, пальцы черные... Пневмония косить пошла, как чума – хватанул воздуха поглубже, и обморозил легкие. Телевизор все учит: дышите через шерстяные вещи, через меховые, сдвигайте их после выдохов в сторону, чтоб новый вдох через сухой мех шел. А откуда у всех мех?..

А горе стало, когда водопровод замерз. Ой-ё-ёй... Если река или пруд близко – там про-рубь. А большинство снег растапливали. А промерзло все до дна – лед колотый носили.

Туалеты тоже замерзли. В ведерки ходили. Утром несешь на помойку – там гора бурая. И драки: один парашу вылил – а другой хотел снег для питья набрать! На всех и снега не хватало... Как он повалит – так все с ведерками, трамбуют....

Богатые еще неплохо жили. В этих комплексах элитных котельные свои были. И рестораны у них еще работали, и машины бегали.

Мы потому и живы остались, что папа твой устроился охранником в такой комплекс. Прежнего-то убили, когда народ пытался ворваться в такой дом, в тепло. А? Ну... работа у него такая...

А? Ну, революция не революция, а без бунтов как же. Обязательно. Задавят толпой охранников, перебьют богатых, а сами семьями в теплые хоромы вселяются. Но там тоже стали быстро отключать отопление. Все вымерзли. У бедных на топливо где деньги, где знакомства? Конечно зверство. А что делать. У одних дети замерзают, а другие в бассейнах плавают. В тех бассейнах и топили. А охрана прикинет – и разбежаться стала. На всех пуль не хватит, а тем так и так помирать.

Грабить стали вообще страшно. Одежду снимали, еду отбирали. Буксует через снег джип, догонит – наставят бандюки стволы и раздевают. А это при пятидесяти пяти – смерть очень быстрая. Нижнее оставят бедолаге, он добежит по ближайшего подъезда – а там тоже все ледяное, все закрыто... За шубу, дубленку, валенки – сразу, почитай, убивали. Полиция? Милиция. Тоже убивала. Там самые бандюки и работали.

И вот выждали мы полудня, чтоб чуть теплей стало, и поехали. Надели все на себя, еду забрали, чайник. И как до метро дошли – сами удивлялись. Жить хотелось.

Метро до последнего держалось. Свет тусклый, лампочки не все горят... но теплей, чем наверху. Эскалаторы остановлены для экономии энергии, так все идут. А в вагонах вообще терпимо – народ дышит, элетродвигатели еще греют.

Поднялись наверх – а троллейбусы уже не ходят. Солнце, лед, космос, одним словом. И удалось нам маршрутку одну уговорить. Минивэн. Там кавказцы заправляли. Отдали им мамин золотой браслет и мое колечко с рубином, и нас один черный такой доvez. Дай ему Бог здоровья, ведь мог и выкинуть по дороге, а хоть и раздеть. Честно доvez... хороший человек.

И стали мы жить в комплексе «Золотые Ключи». Комната маленькая, одиннадцать метров. Зато тепло! Ну, градусов двенадцать. Вода идет, туалет работает, пальто снять можно. Ожили мы там. А ели папин паек, ему от комплекса давали. Немного, но ничего, чайник кипя-

тили. Деньги уже стали без надобности. Все закрыто, покупать нечего. Какие медведи?.. в зоопарке всех зверей давно поели...

И вот ведь: вымирает народ, а преступности и хулиганства много. Стекла бьют – а ведь это смерть. Памятник Пушкину разбили. Как? А просто, говорят, камнем ударили – он и рассыпался. Ниже шестидесяти металл совсем хрупкий становится.

Ночи все чернее, мертвее. Где провода хрупнули, где просто район победнее отрубили. Вывески и витрины из экономии давно отключили, магазины закрыты, погасли. Нет света – нет телевизора. Пара газет выходит, экономить призывает. А что уже экономить? Вечерами при свете печек сидят, кто не померз...

А днем – белое безмолвие. Деревья, кусты – вырублены, пожгли. Техника переломалась, бензин густеет при таком морозе...

Хоронили? Кому там хоронить. Земля тверже камня. Дом ломается. Ледышками в домах и лежали... окна темные и сугробы до второго этажа. Редко-редко кто проковыляет, укутанный, как мешок тряпья.

И богатых машин все меньше. В стеганых кожах, стекла двойные, салоны утепленные, дополнительные печки. А тряхнет на ухабе – и полетела подвеска, как стеклянная, и шины лопаются, хрупкие от мороза.

Виски? Коньяк? Ага. Давно выпили все, что горит.

Людоеды? А вот и были. Денег нет, еды нет, ничего нет. Соседа и съедят. А что делать. Не от хорошей жизни. Еще бы не страшно!

Как. Так. Стоит автобус в сугробе, а в нем – ледяные мумии, вот как.

И если бы твой папа не угнал ночью из гаража джип-«мерседес» одного банкира, и не успели бы мы к утру в Шереметьево – тоже бы замерзли. А там еще была гуманитарная миссия, но она увозила только женщин и детей. Вот ты, мама и я и улетели, а папа твой там остался. Уж так он радовался, что мы уезжаем... Не плачу я, не плачу, тебе показалось. Закрой глазки, спи.

Весна? Весна так и не наступила. Вот, понимаешь, какая штука. Да: наступала весна каждый год, наступала, а потом однажды взяла и не наступила. Не бывает? Все когда-нибудь бывает...

Дальше? Потом? Не было дальше. Не было потом.

Вместо весны было минус семьдесят. Тут уже отопление замерзло в самых лучших домах. Ох, да лучше бы ты уже спал!

В Кремле поставили индивидуальное отопление. Одежду стали носить полярную, как в Антарктиде; лучшую – на гагачьем пуху. На полярных снегоходах ездить стали. При восьмидесяти градусах человек уже никак жить не может. Так... высунуться в скафандре ненадолго. Какой это мороз? А такой, что ледышка с крыши упадет за километр – звук ясный, четкий, звонкий.

...Что там сейчас? А ничего. Вот такой полюс холода. Метеорологический феномен. В «Вечернем Нью-Йорке» недавно был репортаж с орбиты: «Феномен космической истории» назывался. Отчего? Вот ученые и выясняют. А старые люди говорят – судьба, значит, такая выпала.

3. Ветер

Прогноз погоды. По Москве ветер с восточных направлений, слабый до умеренного, 5-8 метров в секунду...

Просьба. ...закрой форточку, дует!

Строчка песни. ...Ветер с Востока довлеет над ветром с Запада!..

Мальчик, пускающий змея. Ух ты, как вверх попер! Леска бы выдержала...

Велосипедист. Ат-лично, даже в спину давит, как парус.

Пенсионер. Молодой человек! шляпа катится – вон! хватайте! вот, спасибо...

Девушка. Ч-черт... полная голова песку...

Флаг над посольством. Тррррр-хлоп! Хлоп!

Офтальмолог дежурного пункта в Никитском переулке. Буквально замучились соринки доставать. По улицам метет, как дунет – и всякую дрянь в глаза ловят. А работяги рядом на стройке – у нас просто новокаин кончился глаза от цемента промывать. Я уже сестру в аптеку послала – ну что делать.

Воспитательница детского сада. Дети, сегодня прогулка отменяется! На дворе сильный ветер! Все играем сегодня в помещении.

Хозяйка на балконе. Простынь улетела-а!

Дворник. Твою мать, ну всю же листву срывает! Это потом пока все подметешь – горб надорвешь. А метел новых не дают, хоть на собственные гроши покупай.

Форточка. Тр-рах! Дзинн-ннь! Брень-брень-брень...

Водитель троллейбуса. Граждане, не держите двери! А что я виноват, что медленно! Сами видите, какой шквал, качнет – и удочки с проводов срывает!..

Гаишник. Это вы мне бросьте – ветром его, понимаете, развернуло. Не можете контролировать дорогу – не садитесь за руль. Это еще проверить надо, кто вам права выдавал. Держите квитанцию. Что значит – улетела?! М-мать!.. Спасибо... Чуть не упал...

Подростки. Вон у той – такая попка! счас опять ветер юбку задерет – гляди...

Начальник яхт-клуба Химкинского водохранилища. Поднимай штормовое предупреждение! И гони всех швартовать по-штормовому, разобьет кого – голову сниму, мне самому головой отвечать, тут серьезные люди!

Врач «скорой». Ну куда же вы, бабуля, в такой ураган полезли!.. Ну что вам в том магазине – с голоду вы помираете?.. А теперь вот перелом бедра, и скажите еще спасибо, что головкой вас о тротуар не приложило. У нас такой случай буквально час назад был. Да лежите спокойно!

Два автомобиля. Тр-рах-тибидох-гrrррох-бздынь!!

Дерево. Скррипп-скрреннь-ккrrраккхх-пттрррр-фффшшш-ббу-ббуухх!!

Электропровод. Ссссс-зззз-нннь-т-т-ттеннь! Прр... фш-ш-ш-ш... р-р-сссс...

Прохожий. А!.. ах-х-х... х-х-ххх... брык!..

Учебник географии. Ветер со скоростью 24,5-28,4 м/сек называется сильным штормом. При нем деревья ломаются или вырываются с корнем, здания получают большие повреждения.

Радио «Россия». Дорога-ая моя-а столица-а!

Юморист Жванецкий. У вас кран упал!

Телефонный разговор. Слушай, просто с ног сносит. Из метро выходишь – и просто животом ложиться на этот ветер. – А у нас ветер прямо в окна, так сквозь щели столько пыли надавило – просто вся квартира в пыли. И холодно стало! – У нас на балконе фикус из кадки вырвало! – У нас на крыше напротив телевизионную антенну на глазах сломало.

Ребенок. Мама, смотри, как вороны интересно по небу летят – хвостиками вперед!

Префект Юго-Западного округа. И чтоб не-мед-лен-но! снять все рекламные щиты! Я те покажу «проплачено»! Тебе мало, что уже двух человек у меня пришибло, как мух! Сам под щит станешь и будешь стоять, как х..! Форс-мажор, так и скажи козлам!

Владелец открытого кафе. Ловите стулья, чо встали?! Дык догоняй! Не стоишь... чтоб у тебя так не стоял!.. ползком ползи! на карачках! Урррр-рроды... вычту из зарплаты, а ты как думал?!.

Глазеющие в окно секретарши. Ни фига себе, «газель» перевернуло! И несет, ты смотри! Как кубик.

Трансляция в аэропорту. Внимание! По метеорологическим условиям все вылеты временно откладываются до семнадцати часов. К сведению встречающих. По метеорологическим условиям наш аэропорт временно закрыт для приема рейсов до семнадцати часов. К вашим услугам в аэропорту имеются... Повторяю!..

Очевидец-паникер. Ту-сто пятьдесят четвертый из Краснодара пытался сесть, его так крылом об полосу приложило – сразу пополам! Ты что! теперь жди объявы по телику. Конечно загорелся, вон слышишь – сирены воят. Да ты что, их всех просто сносит на хрен.

Министр МЧС. ...Временно вводится чрезвычайное положение. Я ответственно заявляю, что ситуация в Москве находится под контролем. К сожалению, имеются жертвы... на настоящий момент поступили сведения... восемь человек... реанимация... необходимая помощь... Количество пропавших без вести уточняется. Главная просьба! Без крайней необходимости помещений не покидать. Старайтесь не пользоваться наземным транспортом. Метро работает бесперебойно. На случай возможного повреждения энергоснабжения водонасосных станций рекомендуется сделать в квартирах небольшие запасы воды в ваннах. В случае, кто заметит – искрят оборванные провода – сразу вызывайте аварийную помощь. Соблюдайте правила противопожарной безопасности – при сильном ветре увеличивается...

Отец семейства. Шкаф давай к окну, р-раз-два! Припирай, ну, сейчас это стекло тоже выдавит! Лицо отворачивай от осколков!.. отворачивай!

1-й поэт. Итак, начинается песня о ветре.

2-й поэт. В мир, открытый настезь бешенству ветров.

3-й поэт. Ветер, ветер на всем белом свете!

Продавщица. Больше двух свечей в одни руки не отпускаю! Всем надо! У всех электричество оборвано! Всем неизвестно когда включат! Я сама без света сижу! Покупатели, да скажите вы ей!.. Ну ващще же кончаются свечи в городе... нет на базе!

Лидер Народной партии. Обрушение... обрушение девятиэтажного панельного дома в Беляево, повлѣкшее... повлекшее многочисленные жертвы, свидетельствует, что власти конкретно плюют на нужды населения. Эти хрущобы давно вышел срок сносить, дождались стихии, чтоб вызвать бедствие! Кто ответит за налоги? куда утверждают бюджет? А я отвечу, где деньги – в реставрации Кремля, а откат отпилен в Швейцарию! А завтра что?! Катастроф еще ждать? Ураган – он в головах! В банках ураган, а не в погоде! Элитные комплексы для олигархов – ничего, не сносит небось!

За стенами. У-у-у-у-у-у!! Ф-ф-ф-щ-щщщ! ФФ-ССССС!!!

Лоточница в фанерной будке. Спасите-е-е!.. Ле-е-ечу-у-у-у!!!... у-у... у...

Ворона (ударяясь в стену). Карр... блямс...

Телекомментатор. Вы видите, как опасно накреняется Останкинская телебашня! Не может быть!!! Кажется, она не выдерживает!!! Да... Боже мой!!! Она падает!!! Пада... (Экран гаснет.)

Начальник Ленинградского вокзала. Пре-кра-тите!.. Уберите руки!.. Да не могу я поезда отправлять, не могу, запрет от мэра! Сдувает составы с путей, да поймите вы, сдувает! «Стрелу» утром сдуло, «Аврору» только скинуло, катастрофа на путях, понимаете вы или нет!!! Милиция!.. да помогите же!.. не надо-а-а!!

Бомж. Эта, мужики, полезли, там у Ярославского электричка кверху колесами лежит, немерено всякого, выпивка есть неразбитая, тока ползти надо крепче...

Обрывок газеты, «...ебывалой силы. Специалисты из Института метеорологии утверждают, что ураган вскоре... Эль Ниньо, вследствие глобального потепле... жения арктических масс принес... реждали о катаклизмах космического хара...»

Главврач Склифа. Я обращаюсь с просьбой к населению сдавать кровь для пострадавших. Положение пока серьезное. Вновь поступающие лежат даже в коридорах. Хирурги сутками не выходят из операционных... самодельные ставни надежно выдерживают... Аварийное

– Молодец. Садись.

– А еще сантехники не могли справиться с авариями канализации!

– Очень хорошо! Садись. Слушаем дальше. Повысился уровень акваторий Химкинского и других водохранилищ. Прилегающие районы оказались затоплены под толщей воды и волн. Уровень рос, и через двое суток вода поднялась на семь метров выше ординара... Сафонов! Что такое ординар?

– Это? Хм. Вообще-то это врач в больнице. Типа должности.

– «Типа должности» – это ординатор. Горявин!

– Ординар – это... ординарный... обычный... когда все обычно.

– В общем правильно. Это линия обычного уровня воды. Итак. В результате глобального потепления климата и таяния арктических льдов циклон из Восточной Атлантики... ничего, еще раз послушай! продолжал поставлять массы переувлажненного воздуха. Вступая над Средне-Русской Возвышенностью в область пониженного давления... да – где возвышенность – там пониженное, а где пониженность – там наоборот возвышенное, пора запомнить! и хватит перебивать учителя! На чем я?.. Влага конденсировалась и выпадала в виде осадков. Переходим к спасательным работам. Спасательные работы в Москве начались уже на вторые сутки. Был мобилизован весь речной транспорт. Военные части направили на помощь населению свою десантную технику. В высотных зданиях были организованы пункты спасения, питания и первой помощи. Туда доставляли пострадавших, и врачи оказывали им помощь. Отовсюду доставляли лекарства и сухие вещи, отопительные и осушительные приборы.

– Вот их током, поди, в воде било от приборов...

– Прибор для тебя, Корнеев, назывался электрический стул. О нем пусть тебе на физике расскажут. Была налажена эвакуация пострадавших воздушным путем, поскольку железнодорожные вокзалы также были затоплены...

– Марь Ванна! А аэропорты что, не затопило?

– По мере подъема воды и расширения затопленной площади акватория расширялась. Лежавший в низменной местности ближний и основной аэропорт Шереметьево был затоплен на четвертые сутки непрекращающегося ливня. Все аэропланы с него успели взлететь, унося многочисленных спасенных в безопасные места. Романов! Перечисли нам аэропорты Москвы XXI века.

– Шереметьево, Быково, Домодедово, Медведково, Бородино.

– Ермакова, поправь.

– Не Медведково, а Сараево, от названия первого в Москве аэровокзала. А Медведково – это был охотничий заповедник правительства. А в Бородино не летали, там были районы пенсионеров.

– Садись, хорошо. Дома всем повторить материал прошлого урока. Продолжаем. Затопление подземных магистралей вызвало нарушения в электроснабжении мегаполиса. Да, Корнеев, било током, било, и ничего тут смешного! Целые кварталы стояли ночью в темноте. А короткие замыкания действительно поражали отдельных жителей. Перебои с продовольствием вызвали трудности с питанием. Кое-где самостоятельная эвакуация жителей принимала даже панический характер...

– А чего панический-то?..

– А вот тебя бы самого утопить!

– Но ведь организация была?

– Ти-хо! Организация была четкая, но были и сбои. Вот представьте себе. Станции под водой. Торчат лишь крыши вагонов и паровозов, их трубы уже не дымят. Над шоссе – только кабины больших грузовиков. Новицкая – попробуй представить нам своими словами картину стихийного бедствия.

– Буря мглою небо кроет! Низкие тучи цепляются за верхушки небоскребов. Ливень хлещет. Люди спасаются на верхних этажах. Военные плавающие платформы и речные трамвайчики снимают мокрых трясущихся людей с детьми и домашними животными...

– Как дедушка Мазай зайцев...

– Корнеев, дневник мне на стол! Продолжай, Новицкая.

– Спасатели и солдаты сажают в свои суда сначала женщин, детей, стариков и больных. Их отвозят... Мария Ивановна, а куда же их отвозили, раз даже аэропорты затоплены?..

– Да, дети, их приходилось отвозить далеко, до сухих мест. Садись, Новицкая. Но, дети, да, это была трагедия, и вывезти всех при таком бедствии не было возможности.

– Ничего себе... А правительство?

– Правительство было заблаговременно эвакуировано в Петербург, чтобы руководить спасением. И Кремль... Горявин! Встань! Как выглядел Кремль?

– Кремль была старинная русская крепость красного цвета с высокими башнями и неприступными стенами. А на башнях были орлы со звездами... их называли двухзвездные орлы.

– И вот представьте себе: вы озябли, промокли, а ветер свищет над бескрайними волнами, и только древние шпили башен торчат над ними, а на них золотые орлы с рубиновыми звездами. И на этих шпилях и огромных орлах тоже спасаются мокрые, озябшие люди и безнадежно взывают о помощи, и ветер заглушает их слова, и дождь льет и льет. А вода все поднимается!.. И катера ходят от одного шпиля к другому и снимают утопленников...

– Так они ж еще не все утонули?..

– А вертолеты чего же?

– Совершенно верно, я не успела сказать. Множество вертолетов заполнило воздух своим гулом. Отважные вертолетчики спасли множество терпящих бедствие. Работая день и ночь, в свете прожекторов, с тысячами тел на тросах и веревочных лестницах, они взмывали...

– Марь Иванна, а в Москве было метро?

– Что?

– Метро.

– Метро. Это был очень прогрессивный для XXI века вид транспорта. Конечно, в мегаполисе было прекрасное, огромное метро.

– И его тоже затопило, и там все утонули?

– Нет. Кх-м. Не совсем так. В конце концов, конечно, и его затопило. Но когда начался потоп, из московского метро почти все, к счастью, успели подняться и спастись.

– А как они успели спастись, если наверху, даже не в подземных переходах, а вообще везде, многие все равно утонули?

– Конечно, некоторым из них позднее не удалось спастись, но многие спаслись, особенно вначале.

– А сколько народу жило тогда в Москве?

– Население этого одного из крупнейших городов мира достигало тогда двух миллионов человек.

– А папа говорил, что на некоторых сайтах указано тринадцать миллионов.

– Это у твоего папы татуировка на пальцах? Понятно, откуда у тебя такие взгляды. Меньше надо по сети шарить, а больше учебники читать. Так вот – из этих двух миллионов было спасено более одного миллиона восьмисот тысяч человек. Сто тридцать тысяч пропали без вести. Всего погибло порядка семидесяти тысяч жителей. Эта страшная потеря заставила поэта написать полные пафоса стихи: «Никто не забыт и ничто не забыто!».

– А кошки и собачки?

– И крыски. Тоже утонули. И слон в зоопарке утонул на хрен.

– Корнеев! Завтра придешь с родителями! Ничего святого для тебя нет! Мы говорим о трагедии, которую пережила в прошлом наша родина – и твои циничные шуточки!..

- Марьиванна, а в Москве был зоопарк?
- А Общество охраны животных не спасло его?..
- Общество само утонуло на хрен.

– Корнеев – вон из класса! Я тебе еще дверью похлопаю! Я так похлопаю! Что? В Москве был прекрасный зоопарк, самый большой и передовой в Европе. Жители любовно называли его просто «зоо». Да... Вот негодяй, честное слово... Если уж ты спросила... хотя это и факультатив, но я расскажу. Директором зоопарка был знаменитый русский ученый-биолог Ноев. И когда начался потоп, он сумел спасти животных остроумным и самоотверженным способом. Он договорился с большим плавучим рестораном, и они приняли на борт всех животных, по паре каждого вида, самку и самца, для спасения видов. А чтобы обойти запрет на спасение кого-либо кроме людей, оформили животных как мясо живым весом. Ресторан назывался «Ковчег». Эта история стала легендой. Позднее она даже вошла во многие книги как сказание о Ноевом «Ковчеге».

– Вот здорово!..

– Новицкая, если ответишь на следующий вопрос – ставлю тебе пять. Почему Москва называлась «белокаменной»?

– Древняя столица России была прекраснейшим городом мира. Миллионы туристов из всех стран восхищались ею. Она была удивительно светлой и чистой, и большинство ее зданий было построено из мрамора, а небогатые жители к Рождеству и на Иванову ночь красили свои домики по традиции белой краской.

– Откуда мы это знаем?

– Из многих описаний. А в первые года после затопления самые высокие здания светились белым сквозь толщу прозрачной воды.

– Пять! Затопление Москвы осталось отраженным во многих произведениях мировой культуры. Таковы картина художника Бакста «Античный ужас» или опера Римского-Корсакова «Садко». Английский писатель Уэллс создал роман «Маракотова бездна», а греческий философ Платон – диалог «Атлантида», поскольку воды Среднерусского моря сомкнулись с Атлантическим океаном. По внеклассному чтению в этой четверти вам предстоит прочесть роман русского писателя XXI века Александра Беляева «Человек-амфибия», написанный по следам этих событий – об отважном молодом москвиче Ихтиандре, сумевшем одолеть водную стихию и спасти...

– Звонок!!

– Все сидят!! Записали домашнее задание: «Образование Среднерусского моря», параграфы первый-четвертый. Романов – четыре, дай дневник. На контурных картах нанести место, где была Москва. Урок окончен.

– А-а-а-а-а-а!!

– Корнеев, я тебе влезу в форточку, я т-тебе влезу!

– Миленький урок. «Всех утопить!» Пиратские прихваты...

– А между прочим, по телику была передача, что Атлантида была не в Среднерусском, а в Средиземном.

– А ты чо, не знаешь, что Россия – родина африканского слона?

– Ага, как ничо нету – так оно было у нас самое великое!

– Интересно, а акулы там тогда были?

– Акул, наверно, так сразу не было, но если крокодайллы из зоопарка всплыли – тоже неслабо.

5. Извержение

Мраморная лестница. Ковровая дорожка. Наборный паркет. Лепнина дворцовых потолков. Воздух. Рассеянный свет. Толпы в войлочных тапочках. Картины по стенам.

Экскурсовод. Гладкая прическа в пучок. Тонкие очки. Узкие чувственные губы. Бедра обтянуты. Указка. Голос интонирован сублимацией.

– Создание следующей картины было навеяно драматическими событиями далекой истории. В XXI веке столица России находилась в Москве. Политическое и экономическое значение Москвы в этот период уже падало, но оставалось еще большим. Сохранились многочисленные изображения и описания огромного богатого города, гордого своей былой славой. Население Москвы составляло несколько миллионов человек, в ней было много многоэтажных домов и общественных зданий. Были водопровод, канализация, телевидение, общественный транспорт, городские власти выделяли средства на благоустройство. Скученность населения в жилых и деловых кварталах была очень высокой.

Сначала жители не придали значения тому, что по ночам раздается подземный гул и в западной части города, над Воробьевой горой, в небе возникало красноватое свечение. Многие думали, что это подземные работы или иллюминация в честь одного из многочисленных праздников. И даже когда через несколько ночей раздались взрывы и в небо ударил фонтан огня, большинство не придавало этому значения. Картина напоминала праздничный салют и фейерверк, которые устраивались тогда огневыми взрывами на специальных участках. А вокруг Воробьевой горы был лес, она была незаселена.

Но затем, среди ночи, огненный фонтан ударил из вершины горы на сотни метров ввысь. Огромное облако искр озарило окрестности. Почва стала содрогаться под ногами. Раскаленные камни разлетались по черному небу, как метеоры, и поджигали рушащиеся здания. Проснувшиеся жители в страхе заметались в поисках спасения.

Но самое ужасное – по городу катилась волна раскаленного газа, убивая все живое. Несколько вдохов – и человек падал, теряя сознание. Огромная плотность населения, неожиданность бедствия, ночная темнота – все это вызывало панику и мешало спастись.

В это же время вслед за газовой волной катился вал расплавленной лавы, сжигая и затопляя все на своем пути. Проснувшийся вулкан, молчавший до этого тысячи лет, вел свою губительную деятельность.

Одновременно с извержением лавы из образовавшегося кратера вылетали тысячи тонн пепла. Этот раскаленный пепел накрыл огромный город, как одеялом, не оставляя несчастным шанса спастись. Он покрывал толстым слоем руины и уцелевшие постройки вместе с их несчастными обитателями.

Вот благодаря неожиданности катастрофы, благодаря толстому слою этого пепла, похоронившего и как бы законсервировавшего под собой разрушенный город, археологи и получили уникальный шанс увидеть, как все там было когда-то на самом деле.

Этот древний сюжет и положил в основу самой знаменитой своей картины «Последний день Москвы» молодой еще тогда художник Исая Лазунов. Посетив на последнем курсе Академии развалины недавно раскопанной Москвы – тогда это было модно, множество туристов ездило – он загорелся романтическим сюжетом и хотел представить картину в качестве выпускной работы. Но работа над огромным полотном – а вы видите размеры, это четыре с половиной на семь с половиной метров...

Меж голов скученных экскурсантов:

– Ни хрена себе!..

– Замучишься столько красить.

– Ему ученики, наверно, помогали.

- Ты смотри – молодой, а как здорово все вырисовано...
- Вот все-таки таланты были раньше!..
- Не мешайте слушать!.. приперлись тут...
- Милая, а может, пойдём, а?

– ...отняла у художника два года. Он пожертвовал дипломом – но через два года картина принесла ему большую золотую медаль Академии, а затем – золотую медаль Парижской выставки и полтора миллиона долларов на аукционе Сотби. Заметьте – сейчас она оценивается до тридцати миллионов! (На лицах примолкших зрителей отражается высокое качество работы.)

Центром композиции являются обнаженные атлетические фигуры мужчины и женщины. Немного расставив крепкие ноги, прочно, устойчиво сомкнувшись плечами, поддерживая друг друга среди рушащегося мира, они вздымают в руках серп и молот. Тела их устремлены вперед, они мечтают и стремятся прорваться туда, где можно спасти свою жизнь. Рабочие и сельскохозяйственные инструменты в руках символизируют их принадлежность к простому, трудящемуся народу. Развитые мышцы говорят о тяжести непосильного труда. Красота тел вызывает у зрителя сострадание к цветущей и обреченной жизни.

Правее вы видите мать, пытающуюся закрыть руками своих детей. Взор ее с ужасом устремлен вверх, прекрасное лицо побледнело. Обратите внимание на то, что один из ее малолетних детей принадлежит в африканской расе, другой – к азиатской, третий – к европейской. Это характерно для прогрессивных классов той эпохи, Москва была пестрым интернациональным городом. Отсутствие рядом с ней мужа в ночное время заставляет предположить, что она придерживалась свободных взглядов и получала помощь от городских властей на воспитание детей.

С другой стороны – худощавый мужчина в кожаной куртке пытается выскочить из автомобиля. Крышу автомобиля пробил раскаленный камень, сейчас раздастся взрыв, рот мужчины разинут в крике.

Ночная улица озарена огнем. Как факелы, горят деревья городских насаждений – видите, какой ровный ряд? Полуодетые жители пылающего дома пытаются выносить свои вещи. Люди в касках рядом с большой красной машиной – это пожарные, один из них направил на пылающий дом струю воды из шланга. С балкона к пожарным зовет пожилая женщина в белом балахоне, ее белые волосы стоят дыбом – она предчувствует неминуемую гибель.

У левого края полотна, выше, вот здесь, – поток раскаленной лавы сметает крошечные постройки. Как муравьи, гибнут в волне пламени корчащиеся фигурки. Вспыхивают, плывут и плаваются в море жидкого огня автомобильчики.

Ночная река, разделяющая город, от отблесков огня кажется красной. В воде множество голов – видите черные точки? – это горожане пытаются спастись вплавь. Небольшое судно пытается оказывать им помощь, люди карабкаются на борта и падают, но им уже тоже ничто не поможет, фигурка на верхней площадке судна – это капитан, можно различить его фуражку – схватилась за грудь, у нее подламываются колени. Облако раскаленного газа движется над рекой, его след отмечен клубами пара.

У правого края, тоже повыше, вот здесь, – художник изобразил железнодорожный вокзал. Блестят рельсовые пути, видна часть циферблата на башне, пространство здесь заполнено сплошной толпой, многие с вещами, детей поднимают над головой. Люди лезут в двери и окна уходящих поездов. Отчаянно кричит мужчина в красной рубашке, попавший под колеса вагона. Женщина на перроне протягивает младенца в тянущиеся из выбитого окна вагона руки.

На заднем плане рушится переломившийся пополам гигантский шпиль, обвешенный наподобие опят такими кружочками. Так выглядели в XXI веке телевизионные антенны – это главная телевышка города, ее высота достигала полукилометра.

Впечатленная толпа экскурсантов, заскучавшая было, приободряется.

- Ни хрена себе!.. Полкилометра в высоту!
- Да уймись... кто те километры мерил...
- Баракло бросить – и бегом все за поездом! Спаслись бы.
- В живописи вы – как свинья в апельсинах... Приперлись.
- Ма-ам, я хочу пи-пи!..
- Милый, я устала от этих ужасов, идем.
- Давай в тот отпуск туда на раскопки съездим, посмотрим.
- Дама, по ногам-то осторожней!

– ...Обратите внимание на оригинальную игру света и теней. На первый взгляд, ничто необычное не бросается в глаза. Но если присмотреться. Одна из особенностей этого грандиозного полотна в том, что свет как бы идет с разных сторон, от разных источников, и это создает неповторимый эффект. Вот взрывается – вот она – заправочная станция, ярко озаряя отшатнувшихся людей, они закрываются от взрыва, некоторые пытаются перепрыгнуть через горящие потоки. А задний план озарен гигантским взрывом топливного хранилища, там взлетают в небо крышки огромных цистерн. Композиция как бы окольцована морем огня. А сверху надо всем нависает клубящийся полог пепла, и отблески огня и тени играют на нем. Такой прием – дань модной тогда теории эйдосов Платона: у нас возникает ощущение, что трагедия предопределена сверху, с небес, что в невидимом, высшем мире разворачиваются истинные причины событий, а все происходящее внизу – лишь его следствия, отражения. И недаром, пытаясь постичь события и угадать свою судьбу, большинство людей на картине со страхом и надеждой смотрит вверх, на эти неясные и грозные тени. Что они им сулят? А они не сулят ничего хорошего.

И как апофеоз этого поражения перед волей небес, невозможности противостоять им – изображения воинов, даже целых военных частей... строев... Вот командир во дворе пытается строить своих солдат, но они разбегаются, выпрыгивают из окон казармы. А вот военная колонна проходит по мосту, и боевые машины сбрасывают в воду машины спасающихся жителей – они запрудили мост и мешают движению военных. Быть может, военные пытались предотвратить панику, а возможно, просто получили приказ спасти армию как важнейшую государственную ценность... но те, кто должны быть защитниками – уже никого не могут защитить и пытаются спастись сами.

В «Последнем дне Москвы» достигло вершины мастерство Лазунова как мастера обработки мельчайших деталей. Такая филигранная техника свойственна скорее миниатюрам. Но на монументальном полотне (хотя ее не поняли и издевались критики того времени) эта манера позволяет различить даже выражения лиц небольших, удаленных от нас фигур. Каждая из них исполнена значения, каждая индивидуализирована, у каждой собственное, неповторимое выражение лица. (Недаром после завершения картины художник несколько лет ничего не создавал, лечась от нервного истощения – колоссальные психические нагрузки дали себя знать.)

Вот плохо одетый бедняк, бродяга, бегом уносит охапку винных бутылок из разбитого магазина. Мы видим, что это не просто грабитель, мародер, пользующийся паникой. Он небрит, во рту не хватает зубов, а на правой руке нет указательного пальца. На лице – безумное счастье бедняка и пьяницы, который даже перед лицом всеобщей гибели не отказывается от своего порока.

Молодой охранник от дверей целится в него из пистолета. Сейчас прогремит выстрел! И мы видим на молодом лице беспощадную решимость исполнить свой долг, что бы ни происходило кругом. Вдумайтесь – какая горькая трагикомедия!

А вот дерутся два водителя машин. Их машины столкнулись и помялись в сплошной пробке, парализовавшей улицу. Все хотят спастись! А эти двое, вместо того, чтобы помочь

друг другу бежать или сесть в другую машину, изливают друг на друга свою злобу, лицо одного уже в крови, другой замахивается на него каким-то инструментом.

А на постели, за открытой балконной дверью, спят, обнявшись, двое юных влюбленных. Локоны девушки раскинуты по подушке, лицо юноши с твердым мужским подбородком спокойно и счастливо. Они уснули навсегда, и остались счастливыми, не узнав о трагедии. Этот прекрасный контраст потрясает нас.

Центром заднего плана композиции является Кремль – вот вы видите крепостные стены и башни. Из этой цитадели цари и президенты управляли страной, но сейчас не спастись и им – уже пылает высокая колокольня. Охрана на стенах надевает противогазы и держит оружие наготове. Вереница длинных черных машин вылетает из ворот, давя толпу на площади, их прокликает старик с орденами на груди. А над башнями взмывает вертолет с гербом – очевидно, это спасается глава государства. Но в вертолет попадает один из летящих с неба раскаленных камней, он уже накренился и показалось пламя.

– Ап-чхи!.. ржхци! ох. Извините.

– Все в дыму, война в Крыму...

– Брагоубийственная резня – это молдаванин режет барана.

– Х-хи-хе-хе!..

– Вам неинтересно – так не показывайте свою культурность.

– Милый, дай мою сумочку, я сейчас вернусь.

– Да, до фиго знал человек...

Экскурсовод поправляет волосы. Взгляд на часы над противоположной дверью. Улыбка, пауза – завершение:

– У кого есть вопросы?

Облегченное шевеление.

– А что это там вроде ракеты взлетает?

Легкое колыхание ненависти.

– Вот это? А. Конечно. Это монумент первому космонавту Земли Гагарину. Так представил его себе художник. Высокая блестящая ракета и человек на ней. От толчков монумент наклонился и рушится, под ним в ужасе пытается раздаться толпа... несколько человек уже придавлены постаментом.

Если вы приглядитесь, то между теней, зданий и туч пепла скрывается множество рушащихся памятников, в которых запечатлена вся история Москвы. Одни гранитные – это был культовый философ Маркс, видите бороду мудреца? Вот торчат только четыре чугунные конские копыта перед храмом – здесь стоял триумфатор Отечественной войны 812... простите, 941 года Жуков. Вокруг кричат жители, пытаясь спасти пострадавших из-под его статуи. А огромное как бы пирамидальное, ветвистое такое бронзовое дерево, рушащееся в воду – это, скорее, плод фантазии художника: тотемный столб в виде мачты с парусами и фигурой покровителя Москвы.

Насладившись этим шедевром... проходите... пожалуйста...

6. Выживатели

За окном грохнуло так, что сковородка лягнула на плите, пыхнув масляными искрами. Даже не РПГ, не иначе кому-то всадили зажигательную в бензобак. Рефлекторно закрыв газ, Горелов глянул. Перекрещенные лейкопластырем стекла держались нормально. Ящик с запасными, переложенный тряпьем в кладовке, кончался, а небыющегося стекла было не достать, и стоило оно немерено. Не хотелось переходить на фанерки, как соседи победнее.

Он поправил горелку. Зашипел синий зубчатый венчик. Всунулась жена, кончая макияж, и наморщила носик:

– Что там у тебя? Опять опоздаем.

Пятилетний Андрюшка кочевряжился и хныкал. Ладно, в садике позавтракает. Дочь-третьеклассница возила вилкой по лужице маргарина в тарелке, деля залубеневшую макаронину на шайбы.

– Прекрати безобразничать! – одернула жена. – Завтра будет картошка.

– Жареная? – оживилась дочь. – Ура! – Сплюнула в ладонь и спустила в угол.

В прихожей Горелов незло рявкнул жене: опять забыла пришить дочке лямку к жилету. Обязал жилет веревочкой и сделал бантик.

– В школе не потеряй! – наказал строго. – Смогай и спрячешь в портфель.

– Обеща-ал, – с безнадежным вымогательством затянула она. – У всех почти в классе кевларовые...

– Я сказал – на день рождения. А вообще этот лучше. Прочней.

– Ничем он не лучше... Таких уже и не носит почти никто.

– Вот на калаш старый напорются, тогда будут носить.

Андрюшка в своем жилете катался, как робот-сапер на маленьких ножках.

– Мы выйдем когда-нибудь? – поинтересовалась жена, меняя позу боком к зеркалу.

Горелов выключил свет, открыл внутреннюю дверь и прилип к глазку. АК-47, добела заношенный, без приклада, снял с предохранителя и передернул затвор. Провернул оба замка и отодвинул засовы.

На лестнице было тихо. В сером свете непривычных теней не рисовалось. Запах спокойный: моча, окурки, цементная пыль...

Он скользнул на площадку, стволом контролируя лестницу:

– Пошли!.. – И вслушивался, внюхивался, пока жена запирала дверь и прятала ключи.

– Сколько раз тебе говорил – не носи пистолет в сумочке! Никогда не успеешь достать.

– А где мне его носить? Я б сказала!

– Перестань при детях! В левом рукаве, ручкой вперед.

– Он слишком большой!

– А где я тебе дамский возьму? И все равно от этих шесть и пять никакого толку.

– У Иванихиной смит-вессон-38 вообще в ладони умещается. А калибр девять миллиметров, и патрон мощнее Макарова.

– И где она его носит? Так и ходит – в ладони?

– В сумочке!

– Вот шлепнут вас, двух дур с сумочками.

– Я в школу опоздаю... – заныла дочка.

Сын присоединился мгновенно:

– А когда мне-е купят пистоле-ет!..

О господи, вздохнул Горелов. Еще день не начался. Скорей бы отпуск. Затовариться и спокойно жить дома.

Он ссыпался на пролет вниз, описал дулом широкую восьмерку и сделал жест семье спускаться.

У подъезда ничто не внушало подозрений. Кусты были сбиты под корень, не заслоняя сектор наблюдения. Горелов вынюхал воздух, вслушался, развернулся по сторонам – махнул рукой к троллейбусной остановке, конвоируя семейство сзади-сбоку.

Там рассредоточилось человек десять. Пенсионер с бельмом во весь глаз держал ветхий дробовик в опущенных руках, как гриф штанги, норовя заехать кому-нибудь как раз по уровню в пах.

– Вы бы, папаша, взяли свою дурынду стволами вверх, – посоветовала дама с наганом, торчащим из брезентовой кобуры, разумно пристроенной снаружи жилета под грудь.

– Видишь, как нормальные люди носят, – заметил Горелов.

– В транспорте сопрут, – хмыкнула жена.

По просадке разбрызгивавших грязь машин можно было определить, у кого заводское бронирование, а кто просто засыпал песком внутридверные пространства.

– Ложись, – вдруг бросил морщинистый мужик с ухоженным симоновским карабином.

Горелов среагировал раньше, чем успел заметить пулеметное рыльце в окошке несущейся БМВ. Он сгреб и придавил к асфальту детей, прикрыв их своим телом, и дернул за ногу жену, свалив рядом.

Очередь пробарабанила над головами. Вибрирующей струной запел рикошет, чмокнуло дерево и звонким металлическим щелчком отозвался столбик навеса.

Морщинистый хищно повел карабином вслед и выстрелил. Отчетливая искра вылетела из заднего крыла исчезающей БМВ.

– Забронировали бак, суки, – беззлобно сказал мужик, выбрасывая из патронника дымящуюся гильзу.

– Во ныняшня-то молодежь кака пошла!.. – воронежской проговоркой запричитала бабка, тряпочкой счищая грязь с чугунной печной вьюшки, пристроенной к животу.

– Дело молодое, – прокряхтел дедусь-пенсионер, собираясь и распрямляясь под прямыми углами, как складной метр. Почистил колени и горестно посмотрел на обляпанный дробовик. – Братва развлекается...

– У нас вот так бухгалтера на той неделе убило, – возбужденно улыбаясь, зачастила дама с наганом. – Как раз квартальный отчет сдавала, допоздна засиделась накануне, не выспалась, зазевалась – и вот так же!

Как всегда после удачно пережитой опасности, все как-то сблизилось в приподнятом настроении.

Заэкранированный кровельными листами троллейбус напоминал макет бронепоезда. Пулю такая «броня», конечно, не держала, но сбивала балансировку траектории и гасила часть энергии, а кроме того, не позволяла возможному стрелку наблюдать цели и попадания, лишая тем самым интереса. Полутемный салон привычно успокаивал уютом убежища, и тем не менее, электрически взнывая и дребезжа, это убежище исправно передвигалось.

– С передней площадочки, передаем за проезд! – проталкивалась кондукторша.

Окна детского сада были до половины заложены мешками с песком. На бетонных плитах блок-поста у входа скакали красные кони и белые зайцы. Охранник пребывал в преклонных летах и не стеснялся носить нелепую в городских условиях армейскую каску.

– Доброе утро! – приветствовал он. – Запаздываем? Ничего, теперь у нас он как в сейфе будет – сохранность гарантирована.

Он подавил кнопку, и через некоторое время тяжелая дверь отъехала на роликах. Деньги на ее установку собирали с родителей в прошлом году. Налеты на детские сады были крайне редки, но береженого бог бережет. Маньяков пристреливали при малейшем подозрении.

Школьный звонок был слышен еще от колючей проволоки, но Горелов уцепил рванувшуюся дочь за шиворот, дал воспитательного шлепка и отвел до самого металлоискателя. Здесь службу несли не улыбочивые парни из муниципального предприятия «Кречет» – один дежурил на вышке посреди двора, другой автоматчик контролировал вестибюль. Старшеклассники часто шли в бандиты без отрыва от дневного обучения, и стволы сдавали в оружейку гардероба в обязательном порядке, под прицелом.

– Ф-ух, – выдохнул Горелов традиционную утреннюю формулу: – Наследники пристроены.

– Я так всегда волнуюсь за них, – пожаловалась жена. Это звучало как отзыв на пароль: в семье все нормально.

Гигантский хвост втягивался в метро медленно и торопливо одновременно, как нервный удав в нору, уже запрессованную предыдущей частью тела. Трясли в основном приезжих, филь-

труя багаж через «телевизор» на предмет взрывчатки. Горелов с женой придали лицам покорное и зависимое выражение: против милицейского фэйс-контроля средств не существовало.

У эскалатора кавказец в хорошей дубленке, доставая бумажки из карманов, просительно доказывал ментам, что никому оружия не передавал, у него вообще нет оружия, получил прикладом по зубам, брызнувшем под ноги обтекающей эту группу толпе, зажал лицо руками и полез наружу. Чего он вообще сюда сунулся, поймал бы частника, подумал Горелов мельком, а теперь с разделанной мордой хрен его кто повезет, не уйдет дальше ближайшего пикета.

Плотный влажный воздух выдавился и вылетел из тоннеля, взвыло, загремело, земля кало – поезд встал у платформы. Из дверей ринулись в узкие дефиле сквозь массу. Дважды негромко хлопнуло, и когда, умяв напор внутрь, свелись створки, на уплывающей и опустевшей серой полосе, затертой подошвами, осталась лежать в пластунской позе фигура в коричневом пальто с шарфом «берберис». Как ни жмись, ни избегай резких движений, но напора и случайного толчка в толпе избежать иногда невозможно – а город набит психами и неврастениками, и все утром торопятся на работу.

В лицо Горелову дышал мятной жвачкой идиот с ручником Дегтярева, и когда он клонился, следуя равновесию в вагоне, громоздкий диск вминался Горелову в правое подреберье, прямо в печень. Он построил тактичную фразу и обратился мягко:

– Вы бы отомкнули магазин – сорвут в давке на выходе.

– Извините, – интеллигентно сказал мужчина и передвинул пулемет так, чтобы плоский диск приходился перед животом. При этом движении пламегаситель задел дужку его очков, Горелов сунул зажатую меж тел руку, и очки упали в растопыренную ладонь.

– Спасибо, – поблагодарил мужчину, они встретились взглядами и улыбнулись друг другу.

Черт, ведь хороший народ, подумал Горелов, поддаваясь умилению, как нередко (городской невроз). Вот и жизнь трудная, и рожи простые, свои заботы у всех, а как-то законтрачишь по-человечески на секунду, и прямо теплее всё, и вообще жить можно.

Мужик вышел на «Баррикадной», и они еще раз обменялись приятными взглядами, чтобы разбежаться навсегда, но не сразу забыть.

На «Проспекте Мира» жена пересаживалась. Горелов поцеловал ее и привычно порадовался, что щека еще свежая и хорошо пахнет.

– До вечера, – подмигнул он.

– Будь умницей, – сказала она. – Будь осторожен.

И помахала с платформы из-за голов.

Он без приключений добрался до работы, только в подземном переходе на Площади Ильича чуть не повздорил. Хамоватого вида панк, кожаный, шипастый и гребнистый, как ящер, пер вразвалку навстречу движению. Горелов посторонился от греха и дурака к киоску. Но прикладом М-16, болтающейся по их моде на длинном ремне наперевес, панк больно задел его по колену. Крутнув на плечевом ремне висевший дулом вниз калаш, Горелов зло ткнул его стволом в бок, метя и попав между липучками жилета. Панк покачнулся, обернулся и, как бы даже не имея в виду гореловский палец на спусковом крючке, с секундным замедлением сказал негромким, нормальным голосом:

– Извините, пожалуйста.

– Ничего, – сразу отмяк Горелов. Когда вместо скоротечного огневого контакта встречаешь извинения, агрессивность сменяется даже благодарностью. За себя неловко. Нормальный парень, ну мода, ну задел, извинился виновато. Когда ты готов бить на опережение, люди-то вдруг оказываются неплохи.

В двадцать восемь минут десятого, не опоздав, он вошел в офис. Лифт опять не работал, на шестой этаж пешком. В отделе поздоровался, жилет, куртку и автомат повесил на вешалку,

причесался перед зеркалом, включил компьютер и с деловым видом вышел курить на площадку: день пошел.

До двенадцати он просидел на телефоне, утрясая пункты договоров с транспортниками, а в двенадцать заглянул Фома Юрьевич.

– До тебя не дозвониться, – недовольно сказал Фома Юрьевич. – Контракт на холодный прокат готов? Занесёшь мне.

Проект был составлен еще в пятницу. Горелов спустил девять страниц на принтер и постучал в соседнюю дверь.

– Ну? – прозвучало вместо «да». Фома Юрьевич, не обращая на него внимания, вытряхнул из крошечного пробного пузырька на палец душистую каплю и провел сначала по правой щеке, а потом по левой. Сейчас опять к своей телке поедет в «местную командировку».

– Проект взгляните.

Фома Юрьевич зачем-то понюхал первую страницу и спросил:

– Если что – мы их взорвать можем?

– Легко. От всего их холдинга потрохов не останется.

– Да? Да? Легко? А ты лимиты на взрывчатку учел – конец квартала?

– Убытки из предварительно образованного демпферного фонда за счет стороны, допустившей форс-мажор. Вот – статья 26, Б и В.

– Ладно, – пробурчал Фома Юрьевич, отодвигая страницы на край стола. – После обеда завизирую.

В обеденный перерыв Горелов спустился в супермаркет – покупки было лучше совершать засветло.

– Что ж вы мне гнилую подсовываете! – горячилась толстуха у прилавка, вертя и отпихивая пакет с картошкой.

– Женщина, что ж вы зря говорите! – повышала противные профессиональные ноты продавщица. – Вот я подряд беру – ну смотрите, где гнилая?! – Она раздраженно шлепнула на прилавок охалку картофельных пакетов. – Не нравится – выбирайте сами! – и отвернулась к следующему покупателю. – Очередь задерживаете!

– Что я, не знаю, специально фасуете гнилье! – Толстуха поворошила пакеты и взвизгнула: – Вот и стоят тут все в золоте, серьги с кольцами!

– А с вашей фигурой лучше на диете посидеть, – чуть улыбнулась продавщица своему умению ответить с тем беглым отработанным хамством, к которому трудно придаться по форме и оттого оно особенно бесит.

Бацнул выстрел. Продавщицу отбросило на полки с овощами. Толстуха торжествующе дунула в дуло ТТ.

– Виктория Афанасьевна! – затащили дуэтом из молочного.

Толстуха бацнула еще дважды в кассовый аппарат и двинулась к двери спиной вперед, поводя в стороны пистолетом. Покупатели, стараясь занимать в пространстве меньше места, подчеркивали позами, что чужие проблемы их абсолютно не касаются.

Толстуха достигла дверей, когда в хлебном просунулся меж тортов дробовой обрез. Зарядом ее снесло с крыльца. Картонный кружочек пыжа покружился и спланировал на порог. В заложенных ушах звенело.

– Сволочи, – сказала красное лицо, вырастая над белым кремом как клубника-мутант на пирожном. – Ходят тут. Неизвестно чего им надо.

– Опять в овощном работать некому, – поддержал дуэт из молочного.

– А эти тоже там. Берут гнилье пересортицей, а мы торгуй.

– Не хочешь – не покупай, – задабривающе зазвучала очередь. – А скандалить-то зачем.

– Ну, тоже. Чужую жизнь не жалко – так хоть свою побереги.

Когда Горелов поднимался обратно со своим пакетом, где хек каменномороженный постукивал, как об лед, о банку с горошком, его окликнули курившие на площадке четвертого этажа.

– Сы-слыхал уже? – спросил Олег, заика из отдела оргтехники.

– В смысле?

– Ры-ы-рыжова секретарша шпокнула.

– В смысле трахнула?

– В смысле грохнула.

– Ка-ак? – удивился Горелов. Положил пакет на подоконник и прикурил от дружески поднесенной зажигалки. – У него же, вроде, новенькая? Ей что, триста баксов мало?

– Во-о-вот именно, что триста, а не двести. Ее же с обслуживанием взяли. А у Ры-рыжова один туркмен. Го-го-го-го, прием, ба-ба-бабки пилить. А она вчера в-в-в сауне отказалась его обслужить.

– Ну так и уволилась бы. А чего отказалась? Чего шла тогда?

– Да он какой-то особенно жи-жирный и противный. Она и уперлась, что нацмена не будет, подряжалась только на своих. Ну, вы-вы-вызвали девок. А ей-ей сегодня Рыжов сказал – штрафанет.

Пухлячок Сан Саныч не выдержал спотыкливого темпа новости и выпустил струей между двумя заиканиями:

– Он ей, что будет кого скажет по полной, а она, что может он воображает себя гигантом, а сам козел вонючий и импотент, он волюну из стола хватать, а она юбку вверх, тусы вниз, он замлел, а у нее там подбрюшная кобура, переделанный газовик, вальтер-ПП, две сотни на Горбушке, он-то рот открыл, что она ему сейчас даст, а она-то ему в рот и засадила, ползатылка на стену вылетело.

– Хрен ее теперь кто на работу возьмет, – сказал Горелов.

– Т-ты-ты-риста баксов ей не деньги!.. т-ты-тоже...

– Еще на Мальдивы хотел с ней слетать...

– А вообще оружие скрытой носки запретить надо.

– Все потому, что семья разрушается, – наставительно сказал Горелов. – Моральные устои – они сдерживают. Работа и секс – отдельно! С женой спать надо – дольше проживешь, статистика.

– Ага, – несмешливо возразил Иван Александрович, пенек старой школы, эксперт по списыванию трупов. – То-то у Тимошкина была примерная семья, пока он жену не пристрелил вместе с сыном и тещей, так они его задоставали. А ведь какой тихий был человек. И работник-то исполнительный.

А вечером после работы, покупая сигареты у старушки возле метро, Горелов увидел того мента. Точно: сержант, рано полноватый, пушистые пшеничные усики, и под фонарем заметен рубчик в правом углу губ, словно ему когда-то пасть порвали.

– К «Калашникову» 7,62 у вас патроны наши или китайские? – спросил Горелов старушку под стук сердца.

– Польские. – С картонного подносика она готовно вытащила зажатую между сигаретными пачками и пистолетными десятками стянутую резинкой тридцатку автоматных патронов, похожую на маленькую крупную щетку. – Они хорошие, все покупают. Берете?

– Пятнадцать дайте, – поколебался Горелов.

– Ой, мне развязывать. Молодой человек. Берите уж тридцать.

В том месяце сержант догнал его на опускающемся эскалаторе, козырнул:

– Мужчина, вы пьяны.

– Я?!

Ох, мать. Прикол типичный. От милиции, да еще в метро – спасения нет. Вверху двое и внизу двое, и телефоны по линии. Убьешь – не убежишь, и не убьешь – не убежишь. Обезьянник, поломанные ребра, вывернутые карманы, и хрен докажешь, спасибо если жив.

– Ну что вы, – жалко сказал он. – Могу дыхнуть.

– Вы покачнулись, когда входили. Документики можно?

Э нет. Отдай паспорт – и повязан. Мент фиксировал его на мушке. Горелов готовно рылся в карманах и бумажнике: мол, есть деньги, все отдам, но мало, нет смысла меня прихватывать...

– Нарушаем? – ухмыльнулся старшина-автоматчик внизу. В ухмылке уже содержались отбитые почки, порванная печень, сломанный копчик и агония в грязи под забором, куда выкинут из несущегося милицейского уазика.

Горелов долго молил, юлил и каялся, с любовным выражением отдал все деньги, отстегнул часы – дешевку не взяли, но старание оценили, послали снисходительно. Ушел – обгаженный, но живой.

И вот сейчас у спуска в подземный переход сержант с парой товарищей примеривается к прохожим. Гранатку бы, да случайный народ жаль.

Горелов взял его метров с семидесяти, из-за газетного киоска, улучив момент, когда директриса была свободна. Как всегда после правильного выстрела, еще миг с непониманием ждал результата, хотя прицел точно (вроде?) упирался под шею над краем жилета, – потом вдруг резко, как срубленное ударом, тело слетело на спину, задрав в падении ноги. Горелов смешался с толпой, перешел улицу и спустился в метро с другого входа.

Лесной санитар, конечно, вздыхал он глубоко, до корней легких, в трясущемся гремящем вагоне. Если не научишься гасить гадов спокойно, чтоб руки не дрожали потом и во рту не сохло – так на что ты в жизни можешь рассчитывать?.. Какое мне дело, что ему тоже семью кормить, и работы другой нет, и на зарплату не прожить. А, лучше я над ним поплачу, чем он надо мной. И на патроны деньги потратил, дурак, вечно я перестраховываюсь, до конца месяца хватило бы.

К своему подъезду он шел короткими несимметричными зигзагами. Самый опасный момент: темнота, время и место появления фиксированы и регулярны – здесь людей и берут. Внутрь он вбежал с пальцем на спуске. Послышалось или нет, что когда стальная дверь захлопывалась, в нее звякнуло? Утром фиг разберешь среди старых отметин.

Семья сидела в сборе перед ужином. Андрюшку забирала жена. Дочку привозила школьная развозка – бронированная «газель». Это стоило двадцать долларов в месяц дополнительно, но думские дебаты о том, чтобы развозить за счет школьного бюджета, успехом до сих пор не отличались.

Для служебного пользования 7. ИНСТРУКЦИЯ

Мероприятия по ситуации «Атомная тревога»

Штабы Гражданской обороны Москвы
Отделения служб МЧС
Руководства пожарных, аварийных,
спасательных и медицинских служб

§1. Предварительные сведения.

1.1. Наиболее вероятное время нанесения ядерного удара по Москве – около 18 часов по московскому времени. Это обусловлено тем, что:

а) 10 часов утра по вашингтонскому времени позволяют подготовить и произвести удар в течение рабочего утра соответствующих силовых структур, не привлекая преждевременно повышенного внимания наших разведок к активности ведомств возможного противника в нерабочее время;

б) все виды городской и междугородной связи в конце рабочего дня перегружены, и координация экстренных оборонительных мер затруднена;

в) внимание дежурных служб именно в это время снижается;

г) значительная часть населения находится в дороге между местами работы и проживания, что дополнительно затрудняет координацию мер и действий;

д) транспортные артерии парализованы пробками, а находящееся в них население в первую очередь незащищено перед поражающими факторами.

1.2. Наиболее вероятная мощность термоядерного боеприпаса – от 2 до 10 мегатонн. Сверхмощность боеприпаса ограничивается возможностями средств доставки и обусловлена большой площадью мегаполиса Москвы, сосредоточением в нем центральных разведывательно-оборонных подразделений и предприятий, а по его периметру – пояса ракетных и авиационных комплексов прикрытия, но в первую очередь – высокой защищенностью убежищ президентского и правительственного аппаратов и служб управления Министерства обороны, являющихся основной целью.

1.3. Наиболее вероятное время от момента сигнала оповещения «Атомная тревога!» до момента поражающего удара:

а) порядка 14 минут при запуске ракетносителей наземного базирования с территории американского континента;

б) порядка 7 минут при запуске ракетносителей с морских ракетносцев подводного базирования, занимающих позиции в Северной Атлантике и Северном Ледовитом океане.

Это соответствует подлетному времени баллистических ракет, движущихся в надатмосферном пространстве по баллистическим траекториям со скоростью порядка первой космической, т. е. 7,9 км/сек, или ок. 28 000 км/час. Практически в боевых условиях возможно предусмотреть некоторые сбои и задержки связи, что может сократить время оповещения реально до нескольких минут.

§2. Сигнал «Атомная тревога!» подается голосом по всем каналам теле- и радиовещания, а также дублируется гудками железнодорожных локомотивов и плавсредств – один длинный гудок и два коротких, повторяющихся несколько раз.

§ 3. Лица, обеспеченные по своему должностному положению убежищами, немедленно начинают действовать согласно эвакуационному плану на случай атомной тревоги под руководством уполномоченных гражданской обороны, или комендантов зданий, или руководителей коллективов, или самостоятельно. Действовать следует без паники, организованно, без малейших промедлений. Любые проявления паники должны незамедлительно пресекаться любыми возможными средствами, вплоть до применения силы и оружия.

Не более чем через 6 минут (либо ранее по приказу старшего по убежищу, убедившись в наличии в убежище приписанных групп в полном составе) после первого сигнала оповещения все входы в убежище должны быть перекрыты и блокированы по боевому режиму, невзирая на случаи не успевших укрыться в них и количество оставшихся снаружи. Попытки препятствовать закрытию входов со стороны любых лиц без исключения должны незамедлительно подавляться любыми средствами вплоть до применения оружия.

§4. По сигналу «Атомная тревога!» лица, не обеспеченные убежищами, действуют самостоятельно в зависимости от того, где они в данный момент находятся, без промедления и паники принимая все необходимые меры по защите и укрываясь от факторов ядерного поражения. Действовать следует спокойно, грамотно, оценивая конкретные условия своего местопребывания, голосом и действием побуждая окружающих следовать своему примеру и вселяя в них уверенность. В первую очередь необходимо позаботиться о безопасности детей и женщин, а также лиц пожилого возраста.

4.1. Если в доме есть подвал, следует укрыться в подвале. Щели в дверях надо заткнуть любой тканью, ее можно намочить. С собой полезно взять небольшой запас питьевой воды.

4.2. Находясь в здании, лучше укрыться в закрытом помещении – внутреннем коридоре, ванной, кладовой – которое отделено от наружных стен дополнительной перегородкой и не имеет окон. Также полезно заткнуть дверные щели и запастись водой.

4.3. В помещении с окном лягте на пол ногами к наружной стене, прикрыв голову руками. Выберите место внизу или сбоку окна, чтобы свет падал на вас как можно меньше. Лучше укрыться от света за тяжелым предметом – шкафом, диваном, столом.

4.4. Находящимся на улицах следует немедленно укрыться в зданиях, хотя бы в их подъездах, или применить другие естественные убежища, к которым относится:

- а) метрополитен – наилучшее из всех возможных убежищ;
- б) любые подвальные помещения, котельные, подземные гаражи;
- в) канализационные колодцы и тоннели любых подземных трасс;
- г) фундаменты и нижние помещения новостроек;
- д) подземные переходы и автомобильные тоннели;
- е) склады, подземные туалеты и т.д.

4.5. Находясь в общественном наземном транспорте, следует немедленно покинуть его и укрыться (см. выше).

4.6. Находясь в автомобиле, следует немедленно покинуть его и укрыться (см. выше). При нахождении автомобиля в тоннеле следует остановиться в нем. При невозможности покинуть автомобиль в уличной пробке или отсутствии поблизости укрытий следует лечь на пол между сидений и прикрыть голову руками, защитившись от излучения извне.

4.7. При невозможности укрыться в каком-либо помещении лягте на землю у здания под стеной, противоположной центру города, где будет находиться эпицентр взрыва. Постарайтесь выбрать закрытый со всех сторон двор-колодец или узкий проход между зданий.

4.8. При нахождении в парковой зоне в отдалении от возможных укрытий – определите толстое дерево, или холм, или канаву, или любую неровность местности, или памятник, и лягте ногами к нему, лицом от центра города, где будет находиться эпицентр взрыва. Это предохранит вас от теплового излучения, являющегося основным поражающим фактором.

4.9. Все входы в метрополитен по сигналу оповещения закрываются немедленно. Любые проявления паники среди населения или попытки противодействовать немедленному закрытию входов подавляются незамедлительно сотрудниками станционных пикетов милиции соответствующими средствами вплоть до применения оружия на поражение. Вместе с тем:

а) все эскалаторы переключаются на спуск; после схода всех граждан на платформы станций все эскалаторы останавливаются;

б) персонал станций переключает энергопитание всего оборудования на аварийное в экономическом режиме;

в) поезда со станций не отправляются; поезда, находящиеся в тоннелях на перегонах, продолжают движение до ближайшей станции и остаются на ней или в пределах возможной близости;

г) поезда, оказавшиеся в перегонах на открытом пространстве, должны достичь входов в тоннели и по возможности углубиться в них.

§5. В ясную безоблачную погоду в светлое время суток приближение снижающейся боеголовки может быть определено по белому инверсионному следу, подобному следу от самолета на большей высоте, дугообразно снижающемуся из верхних слоев атмосферы в направлении центра Москвы с большой скоростью. Помните: звук подлетающей и снижающейся боеголовки не будет слышен вследствие ее сверхзвуковой скорости.

§6. При точности современных средств наведения эпицентр взрыва расположится в пределах Бульварного кольца, ориентируясь на район Кремль-Лубянка-Арбат.

§ 7. В Москве следует ожидать наземного взрыва. Это несколько уменьшает радиус общего поражения по сравнению с надземным взрывом, но увеличивает силу сейсмической волны, что ведет к грунтовым подвижкам типа тектонических возмущений характера сходного с землетрясением большой мощности в верхних слоях, приводя к раздавливанию и разрушению даже значительно заглубленных убежищ повышенной степени прочности в радиусе десяти-пятнадцати километров.

§8. *Тепловой поражающий фактор.*

8.1. В эпицентре взрыва возникает световая вспышка, по яркости многократно превосходящая наблюдаемый солнечный свет. В течение 0,03-0,04 сек. вспышка оформляется в ослепительную светящуюся сферу 1,5-2 км в диаметре, с температурой 10-20 млн °С. Она покрывает центр города в радиусе Бульварное Кольцо – Кремль – Полянка, причем все, входящее в это пространство, мгновенно перестает существовать, переходя в плазменное состояние.

8.2. В радиусе 3-4 км мгновенно испаряются и испепеляются все объекты органического происхождения,

непосредственно открытые прямому тепловому излучению взрыва (неукрытые люди, животные, растения, деревянные части строений, обращенные в сторону взрыва). Плавятся, испаряются, мгновенно сгорают асфальтовые дорожные покрытия, металлические ограды, кровли и части конструкций зданий, бетонные и кирпичные стены, в т. ч. с каменной и керамической облицовкой, как открытые прямому тепловому излучению взрыва, так и укрытые на глубину до нескольких метров. Все вещества, как органические укрытые, так и неорганические термостойкие, в радиусе Садового Кольца непосредственно вслед за моментом взрыва сгорают в течение нескольких секунд с температурой в десятки тысяч градусов.

8.3. В радиусе 20-25 км вспыхивают все обращенные в сторону взрыва и доступные прямому тепловому излучению деревянные, пластиковые, окрашенные поверхности, растения, прогорают металлические крыши, оплавляются бетон, кирпич, стекло, металл, камень; сгорают оконные рамы, испаряются стекла, плавятся провода, загорается асфальт. Зона активного

пожара мгновенно охватывает город в пределах внутри МКАД. За пределами МКАД возникает кольцевой лесной пожар. Возгораются полностью застроенные массивы и лесопарковые зоны. Водоемы Москва-реки и Яузы испаряются, вскипает верхний слой Химкинского водохранилища.

Помните: прямое лучевое тепловое воздействие продолжается от долей секунды до нескольких секунд и даже до нескольких десятков секунд в зависимости от мощности взрыва и распространяется только по прямой, т. е. любое препятствие между вами и взрывом, в тени которого вы окажетесь, может сохранить вам жизнь в ситуации достаточного удаления от эпицентра взрыва.

§9. Поражающий фактор ударной волны.

9.1. Действие ударной воздушной волны начинается непосредственно в момент взрыва и следует вслед за тепловым излучением, однако отставая от его мгновенного воздействия по мере удаления от эпицентра взрыва чем дальше, тем на больший промежуток времени. Во второй зоне поражения скорость воздушной ударной волны достигает 1-5 тыс м/сек, т.е. все в этой зоне, причем уже подвергшееся тепловому воздействию, сносится мощнейшим взрывом по направлению от эпицентра к периферии, превращаясь в выровненную поверхность измельченных обломков, горящих с высокими температурами (т.н. «сдувание ландшафта»). Измельченные горящие обломки веществ, находившиеся между радиусами Бульварного и Садового Кольца, выбрасываются ударной волной по расширяющейся концентрической окружности в зону три.

9.2. В третьей зоне, т. е. в пределах Москвы внутри МКАД, скорость ударной волны несколько снижается, особенно у самой поверхности, однако продолжает оставаться выше сверхзвуковой, т.е. до 300-500 м/сек на границе МКАД, что обуславливает мгновенное разрушение всех наземных строений, как высотных, так и малоэтажных. Раскаленные и горящие части поверхностей, обращенных к эпицентру, перемешиваясь при сносе с прочими материалами, дают т.н. «огненный ковер» с температурой, обеспечивающей горение металлов и плавление керамик. В процессе прохождения ударной волны отдельные части и детали движутся в воздухе со скоростями порядка артиллерийских снарядов, усугубляя процесс разрушения всего, что возвышается над поверхностью. Все насаждения вырываются, вода из всех водоемов «выдавливается».

9.3. Ближайшие за МКАД леса, населенные пункты и аэропорты также подвергаются полному или преимущественному уничтожению, частичному или полному разрушению и сгоранию.

9.4. Внутри всей пораженной зоны возникает область резко пониженного атмосферного давления вследствие как выгорания в воздухе кислорода, так и концентрического «раздвигания» воздушных масс. Вследствие этого вскоре после прохода ударной волны возникает «обратная ударная волна», направленная к эпицентру. Она характеризуется значительно меньшей скоростью, соизмеримой со скоростью обычного урагана, но приносит на всю площадь загорания массы свежего кислорода, что создает эффект «кузнечных мехов», создавая т. н. «огненный шторм» на всей площади поражения. Зона в пределах МКАД уподобляется разровненной поверхности раскаленных углей в топке.

§10. Сейсмическое воздействие наземного взрыва вызывает «эффект землетрясения» с уплотнением и сдвиганием поверхностных слоев. Все подземные сооружения метрополитена в

пределах Кольцевой линии и ближайших за ней станций разрушаются и заваливаются полностью. Все бомбоубежища в пределах Садового Кольца разрушаются полностью. Все подвальные помещения в черте МКАД разрушаются полностью. Все канализационные и вентиляционные подземные сооружения в пространстве «Проспект Мира», «Зоопарк», «Серпуховская», «Площадь Ильича» раздавливаются, разрушаются и заваливаются. Все входы и выходы из метро, вентиляционные шахты, запасные и служебные выходы заваливаются, или раздавливаются, или полностью блокируются слоем раскаленной массы на поверхности.

§11. Внешняя картина взрыва выглядит обычно и характерно для термоядерного взрыва большой мощности. Белая плазменная сфера, накрывающая, подобно двухкилометровому колпаку, центр Москвы и превышающая вчетверо по высоте Останкинскую телебашню, через несколько секунд начинает тускнеть, задерживаться багровой дымной пеленой и отделяется от поверхности, «всплывая» вверх. Горящий город «ложится» во все стороны, как круг домино, покрывается клубящимся дымом, и потоки дыма и огня устремляются от периферии круга МКАД к поднимающейся сфере, образуя характерную «ножку гриба», которая расширяется внизу до пределов зоны поражения, сужаясь вверху к сфере, которая окутывается облаком «шляпки гриба». Клубящийся дым у подножия гриба достигает километровой высоты, диаметр «ножки» сужается до восьмисот-тысячи метров под «шляпкой». «Гриб» продолжает подниматься, и, хотя подъем выглядит медленно вследствие его гигантских размеров, через три-пять минут высота его достигает 25-35 км. При взрыве большой мощности эта картина может стоять до нескольких часов.

§12. Сам пожар, не дающий возможности начать какие бы то ни было спасательные работы, может продолжаться, с учетом пораженной площади мегаполиса Москвы, до нескольких суток.

§ 13. Высокий радиационный фон не позволит начинать какие бы то ни было спасательные работы в мегаполисе ранее, чем через 15-20 суток, за исключением спецопераций особой важности. Проведение любых спасательных операций следует считать целесообразным в зоне не ближе 5-10 км за линией МКАД.

§14. Воронка в эпицентре взрыва представляет из себя кратер диаметром порядка 2 км и глубиной в центре до 200-300 м. Его поверхность представляет из себя стекловидную массу толщиной до 10-12 м.

Вторая зона поражения представляет собой сравнительно ровную поверхность, покрытую слоем стекловидной спекшейся массы толщиной 0,3-0,9 м.

Третья зона поражения представляет собой бугристую поверхность, в значительной части покрытую стекловидной спекшейся массой толщиной от нескольких миллиметров до нескольких сантиметров.

Испытания подобных боеприпасов, проводимые как СССР, так и США и Францией, с надежностью показали, что попытки проведения любых спасательных работ в указанных радиусах не имеют реальных оснований. Поражение открытой и укрытой живой силы, техники и строений достигает 100%. Спасательные работы следует сосредоточить на отселение и оказание помощи людям, оказавшимся вне пределов зоны непосредственного поражения, за пределы 100-километровой зоны.

Мегаполис Москва следует считать потерянным безвозвратно, какое-либо использование его территории в ближайшее десятилетие абсолютно невозможно.

8. Эпидемия

«16 января. Кончились новогодние праздники и повалили больные. Еще Гиппократ сказал: „Раны у победителей заживают быстрее“, но до сих пор влияние эмоционального фактора на изменение иммунитета к инфекционным заболеваниям практически не изучено, хотя всем известно. Кто сказал „Солдаты и влюбленные не болеют“? Болеют, конечно, но меньше. В экстремальных условиях защитные силы организма мобилизуются, при положительных эмоциях также. К праздникам все норвят выздороветь, а к первому рабочему дню их разбивают хворобы. Итак – здравствуйте, господин грипп. Похоже, скоро все отделение будет забито».

«18 января. Ты смотри, а из четвертой-то палаты дала все-таки отек легких и к утру померла. И нестарая еще баба. В общем-то ей умереть не полагалось, и сердце еще хорошее, и организм не изношен. В идеальных условиях, наверное, надо было определить индивидуальную реакцию на препараты, исследовать на аллергическую симптоматику, но это в чистой теории, а на практике – кто же в условиях эпидемии обычного гриппа вникает в разные нюансы одного из поточных больных. В патанатомии ничего интересного – ослабший организм, получается, интоксикация. Городская жизнь...»

«20 января. Черт, а это уже припахивает. Еще двоих зачехлили. Один старикашка, а другой – пацан. И опять в мое дежурство, что за наказание. На пятиминутке главный волну погнал. Его понять можно – а если это атипичная пневмония? Симптоматика? – смазана! Вирус? – новый штамм! Только нам еще инспекции из Минздрава не хватало. Милое осложнение дает этот вирус. Похоже, иммунитет он прогрызает, как зверь. Лаборатория корпит, но пока ни черта не нашла».

«22 января. Похоже, мы нарвались, наконец. Еще двое у нас, и один у соседей, и трое в Седьмой, и двое в Центральной, а всего по Москве семнадцать за неделю по тем сведениям, что дал главный на пятиминутке. Но невозможно сказать, сколько случаев на самом деле – кто там будет носом особо рыть, помер больной от сердечной недостаточности, или от лекарственной аллергии, или с детства легкие слабые, или тут все дело в иммунной системе, или еще чего. Ах, какие сейчас возможности для эпидемиологического исследования – если бы была база, да деньги, да люди, да препараты... Иммунологические исследования в сочетании с генетическими, в условиях стрессов постиндустриального общества, – да здесь же нобелевка кругами ходит. Ох, надо валить в Америку, пока годы молодые, а то так и сгниешь здесь в нищете, играя в карты на антибиотики и одалживая на другом отделении склянку физраствора...»

«24 января. А вот и на телевидение информация просочилась. Эти лопухи берут ее в пресс-центре, а там прохиндей на прохиндее, знали бы они правду! Четвертая-то палата у нас уже фактически смертная. Мрут они, и хоть ты тресни! Антибиотики коктейлем в интенсивных дозах – хны. Кислород, стимуляторы, вентиляция – ну не помогает же. Страшновато становится. Не может это все не помогать! Тут вспомнишь испанку с ее двадцатью миллионами летальных... У вас новые лекарства? А у нас новые вирусы. Но вирус-то какой агрессивный, какой токсичный, просто-таки какой-то боевой штамм! Тут невольно подумаешь: а что, если ребята из Серпухова выпустили какого-то своего джинна из термостата? Доигрался чертов центр со своим биологическим оружием. Как же: чины, зарплаты, квартиры... хотя там тоже сейчас упадок. Вот задвинули в этом упадке какому-нибудь фундаменталисту пробирочку за десяток штук зеленых... а почему невозможно?»

«25 января. Клиническая картина поначалу обычной. Легкий озноб, легкая ломота, общее недомогание, возможна легкая головная боль (интоксикация пошла, иммунитет пробит). Легкое жжение в носоглотке, обычно – насморк, легкое верхнее респираторное воспаление постепенно спускается по трахее, начинается кашель с мокротой (обычно на третий день). Температура держится в пределах 37,5-37,8. А на четвертый день обычно – уже бронхит и 39.

Пятый – двусторонняя пневмония, 40, обильная вязкая мокрота разжижается с трудом. Седьмой день – кризис, и вот тут, что называется, клинический прогноз неблагоприятный. Никакие противогриппозные вакцинации не работают – что их делали, что нет. Гнать всем на первом же этапе антибиотики? Но ведь никаких врачей не хватит обслуживать каждого чихнувшего, а к нам они попадают, когда процесс уже запущен вовсю».

«26 января. Умные головы из Минздрава додумались делать поступающим поголовный тест на СПИД. Результат: действительно, вроде, нашли СПИД у двоих из полутора сотен, и теперь надо выделять им отдельные палаты, которые бери где хочешь».

«30 января. Ребята, гадам буду, дело пахнет керосином. Погоды гнилые, и эпидемия нарастает не в геометрической, а в какой-то квадратной уже прогрессии. У нас на третьем этаже пульмонологию освободили дополнительно под инфекционное, уже в коридорах лежат. По телику в ординаторской такие бодрые рапорты в новостях о борьбе с инфекцией, что не по себе становится».

«6 февраля. Наверху зачесались всерьез – небывалое дело, спустили деньги на медикаменты и аппаратуру! Напросился с главврачом ехать в Мосмедтехнику. Он сам отлично понимает, что надо с ходу осваивать всю сумму на то, что сейчас там есть, а то черт его знает, что потом с этими деньгами будет. Эпидемия раньше или позже кончится, а аппаратура-то нам останется».

«7 февраля. Как в Центральной качают ВИПов можно, в общем, предположить, методики везде одни. Дело только в средствах, а мозгов везде мало. Все в мыле и зашоре, под это дело я отлял себе право на единичное исключение: испробовать все. Весь день в реанимации вытягивал тридцатилетнего парня. Поставил на купленный мембранный оксигенатор, переливание, гемасорбция, облучение, кардиостимуляция, только что в бубен над ним не бил и новые легкие не пересаживал. Не тянет. Умер. Умер, сука!!! Руки опускаются...»

«10 февраля. Елки-палки, Андрей Ильич помер, вот так штука. Тридцать лет стажа, первая категория, на рожон не лез – а вот заразился и помер. М-да. Возраст гормонального спада и снижения иммунитета. Мы знали, конечно, что персонал тоже заражается за милую душу, но все-таки профессионализм мыслится вроде такого психологического скафандра, мол, врач – для вируса лицо неприкосновенное, типа парламентаря. А дальше?»

«11 февраля. Ходим по отделению в балахонах и респираторах, как кинобойцы чумного фронта. Аврал такой – я уж забыл, когда высыпался».

«14 февраля. Еще один этаж нам отдали. Официально летальные исходы перевалили на третью сотню по Москве. Ограничения на въезд в город, в транспорте морды в масках появились, по телику рекомендуют дома сидеть, школы на карантине. Подлая штука эта статистика. Если кто от сердечной недостаточности или рака собрался коньки отбросить, то этот гриппок его просто подталкивает: в какую графу хочешь, в ту и списывай, в общем, прогибаясь под инструкцию Минздрава. Если учесть, что только у нас уже двадцать три случая...»

«15 февраля. Закрыты театры, кино, музеи. Официально город на карантин не закрыт, но билеты на поезда и самолеты в Москву не продают, на вокзалах милицейские кордоны спрашивают московскую прописку и загоняют обратно в электрички».

«18 февраля. В Москве официально объявили чрезвычайное положение по пандемии гриппа-М (как его назвали). Пошли контейнеры с гуманитарными медикаментами от ООН. Въезд и выезд только по пропускам (и тут же объявления в газетах – „оформляем пропуска, фирма такая-то“). Прибыли группы французских и американских вирусологов».

«23 февраля. С мужским днем вас, доктор. Хе-хе. После четырехсотого покойника цифры сообщать перестали, а неофициально – счет на тысячи. У нас Галочка, сестричка со второго поста, померла. Мэр выступает, министр выступает, президент выступает – чем-то мне это напоминает детские впечатления от чернобыльской истории. Кабаки закрываться стали, с Ленинградки и Триумфальной проститутки исчезли – а вот это уже серьезные симптомы».

«24 февраля. Распоряжение – вскрытия по гриппу-М прекратить. В приемном по инфекции лежат уже на полу. Оказать помощь всем мы физически не в состоянии – мрут пачками. Половина участковых врачей выбыла. Некомплект „скорой“ – семьдесят процентов. Сегодня заболел главврач. По Мосздравовским сводкам – больно уже до десяти процентов населения. И хрен бы с ним, но кривая летальности летит вверх, как ракета, и любой насморк ввергает в панику».

«28 февраля. Со „скорой“ и с участков народ разбежался. Их тоже можно понять – боятся быть смертниками. Введена уголовная ответственность за неоказание медработниками помощи заболевшим без уважительных причин. Закон работать не будет – справку всегда купят, а в квартиру с больным, если так ответят из-за двери, никакой мент не полезет».

«1 марта. Весна и солнце. Должно пойти на убыль. Видимо, от переутомления у меня невроз: предчувствия апокалиптические».

«8 марта. Вот тебе, бабушка, и международный женский день. Юмор висельника. Ни хрена не спадает. Половина Москвы больна гриппом, вторая половина депрессией – ждет своей очереди. Умирают целыми семьями, сантранспорт по моргу вывозит квартиры. Работать там некому, мобилизуют солдат, солдаты разбегаются, их ловят. Заключение в тюрьму равносильно смертной казни – там вымерли все целиком, при их-то скучности».

«9 марта. Водители и машинисты метро ездят в противогазах и балахонах. Так же одеты продавщицы в продуктовых. Все остальное закрыто. Рынки тоже закрыты, вообще все закрыто. Телик утверждает, что работают государственные и правительственные учреждения, а вранье это или нет – кто знает. Может, все они давно смылись. В Питер, скажем».

«10 марта. Что примечательно – жесткие старинные меры все же действенны. Москва перекрыта для въезда-выезда наглухо, и вот результат: пандемия так и не разошлась, блокирована в Москве.

Это поразительно, тут есть за что ордена давать».

«11 марта. Летальность достигла семидесяти процентов. Это мор. У нас уже нет половины врачей. Долг долгом, но если честно – я не понимаю, какого черта я фактически живу в больнице, а не заперся дома. А, на хрена такая жизнь (хе-хе)».

«12 марта. И все-таки я не понимаю... Ветра, птицы, неизбежно сбегающие из Москвы люди – да хоть ползком, хоть через канализацию, хоть в акваланге по реке, хоть как – ведь наверняка покидали Москву минимум десятками. И нигде больше нет сообщений о гриппе-М. Или просто секретят? Чтоб не было паники? Или – что?»

«13 марта. Боже мой. Нереальное чувство. Не может быть. Но давно полагалось. Что-то все-таки есть в этом числе 13. Очень похоже, что я заболел. Не факт. Не факт! Похоже. Но не факт!!!»

«14 марта. Значит, так, ребята. Мне тридцать один год. Я в возрасте физического пика. Иммуитет в пике. Стабильность психики в пике. Тридцать процентов выживают. Кому же выживать, если не таким, как я. Собрать весь дух! Много жидкости и абсолютный оптимизм! Ничего, победим».

«19 марта. Ничего. Как-нибудь. Ощущение, будто надо пройти сквозь тоннель. Я выплыву. Я хороший человек. Я делал добро, как мог. Я никому не желаю смерти. Пусть живут все. Пусть живут все и будут счастливы. Дух мой крепок. Господь создал меня для великих дел, и я еще не выполнил предназначение. Храбро, спокойно и уверенно. Много жидкости, мочегонное и потоотделяющее, легкий самомассаж, меняем антибиотики в ударных дозах – нет, я явно прохожу. Господи, твоей волей я прохожу. Я сделаю абсолютно все, что могу, абсолютно все, и тогда Ты не оставишь меня своей милостью».

«27 марта. Какое это счастье, главное, великое счастье – жить. Каждый, кто жив – уже счастлив, и надо благодарить Господа, что ты вообще есть на свете».

«28 марта. Какое счастье – лежать в чистой постели, пить чай и смотреть чушь по телевизору».

«29 марта. В больнице я бы точно сдох. Дома, одному, в родных стенах, вобравших и отражающих твою жизненную энергию – можно выживать. Вода из крана идет, печеньем и крупами я запасаю, газ горит, наконец-то отосплюсь».

«2 апреля. Полдня просидел на телефоне. Страшно выходить из дому. Страшно открывать форточку. Вымерло пол-Москвы. Некому убирать трупы и некому хоронить – разбегаются из-под автоматов. Магазины и склады разграблены. Санитарные и похоронные команды работают за продуктовый паек, чтобы не умереть с голоду, и все равно бегут. Трупы возят самосвалами. Лежат на тротуарах. Прохожих почти нет. Ходят только в масках или противогазах, но в основном – ездят редкие машины. Надо отдать должное властям – электричество, водопровод, все работает. Пока. Скоро пойдет весеннее тепло – и жди таких инфекций от падали, что не знаю, что дальше».

«7 апреля. В больницу возвращаться боюсь. Боюсь! Хотя знаю, что у меня теперь к гриппу-М иммунитет, я выжил, но что-то в психике повредилось, какой-то запас неуязвимости я истратил и больше не могу. Честное слово. Они мне иногда звонят и, кажется, все понимают. Святые, святые люди! Наших там хорошо если треть выжила, боже мой...»

«22 апреля. Совершенно окреп. Помыл свой балахон, бахилы, противогаз. У метро опять возникли стихийные рыночки – людям жить надо. Купил консервы, гречку и батарейки для приемника: телик гонит туфту, в которой ноль информации. Опять „вражеские голоса“ вещают. Москва заблокирована. Но возрождается. Выжила, действительно, половина. Все власти, вроде, здесь. А все-таки молодцы, если не врут. Запад ждет конца эпидемии, чтобы обвалить на нас свою помощь, а то сами заразятся, если раньше. Но что потрясающе: сверхжесткие меры сработали – за пределами Москвы подошедших нет!»

«1 июня. В больнице открыли все окна, сами скребем, красим, моем. Ну и мор мы пережили, ребята, ну и ужас, ну и войну! В городе все открыто, цены упали страшно, сейчас начинают тихо ползти вверх. А квартиры как подешевели! Приезжие прут, работы в Москве полно, рабочих рук не хватает, короче – бум. Врачам повысили ставки. Летом работать вообще легче. И все-таки, я думаю, надо уходить в науку».

«4 августа. Прошли мои документы! Оформляем соискательство! Докторскую необходимо сделать всяко до сорока».

«7 августа. А больная-то из четвертой палаты все-таки померла от диареи, а. Нетипично, здоровая баба, ну, дизентерия, бывает».

«10 августа. Ребята, мне худо. Еще двое зачехлились в четвертой. Это не просто дизентерия, клянусь Богом».

«12 августа. Все по тому же сценарию. Эту разновидность как бы мутировавшей дизентерийной палочки ученые умы решили считать разновидностью кишечного гриппа – он, значит, первичен и прогрызает иммунитет, а она, значит, вторична и доканывает клиента как осложнение. Мы это уже проходили. Драпануть, пока не поздно, или?..»

«13 августа. Мое любимое число. Москва закрыта. Эпидемия пошла».

«14 августа. Бахилы, балахоны, маски. Кажется, начинается паника. От первого поноса до смерти – двое суток. Я бы все-таки сбросил нейтронную бомбу на Серпуховский центр».

«16 августа. Все по тому же сценарию. Это конец!»

«29 августа. Летальность под сто процентов. Так не бывает, но у нас любую сказку могут сделать былью. Предпочтительно страшную».

«14 сентября. Вся больница в поносе. Убирать уже некому. Трупы вдоль стен. В телевизоре уже несколько раз сменились дикторы. Властей не видно и не слышно. Сбежали или сдохли?..»

«15 сентября. Полсуток не было электричества. В сущности, дальше все понятно. Домрет вторая половина. Работаю не столько из чувства долга, сколько от безысходности и чтобы чем-то себя занять, пока помогаешь кому-то – меньше думаешь о плохом».

«18 сентября. Сегодня ночью Гена позвонил попрощаться. Вот так и не увиделись. А утром, уже перед работой, звонила прощаться Тамара. Боже мой».

«21 сентября. Испражняются прямо на улицах кровью и тут же падают. Ничего более ужасного и одновременно гадкого нельзя себе представить. Вымершие улицы, зеленые лица, дерьмо и кровь».

«26 сентября. Все гаснет, все отключается, все кончается. Остался сегодня дома: кипячу запасы воды, надо ждать отключения водопровода. Успел у метро купить свечи, консервы и вермишель».

«29 сентября. Согласно моему приемничку, Москва вымирает поголовно, а мир в панике полной – но не вымирает! Ну?!»

«30 сентября. СПИДа они не нашли, но дело, конечно, не в дизентерии, и не в пневмонии, и не в гриппе. Не эти были бы инфекции, так другие. Дело, конечно, в иммунитете, это и пьяному ежу понятно. А вот как он завязан на Москву – это уже вопрос. Видимо, выходит этот вопрос за рамки просто медицины. Когда выспишься и работать не надо, и жить осталось несколько дней или недель – тут невольно настроишься на философский лад, понимаешь. Я смотрю в окно со своего семнадцатого этажа – и такое ощущение, что все уже умерли. И машины не ездят, и трубы не дымят, и все равно какой-то ядовитый желто-зеленоватый смог в воздухе, миазмы какие-то. Словно любому месту на поверхности Земли выделен определенный ресурс на его использование людьми: сколько там миллионов людей сколько веков может жить, сколько всего рыть и возводить, сколько работать и так далее. После чего место делается непригодным для обитания, будто высосали его, выморочным оно становится. Рези у меня начались, засадил я припасенную на этот случай бутылочку водочки, натошак оно взялось крепко, и такое впечатление, что по мертвому городу в ядовито-желтом смоге мелькают призрачные силуэты, тщась продолжить призрачную жизнь...»

9. Собачья площадка

первый угол

- Собачья жизнь.
- Собачьи условия.
- Собачья погода.
- Собачья работа.
- Собачье отношение.
- Собачье настроение.
- Собачьи подачки.
- Собачья перспектива.
- Собачья усталость.
- Собачий бред.
- Собачий холод.
- Собачья радость.
- Собачья верность.
- Собачья любовь.
- Собачья натура.
- Собачий восторг.

- Собачье время.
- Собачья ночь.
- Собачий рынок.
- Собачья свадьба.
- Собачье счастье.
- Собачий голод.
- Собачья свалка.
- Собачий кусок.
- Собачье место.
- Собачья злоба.
- Собачья душа.
- Собачья даль.
- Собачий оскал.
- Собачья давка.
- Собачьи нравы.
- Собачья благодарность.

второй угол

- Собачья дружба.
- Собачья привязанность.
- Собачья назойливость.
- Собачье хамство.
- Собачья нищета.
- Собачья конура.
- Собачьи медали.
- Собачий нюх.
- Собачье гавканье.
- Собачий скулеж.
- Собачий хвост.
- Собачьи зубы.
- Собачьи порядки.
- Собачья грязь.
- Собачье дерьмо.
- Собачья лапа.
- Собачья шерсть.
- Собачье вымя.
- Собачья похлебка.
- Собачьи обрезки.
- Собачья колбаса.
- Собачья кость.
- Собачьи глаза.
- Собачья морда.
- Собачья шкура.
- Собачья доха.
- Собачьи унты.
- Собачий свитер.
- Собачье носки.
- Собачий запах.

- Собачий вид.
- Собачий слух.
- Собачья селекция.
- Собачьи надежды.
- Собачьи нежности.
- Собачья пенсия.
- Собачья свора.
- Собачья свара.

третий угол

- Собачий угол.
- Собачья подстилка.
- Собачье жилье.
- Собачий район.
- Собачья посуда.
- Собачьи варежки.
- Собачьи игрушки.
- Собачьи товары.
- Собачьи воры.
- Собачьи жулики.
- Собачьи толпы.
- Собачий маршрут.
- Собачья прогулка.
- Собачьи улицы.
- Собачье движение.
- Собачьи ограничения.
- Собачий поводок.
- Собачий ошейник.
- Собачий шампунь.
- Собачья щетка.
- Собачья чумка.
- Собачьи лекарства.
- Собачья медицина.
- Собачьи больницы.
- Собачья помощь.
- Собачья смерть.
- Собачьи кладбища.
- Собачьи приюты.
- Собачьи гостиницы.
- Собачьи швейцары.
- Собачьи продавщицы.
- Собачьи парикмахеры.
- Собачьи охранники.
- Собачьи милиционеры.
- Собачьи шлюхи.
- Собачьи сутенеры.
- Собачьи бандиты.
- Собачьи бомжи.

- Собачьи олигархи.
- Собачьи журналисты.
- Собачьи депутаты.
- Собачьи коммунисты.
- Собачьи министры.
- Собачьи банкиры.
- Собачьи генералы.
- Собачьи пролетарии.
- Собачий отдых.
- Собачьи бизнесмены.
- Собачьи президенты.
- Собачьи паразиты.
- Собачьи учителя.
- Собачьи подпевалы.
- Собачьи приспособленцы.
- Собачьи демократы.
- Собачьи хлопоты.
- Собачьи власти.
- Собачьи законы.

четвертый угол

- Собачий блеск.
- Собачий позор.
- Собачье унижение.
- Собачья зависимость.
- Собачье раболепие.
- Собачья покладистость.
- Собачья трусость.
- Собачьи цены.
- Собачьи поборы.
- Собачья ложь.
- Собачья наглость.
- Собачья обираловка.
- Собачьи налоги.
- Собачьи зарплаты.
- Собачьи тюрьмы.
- Собачья таможня.
- Собачьи газеты.
- Собачье телевидение.
- Собачье радио.
- Собачьи журналы.
- Собачья вонь.
- Собачьи машины.
- Собачьи инструкции.
- Собачьи правила.
- Собачьи сроки.
- Собачьи аферы.
- Собачья порука.

- Собачья безнаказанность.
- Собачья коррупция.
- Собачья бездушность.
- Собачья жестокость.
- Собачьи террористы.
- Собачьи сепаратисты.
- Собачьи эмигранты.
- Собачьи попрошайки.
- Собачьи проходимцы.
- Собачьи уроды.
- Собачьи казино.
- Собачьи рестораны.
- Собачьи премии.
- Собачьи ордена.
- Собачья культура.
- Собачья цивилизация.
- Собачье общество.
- Собачья наука.
- Собачья культура.
- Собачье искусство.
- Собачий электорат.

пятый угол

- Собачья.....мать!
- Собачья..... бабушка!
- Собачий.....отец!
- Собачий.....дедушка!
- Собачьидети!
- Собачьи внуки!
- Собачьи братья и сестры!
- Собачья.....ваша тетя!
- Собачий ваш дядя!
- Собачий генеральный секретарь!
- Собачий президент!
- Собачье..... безденежье!
- Собачье здоровье!
- Собачий..... флаг!
- Собачий гимн!
- Собачьи парады!
- Собачьи проблемы!
- Собачье возрождение!
- Собачьетолько!
- Собачье везде!
- Собачьевсе!
- Собачье.....вашу мать.....можете!
- Собачий.....ород.....дец!

10. PAX AMERICANA

Тему нашей докторской диссертации допустимо было бы в стиле старых академических традиций сформулировать так: «Внедрение английского языка в Москву – пример объективных геополитических процессов столь же поучительный, сколь показательный».

Прежде чем описать исследуемый предмет с тем, чтобы далее перейти от анализа процесса к синтезу, принято и представляется здесь вполне уместным предпослать основной части краткий исторический экскурс.

За временными рамками нашей предыстории естественным образом остается влияние на старославянский язык незначительных вкраплений старонорвежских и шведских диалектов старогерманского, что по времени соответствует началу русской государственности, согласно господствующей норманской теории. Как церковнославянский, язык официальной культуры, так и тюркский, проникший три века спустя язык татаро-монгольского нашествия, оказали бесспорное и достаточно исследованное влияние на собственно славянский. В результате процесса формирования к XVII веку сложился язык собственно великорусский, центром которого, как обычно в истории, стал из многих родственных и одноязычных диалектов говор столичного города, т.е. Москвы, центра Российского государства.

Первая лингвистическая интервенция, искусственность и чужеродность коей явны, произошла в правление Петра I (1689-1725), когда голландская морская терминология утвердилась во флотском деле, а немецкая армейская – в деле военном. Ярый германofil, Петр активно реформировал все сферы российской жизни, в том числе культурную: русская грамматика была сочтена архаичной и «неевропейской» и по государеву указу «модернизирована» на немецкий манер; множество же немецких слов и оборотов «получили прописку» в России, причем одновременно с их носителями. Фактически и волюнтаристски немецкий язык получил статус придворного и светского, близкого ко второму государственному.

Этот процесс германизации обострился и достиг апогея в краткий, но насыщенный и даже бурный период царствования Петра III Федоровича (1761-1762). (Этот император, урожденный принц Карл Петр Ульрих, сын герцога голштейн-готторпского Карла Фридриха и Анны Петровны, был немец-полукровка. Если же принять версию, что его бабка Екатерина I, в девичестве Марта Скавронская, была сама наполовину немка, доля русской крови в Петре III уменьшится до 1/4 против 3/4 немецкой.) Безудержная германофилия Петра III вопиюще противоречила российским государственным интересам и превысила меру терпения придворных, германизируемых от языка до походки. Он был убит в результате заговора, организованного собственной супругой (урожденной принцессой Софьей Фредерикой Августой Ангельт-Цербстской, чистокровной немкой).

Царствуя (1762-1796) под именем Екатерины II, она не могла противиться внутренней склонности ко всему европейскому. Но политический расчет диктовал дистанцироваться от своего германского происхождения. Тем более что в Семилетней войне врагом России выступала Пруссия. Союзницей же России выступала Франция. Влияние Франции подкреплялось общеевропейской модой на французских просветителей-энциклопедистов. В итоге Екатерина вступила в имиджмейкерских целях в переписку с Вольтером, способствуя распространению в России французского языка. Одна из национальных особенностей России всегда состояла в том, что увлечение государя автоматически превращалось в образ жизни подчиненных – будь то игра в теннис, разведение кукурузы или изучение иностранного языка: вплоть до ношения часов на правой руке вместо левой. Филологическое хобби Екатерины истолковывалось верноподданными как лобби, продолжение интернациональной политики открытости Петра I – и одновременно лишало русских дворян, с младенчества ставших предпочитать французский русскому, возможности замечать немецкий акцент государыни и языковые ляпсусы.

Со времен Петра I говорить в России на иностранном языке стало престижно, на верхних этажах власти – даже необходимо. После убийства Павла I (1796-1801) говорить при дворе по-немецки было политическим самоубийством – слишком непопулярен был германофил Павел (3/4 или даже 7/8 немецкой крови). А французские аристократы и специалисты, спасаясь от террора 1793 года, хлынули в Россию потоком, упрочая позиции своего языка.

И можно видеть, что даже Отечественная война 1812 года не поколебала позиций французского языка. Офицеры-дворяне сражались против оккупантов – неукоснительно изъясняясь между собой на языке оккупантов, и щеголяли произношением. Таковы причуды истории и голос подсознания, повелевавший императорам как отмежевываться от своего происхождения – так и тянуться к Западу как «более культурной» прародине.

Заметим, что, традиционно женись на немках, русские императоры довели долю русской крови в последнем из них – Николае II – до 1/64, если не 1/128. Фактически большевики в Ипатьевском доме расстреливали в 18 году немцев – что, разумеется, их (большевиков) несколько не оправдывает.

Французский язык был стремительно искоренен в России после 1917 года как атрибут класса-паразита, стираемого с лица земли. Однако надобность в языке международного общения, естественно, сохранялась. С кем же общались новые власти?

«Кто платит – тот заказывает музыку». Обучение забытому было немецкому языку проплатил Германский Генеральный штаб. Эта языковая интервенция была весьма дорогостоящим мероприятием: профинансировать пришлось всю деятельность партии РСДРП/б-ВКП/б по проведению октябрьского переворота и смене власти в стране. Схема была проста и вполне безотказна. По Брестскому миру Германия получила репарации с России, возместив свои затраты. Большевики получили власть над разоренной страной. Вынужденные отказаться от внешних долгов, они как следствие оказались в мировой экономической изоляции. А неизбежно проигравшая I Мировую войну Германия предложила Р.С.Ф.С.Р. свои научно-технические услуги в обмен на сырьевую базу плюс тайный военно-политический союз. В этой ситуации немецкий язык в Советской России стал средством экономического, политического и военного подъема страны. Немцев требовалось понимать.

Новая аристократия – руководители и инженеры – для поездок за границу и чтения технической документации срочно овладевали немецким. Немецкий стал основным и едва ли не единственным иностранным языком школьного обучения. Говоря по-немецки, человек как бы приобщался к верхним слоям общества – к тем, кто повидал Европу, носил заграничную одежду и занимал престижные должности.

Великая Отечественная война (1941-1945) надломила эту тенденцию. С одной стороны, срочно обучались массы переводчиков с немецкого для нужд фронта и разведки. С другой стороны, культивируемая до небывалых размеров антинемецкая идеология отвратила национальное самосознание от всего немецкого на много десятилетий. Немецкий стал прежде всего языком закоренелого врага, архетип которого сложился сугубо отрицательным. Чего ж учить язык негодяев, которых мы ценой больших жертв разбили в прах?!

Латентным периодом англоязычной интервенции в СССР являлось семилетие от фултонской речи Черчилля (1946) до смерти Генерального Секретаря товарища Сталина (5.3.1953). Намеченные Черчиллем антисоветские предприятия легко парировались «железным занавесом» – но скрытая работа уже шла.

Отметим, что уже с 1942 года в СССР массово пели «песни союзников» – англичан и американцев; пока по-русски, как бы в переводе. Характерно, что большинство этих песен – «На эсминце капитан Боб Кеннеди», «Был взбудоражен очень воздушный наш народ» и др. – являлись подделками-«самостроками», написанными по социальному заказу советскими композиторами и поэтами-песенниками в алма-атинской и ташкентской эвакуации. (Невольно обращают на себя внимание фамилии этих «творцов», но влияние мирового сионизма на линг-

вистическую и шире – вообще культурную – колонизацию России выходит за рамки настоящего исследования.) Наивно доверившись лозунгу дружбы с союзниками – русские запели с чужого голоса.

Холодное лето 53 года было рубежным. Умер вождь, ослабла дисциплина. Кампания по борьбе с низкопоклонством перед Западом сбавляла обороты. В окруженной врагами стране образовался за предшествовавшие годы культурный вакуум, народ жил бедно и радовался любому развлечению – и вот сквозь дырочки в «железном занавесе» потянуло чуждым влиянием.

Кроме того, в августе 53 впервые в СССР сложилась внешне безобидная, но подспудно чреватая многими бедами ситуация. Возник конкурс в вузы – не все выпускники школ-десятилеток, пожелавшие стать студентами, поступили! (До этого достаточно было при наличии школьного аттестата сдать вступительные экзамены хоть на тройки, а тут народ стал жить лучше и многие захотели дать детям образование.) Абитуриенты-неудачники почувствовали себя обиженными и обойденными: в этой прослойке городской молодежи возник стихийный социальный протест – пока на подсознательном уровне.

Латентный период характеризовался проникновением английского через ВПК. Одновременно в сознании укоренялась мысль, что американская техника лучше отечественной. В погоне за ускорением и удешевлением производства мы ее копировали. Джип ГАЗ-67 был советской копией «виллиса», трехосный армейский грузовик ЗИС-151 – копией ленд-лизовского «студебеккера». Стратегический бомбардировщик Ту-4 – копией («кирпичом», на сленге авиаконструкторов) «летающей сверхкрепости» Б-29. Истребитель МиГ-15 (разработка модели Хейнкеля) летал на двигателях «роллс-ройс» в советском копировании. Английский стал языком стратегической важности – надо владеть документацией. Его ввели в школах, потеснив захиревший без применения немецкий. Создали Институт военных переводчиков! Расширили отделения английской филологии в университетах.

А в затертых ленд-лизовских кинолентах без устали играл джаз Глена Миллера!

С 1958 года музыкальные записи хлынули из-за рубежа рекой. Осмелевшие дипломаты везли пластинки «короля рок-н-ролла» Элвиса Пресли. Саксофон Армстронга дудел из московских окон (труба – прим. ред.). Интервенция началась открыто!

Везли на продажу пластинки и ширпотреб западные туристы, полезшие через приоткрытые границы. Широкие пиджаки, узкие брюки, пестрые галстуки, бутылки виски – все было снабжено этикетками, требующими знания английского! А журнал «Плэйбой» уже напрямую апеллировал к базовому инстинкту – сексуальному – для изучения все того же английского в американском варианте.

Но все это были даже не цветочки – завязь! Этот период закончился в 1956 году – и с XX Съездом КПСС начался второй – так называемая «хрущевская оттепель». И сосульки долбанули с крыш по слабым головушкам, выражаясь метафорически.

«Мыкыта», с трудом могший сказать «гуд бай», сделал для английского языка в СССР больше, чем все бостонские университеты вместе взятые. Он дал отмашку тигру!

«Держись, корова из штата Айова!» – вызвали американских фермеров на соревнование колхозники и стали повсеместно изучать американскую кукурузу – якобы продуктивную. (Излишне говорить, что провокационное соревнование наша корова проиграла.)

Мы далеки от вульгарной поговорки «рыба гниет с головы». Но огромная дипломатическая и торговая миссия СССР паслась в США, и отнюдь не на кукурузных полях. Попасть на берег Потомака или Ист-ривер стало мечтой карьериста. Сама собой в Москве открылась английская спецшкола № 129, где учились дети московской элиты. Верхом шика стало владение языком страны, где периодически жировал топ-класс.

Создали издательство «Прогресс», которое переводило лучшие советские книги на английский. В тандеме с ним издательство «Иностранная литература» гнало мутный вал аме-

риканской литературы на русском: Элтон Синклер и Синклер Льюис, алкоголик Фолкнер и хулиган Хемингуэй, слезливая Бичер-Стоу и глумливый О. Генри, мистик Вашингтон Ирвинг и милитарист Ирвинг Шоу. Самым издаваемым писателем в стране стал нищееанец Джек Лондон – 67 миллионов экземпляров!

Затеяли коммунистическую газету «Daily World», которая никого не научила коммунизму – но поколения студентов в обязательном порядке учили по ней английский!

Лысому Хрущеву польстила лысина супермена Юла Бринера – и на экраны вышла «Великолепная семерка». Буденновец с шашкой как архетип героя сменился в сознании ковбоем с кольцом. Угадайте с трех раз – на каком языке говорил этот «корово-мальчик»?!

На этом 2 этапе (1956-1964) английский язык получил постоянный вид на жительство в СССР. Целенаправленно вещали радиостанции «Голос Америки», «Свобода» и «Би-Би-Си», на деньги англо-американских спецслужб дирижуя маршем пятых колонн. «Стиляги» носили американский ширпотреб, а «фарцовщики» снабжали их записями американской музыки. Элла Фитцджеральд стала звездой московских квартир. Ван Клиберна получил первую премию – где?! – на конкурсе Чайковского в Москве!

Даже афроамериканцы Поль Робсон и Гарри Беллафонте пели на английском: прогрессивное содержание их песен было непонятно народу, но антинародная языковая форма проникала во все поры.

И третий этап (1964-1968) характеризуется безудержной уже экспансией. Все факторы работали против нас. Технический – народ получил дешевые массовые магнитофоны «Нота», «Аидас» и «Днепр». Они стоили месячную зарплату и внедрялись повсеместно. Одна контрабандная пластинка порождала эпидемию чуждых звуков. «Битлз» стали популярнейшей в СССР группой. Материальный: дешевые гитары покупались поголовно всеми подростками, и гнусавое английское мяуканье изображало в русских провинциях «Роллинг стоунз» и «Лед Зеппелин». Фактор культурный: своя подцензурная культура не удовлетворяла неконформистски как всегда, настроенную молодежь. Фактор психологический: из чувства протеста тоталитаризируемые граждане хотели петь то, что им запрещали, носить то, чего им не шили, пить то, чего не наливали и говорить на языке, которого власти официально не одобряли.

Американские джинсы, сигареты и жвачка были теми данайскими дарами, которые взорвали в конце концов изнутри осажденную крепость, развесившую уши и растопырившую карманы.

Четвертый период (1968-1986) – это когда наверху спохватились крутить гайки обратно, ан поздно. Вражеские радиостанции глушили – а их все равно слушали. А раз глушат – так еще больше верили американской пропаганде! Рок запрещали – так вся молодежь ломилась на подпольные концерты. Джинсы не ввозили – так наладили втихаря выпуск самодельных. А запрещенные западные книги просто перепечатывали от руки.

И над всем родным издевались! Политбюро им старенькое, польты плохо пошиты, коммунальные квартиры тесны, а сокровищницу советского искусства – Лениниану – опошлили до анекдотов. Уже им только подавай «саунд-треки» из «Крестного отца» и «Лав стори».

Музыканты и балерины стали всеми правдами и неправдами сбегать в Америку. Дочь самого Сталина сбежала следом! Опора государства – КГБ в лице своих генералов – и те стали драпать!

Вот и язык тоже. «Ракета», «мотор», «ковбой», «джинсы», «степ», «комбайн», «трамвай», «автобус», «троллейбус», «танк», «трактор», «трал», «мотоцикл», «нипель», «нокаут» – укоренились в русском языке, некогда великом и могучем. Все толще делался «Словарь иностранных слов» – и все менее иностранными они воспринимались.

Короче, американизм стал нормой жизни, которая всех уже достала. Жизнь была, пардон, ни вздохнуть ни пернуть. Им – «патриотизм», они – «выкуси»! Призывники так и говорили: «А чего с Америкой воевать? У них джинсы, рок, изобилие, свобода, проституция, нар-

котики, все продается – во жизнь!» То есть четвертый этап характеризовался как усилением внешнего давления в плане культурном, духовном – так и ослаблением социально-психологического иммунитета масс на фоне нарастающей политической оппозиционности режиму и недовольства материальными трудностями и социальными ограничениями.

Пятый этап (1986-1991) – плотина рухнула. Перестройка.

В страну хлынули персональные компьютеры. А все обеспечение на английском! Учи.

Стал свободным выезд за границу. А на каком языке там объясняться?! Везде английский. Учи.

Валом ввалился дешевый халтурный импорт. А все надписи – опять на английском! Учи!

Интуристы к нам поперли. А им сувениры втюхать надо! С них в отеле бабки снять надо!

В кабаке обсчитать, в тачке покрутить! Английский – учи!

Бизнесмены, мать их, совместные предприятия делать стали. А та-то сторона русского не сечет! Английский – учи! Накупили факсов, пооткрывали курсов, наиздавали самоучителей, и плодящиеся быстрее крольчих секретарши защебетали, сучки, опять по-английски!

Турист баксами богат! Наш беден! Так что? Экететки по-английски, меню, ценники, таблички – все в расчете на прибыль побольше.

А наверху? А наверху? «Парламент», «президент», «спикер», «мэр», «консенсус», «референдум»!

Господа! Товарищи! Оппоненты! Позволю себе напомнить, что язык – это главная опознавательная система «свой – чужой». По принадлежности к языку мы идентифицируем себя в первую очередь: кто мы такие, с кем мы, мастера культуры.

Надо же понимать! Англоамериканский язык гораздо агрессивнее русского – в нем в 2,2 раза больше жестких ударений на единицу объема текста: наш журчит, как полноводная река, а ихний стучит, как автоматическая винтовка в мозги. У него многовековой опыт экспансии: Индия, Африка, Австралия, Канада, Новая Зеландия. Это язык опутавших мир глобалистов, так конечно он более развит, что в нем в 3 раза больший лексический запас, чем в нашем. У него на всех материках огромный материальный базис и военно-стратегический потенциал, а еще плюс контроль над мировой нефтью арабов и лицемерные подачки голодающим. И он захватывает позиции.

В этом свете становится ясно, под чью музыку станцевали маленькие лебеди чайковское озеро агонии ГКЧП. И август 91 обозначил последний, пятый, этап. Как пророчествовал поэт: постройки крепкие падут, святыни рухнут, и уроды повяжут руки нам у входа, и вырвут грешный мой язык, и челн под сердце вам задвинут, свободу вашу отберут и изобилие дадут, и это будет вери гуд!

Сначала миллионы бутылок «Coca-Cola» посыпались на нас, как «коктейль Молотова» на растерявшуюся танковую колонну. Реклама «Coca-Cola» цвета крови закрепилась на верхушках центральных зданий Москвы. Ковбои из «Marlboro» прискакали на все фасады. Небритые «tough guys» в бутсах «Camel» притопали следом, дымя сигаретами «Camel». Спеша подкормить эту ораву, катерпиллером пригреб свои булочки-котлетки «McDonald's» и завалил весь центр. «Pizza-Hut» уже втискивалась в щели. «Beer» и «Pepsi-Cola» совали вам в глаза и в рот.

Глянцевый «Cosmopolitan» рекламировал модные бутики и парфюмы. Топ-модели ждали очереди на casting, а промоутеры предпочитали heavy metal. Office'ы «Playboy» и «Penthouse» нанимали дизайнеров – печатать постеры с soft porno.

Парламент достиг consensus'a, и не long, совсем не long оказался way до Типерери! «Lincoln Town Car» и «Grand Cherokee» jeeps покатали по нашим streets и parkings у подъездов «Casino». А в squares валялись на траве narks и сосали drinks!

Call girls брали cash, и все хотели заработать bucks. Killer стал good business! Racket процветал. Businessmen нанимали body-guards.

А президент dranked in residence. And работал с documents in дача.

И страна crushed and separated. Ваучерз не были понятны for people.

It was not easy, oh нет! The life сделалась very, непереносимо hard для простых people. People have not any money – ни копейки!

Gunmen shot on the streets! Gangster power takes victory!

Государственные credits раскрали away. Простым people to жрать was nothing! Зато всякие motherfuckers start live very well. Money going away to offshores. Голодные terrible faces looked at the роскошные windows of supermarkets!..

He почесались! Nothing, says the president. We shall live bad, but not long. Have nice holidays, dear Russians!

Москоу мэр starts to build the capital and made it beautiful. Many new streets and buildings were constructed. О, he is good guy, say the people. Ворует, но и for town до фига делает!

Тем временем президент play tennis very well. But he dranked водка too much. American doctor, хирург Майкл Дебейки, helped him поправить health. After it the president he is better than the new.

But со временем we привыкли. Все не так bad. Parliament in White House принял много законов. Правда, сенаторы много воруют. But все же правительство заботится о народе.

Little by little Russia started to become rich. There are many dollars in it. American banks give them. Then oligarchs return dollars back to American banks.

America is a rich country. It sends us it's goods. And gives us money to destroy our weapons.

Our capital Moscow is not worse than America. It is beautiful and great too. We see it on TV.

We watch a lot of Hollywood movies. American guys shoot well and always win. We love them and want to be like them.

Our movies sometimes get «Oscar» awards. It is a great honor for our culture.

Our singers sing well American songs in English. Some our bands tour in all America, and audience applaud to them.

Two hundred thousand Russians live in London, and already four hundred thousand in New York.

There are many American colleges and Universities in Moscow. American professors teach us to work well and grow with our fine country.

You can eat lots of good food for only ten dollars in American restaurant near Mayakovsky square. American cars are not as solid as German's, but they are big, comfortable and beautiful.

Moscow is coming out of crisis. People have more money. Many people spend their vacation in Florida or Miami. American Boeings take you to any part of the world.

More and more stores are in Moscow, and more and more goods are in them.

In prestigious residential areas new sky-scrapers are built. There are water-pools, tennis-courts and massage-rooms. Some areas have their own churches. American Methodists' church has many priests in Moscow, and parishioners respect them very much.

New big cinemas are opening, and spectators can buy pop-corn and eat it there.

Moscow became a capital of world democracy. Multiparty system ensures justice and prosperity.

There are lots of guns in Moscow. Every free man should have the right to carry a gun.

Guests of the city stay in «Hilton», «Holiday Inn», «Plaza» and other fancy hotels. There are bars, restaurants at your service, where you can have corn-flakes or hamburgers for breakfast, and casino, where you can play «One-Armed Bandit» or «Black Jack». There are many beautiful souvenirs in kiosks.

I like to play the computer-game «War in Iraq», and my younger sister likes to play with her Barbie-doll and her boyfriend Ken. My father drives «Chevrolet», and my mother drives «Ford». When I grow up, I will join the navy, to see the world and defend democracy.

Progressive association of all countries welcomes Moscow into the circle of civilized cities. We eat turkey with boiled buckwheat for Christmas, and I sent a greeting card to President Bush to express gratitude for our happy childhood.

11. VOX POPULI

– Да отъебись ты от меня со своей Москвой! Вот доебался до человека!.. Ты че, я не понял, недопил, или переработал? Заело его, блядь! Ты ваще грамотный? В школу ходил? Тебе Москву показывали? За уши поднять и спросить: «Ну че, теперь видно Москву?». Так я тебе щас ее покажу... уши оторву на хуй, чтоб не доябывался. Ты лучше наливай, блядь, ровней, поял? Москву ему, блядь.

Что – «москвич»? А если тебя в «луноход» кинуть – так он че, на Луне сделан, на хуй? А если назвать машину «венера» – так ее на Венере делать, или в вендиспансере? Ты рассуждаешь как тоже...

Что – «по телику»? А ты по телику слышал, что у тебя благосостояние выросло? А у тебя че выросло? У тебя оно хуй выросло. У тебя даже хуй не вырос... выросло у него, блядь! Ты хоть сам-то подумай, мудака: если б была такая Москва, как по телику – она че, была бы? Да они б давно ее на хуй всю разворовали и съебали за бугор, блядь. Ты сам-то, блядь, скажи честно: ты сам бы не разворовал? И я тоже, и он тоже... все люди, блядь, все жить хотят, на хуй.

Директор там был? А ты откуда знаешь? Ты с ним, блядь, ездил? Он те напиздит, он еще не то напиздит, чтоб командировочные спиздить. Ты по своей акции, что ему продал, что получил? Хуй и маленькую тележку. А он теперь, блядь, в «мерине». Весь завод объебал, а ты муди развесил: «Москва-а», блядь! Ты что пьешь? А он что пьет? Вот тебе и вся Москва...

Депутат из Москвы? А может, он из Мухосранска? Или из Нью-Йорка? Приедет такой хуй в галстук – «я из Москвы», блядь! А это че реально значит? А реально – что с тебя налоги драть будут, чтоб он блядям золотые кольца дарил. А где он тех блядей ебет – тебе не все равно? На хуй ему Москва – пусть здесь ебет, у нас тоже блядей до хуя, блядь. Дешевле обойдется. Я вот Нинку из тарного в субботу ебал, и на хуй мне твоя Москва, блядь.

Да – нету! Да – вообще нету! Спорим на литр, блядь? И докажу, че, докажу! Да вообще ее никогда не было, это как коммунизм был... или вроде как бог, на хуй... вроде все и знают, а вроде и хуй его знает, где он и когда, хуй его увидишь. Конечно сказка, а ты че думал? Нет, ну не пиздой тебя родили!

Слушай. Тебе пиздят всю дорогу. А ты как долбоеб, типа попка-дурак: услышит – и повторяет. Москва-а, хуйва-е, блядва-а... ты че льешь, че льешь?! он уже выпил, блядь, ты следи, на хуй!

Вот смотри, блядь. Скажем, жена блядует. Ты узнаешь? Хуй ты узнаешь, если умная. Если умная – никогда не узнаешь. Че, со свечкой за ней бегать будешь? И вот ты думаешь, что она – верная жена. А она – хер тебе! А тебе без разницы. Для тебя, раз думаешь – значит, честная. Согласен? Ты со мной согласен?

Теперь Москва. Вот ты думаешь, что она есть. А почему ты так думаешь? А тебе сказали, блядь. Хорошо. Давай посмотреть, кто сказал.

Так. В телевизоре. Так. Вот на, выпей, и сиди крепче, блядь. Потому что если верить телевизору – то тебя на свете нет. Ха-ха-ха-ха! Ой, блядь, не могу! Ты хоть раз в жизни, мудила, себя по телевизору видел? А меня? А его? А наш цех? Хуй ты видел, а не цех! Ты поял? Ты в жизни видишь одно, а в телевизоре другое! Ты поял, блядь? Так вот ты скажи – ты кому веришь: что мы тут сидим, живем тут – или что телевизор про Москву тебе мозги ебет?

Весь народ? Для того и телевизор, чтобы наябывать весь народ. Ой... Горбачев что? Ельцин что? Жириновский что? Ну, и хоть кто из них что сказал? Нет, вот ты мне скажи: они там

все время говорят – а ты здесь все время сосеешь хуй. Ты мне скажи: они хоть че сказали, хоть вспомнить можно? Вот это и есть «Москва», мудила ты грешная.

Так. Хорошо. Дома. Улицы. Согласен. Ты эта... канал... по телику, блядь... который про кино... нет, как оно эта, делается... ну, Голливуд, хулливуд, в общем декорации всякие. А! Вот! «Челюсти»! Кино видел? Акулу видел? Людей херачит только так, пополам, блядь, аж внутренности видно, на хуй! А она что? Модель, блядь! Одна голова механическая! И там у них все города – хоть древние, хоть какие – декорации, блядь! Так а у нас что, думаешь, все пальцем деланы, ничо не могут, блядь? Все-о, на хуй, могут, если захотят, блядь, суки. Кремль-хуемль, в кружке «умелые руки» его сделали, блядь, шаловливые ручонки, из фанеры, блядь, чтоб тебе только мозги заорать, на хуй. Машины? Хуины, блядь! Ты че, вообще, управляемые модели не видел, блядь?

Газеты? Хуеты! Их кто пишет? Заплатят, прикажут – вот и пишут. «Столица нашей родины», блядь. Жопа твоя родина! К-х-ха... хх-кх-ха!.. ох-х, блядь... не пошла. Вон Витек на той неделе с крана ебнулся – писали тебе это твои газеты? Хуй! А коммерса тоже на той неделе замочили – дак вся страница, на хуй. И машину расхуярили, и бабки пизданули, прямо роман! Ты того коммерса видел? Ту машину видел? Тебе газету в зубы – и читай там рекламу, блядь, для того все и накручивают. Тебе завтра вообще напишут, что это марсиане прилетели и деньги твои спиздили, и что это такой закон природы ученые открыли, блядь: все деньги прилетают марсиане и пиздят, на хуй. Еще и профессора про это покажут, блядь.

Школа? Хуёла! Ты знаешь, сколько учитель получает? В два раза меньше нас! А если знаешь, чего пиздишь, блядь? А не будут про Москву рассказывать – так им шас зарплату полгода не выдают, так вообще давать перестанут, блядь, пока не расскажут.

Ну как «зачем»? Ну как «зачем»? Ты вообще сам думаешь хоть жопой-то, блядь? «Зачем»... Денег нет – «Москва не прислала». Света нет – «Москва распорядилась». Блядь за бугор завербовали – «В Москву уехала учиться». Крутой бандюк припиздюхал откуда-то, всех стал под себя ломать – «Москва укрепляет вертикаль власти», блядь. Это у них типа отговорки на все случали жизни. Почему кругом пиздец? А Москва, блядь, потому что не так сделала, а мы тут не при чем, блядь. А когда они при чем были? Только если спиздить чего – так они при всем, тут как тут, хуй на грузовике увезешь.

В общем так, блядь. Москва – это типа главный общак у них так называется. Только и всего. А из общака тоже деньги пиздят, кто понахрапистей. Вот они друг перед другом эту хуйню и раздувают: «столи-ица, сталинца, метро-о, благосостояние»... Чтоб как бы объяснить, куда бабки спизженные хуйнули. Москва – это главная отмазка, типа пароля, ты понял? Сказал «Москва» – ну, значит, свой кореш, по понятиям свою дольку малую с нами пиздит.

А что Матросов. Ты с ним пил? Нет, ты скажи, ебанный твой рот, ты с ним пил, может? Ты с ним в той амбразуре лежал?! А вот напишут тебе в газете твоей, что я лежал, и хуй ты докажешь, что я не лежал! Хоть с Матросовым, хоть с Мэрлин Монро! С Мэрлин Монро лучше, конечно, блядь, я бы не отказался. Потому и говорят, что все с ней лежали, а не с Матросовым. Кеннеди с кем лежал, с Матросовым? На хуй ему Матросов, ему давай Мэрлин Монро, блядь!

Да? Да? А кто вчера за тебя двадцать рублей дал? А вот хуй те в рот, чтоб голова не болталась! Так что давай, на хуй, твоя очередь. Москвич хуев. Вот такие, как ты, Москву и придумали. Как пить, так еб твою мать, а как деньги, так хуй!

Нет, ну ты меня заебал своей простотой. Проспорил, так скажи честно. Ладно, правительство, хорошо. Так скажи – что должно делать правительство? Именно – править! Оно тобой правит? Тобой кто правит? Во. Начальство тобой правит. Давай еще. ЖЭК правит. Кто еще? Так, автобус. Там тоже свое начальство, блядь. Магазин. Там свой хозяин. Над ним? Кто, бандюки, блядь. Ну, менты, ГАИ, так. Чего еще? Так, рынок. Тоже бандюки правят. Новые русские? Ну, олигархи... Так а над ними евреи правят, блядь, из Израиля и Америки. При чем

Москва, ну – при чем тут Москва?! Понимаешь, ну не бывает так – огромный город, блядь, а сбоку припека, чтоб он ни за чем был не нужен! Ебаться в сраку, ну че тебе еще неясно?!

Вот кино вчера было, про Гражданскую войну. Там если «в Могилевскую губернию» отправить, или «на Луну» – расстрелять, значит, блядь, выражения такие были, понял? Вот «в Москву отправить» – типа то же самое примерно.

Или еще. Вот спрашивают: где он? Где-где – в пизде. А он не в пизде, конечно, а в магазине, или уже бухой лежит. А можно так же сказать – не в пизде, а в Москве. А смысл тот же самый.

Нет, ну про Наполеона ты даешь. Вот именно что Наполеон, блядь! Он че в России сделал? Он пиздой накрылся! Ну, а так же писать в книгах нельзя, блядь, так? Вот и написали – «В Москве», в том смысле, что в пизде. Вот посмотришь на тебя – нормальный мужик, а посмотришь – ну залупа конская. «Уехал в Москву» – с концами, значит, кранты, пиздец, все, зови попа – ставь свечку.

Короче – с тебя литр, блядь. Чего – не спорил?! Вот он разбивал! Ты еще со своей Москвой будешь мозги засирать – ебальник начищу, бля буду! Придумали себе какую-то хуйню и носятся с ней, чтоб ни хера ни за что не отвечать. Да – нету, ни по уму, ни по жизни, никак. Все пиздеж и провокация!

12. Накрылась

Вначале была точка.

Вначале и точки не было. Командир Ту-204-го, завершающего рейс из Новосибирска, при заходе в Шереметьево кивнул второму:

– Слушай, что там за точка висит? Вон, градусов десять над горизонтом?

Ни второй, ни радар не подтвердили. Закатное небо светило розовым стеклом. Диспетчера отвлекать не стали. Командир пожал плечами. Еще ему только кератита не хватало, чтоб комиссия выбраковала по зрению. «Да нет, почудилось», – снял он сомнение, подбирая газ двигателям и чуть подрабатывая правой педалью к уже проявившейся световым пунктиром полосе.

Вечный смог мегаполиса не способствует наблюдениям за небосводом, но через несколько дней точку зафиксировало Московское общество уфологов. Оптические приборы подтверждали явный НЛО, зависший в 11° где-то над западной окраиной. На увеличенных фотографиях объект бесспорно напоминал летающую тарелку, вид сбоку. Но только «МК-бульвар» сунул с ходу опубликовать эту бессчетную сенсацию фанатов внеземного разума.

Следующим шагом явилось увольнение с должности начальника Генштаба генерала армии Квашнина. Генерал дважды задробил доклады Особого Московского округа ПВО, поскольку выявленная цель не была определена и не поддавалась воздействию штатных средств. Информация просочилась в Кремль, переполнив чашу терпения и недовольства последнего.

А затем грянула страшная гроза, в самом прямом метеорологическом смысле. Вода валила стеной, синие сполохи потрясали пространство, заполняя озоном. Утренняя синева явилась промыта и пронзительно чиста. И в ней висела точка.

Она уже замечалась из верхних окон и балконов, где угол обзора раскрывался над каменным лабиринтом. Скорее даже не точка, а соринка. Чуть, казалось, продолговатая. Она торчала в окоме где-то за выездом на Рублевку и вызывала желание снять ее уголком чистого носового платочка либо поддеть ногтем.

Перебросились мнением о привязном метеозонде, призванном уточнять прогноз. О дирижабле Службы охраны президента над районом соответствующих дач. О новой гигантской антенне телеспутника на геостационарной орбите (экспансия госконтроля над телевидением).

А в институте Сербского, в палате с решеткой в окне, раскачивался и вдруг хихикал капитан Вагин, командир эскадрильи 27-го ИАП. Это его Су-29 был первым послан на облет неопознанной цели. Капитан цель опознал, еще бы офицер такую цель не опознал, но на земле доклад превратился в диагноз, разъяренный комполка дал капитану в ухо и похотливые военные медики сдали его в дурдом.

Таким образом, первичная информация капала в виде слухов со стороны приверженцев внеземных цивилизаций, сумасшедшего дома и Кремля, и ни одна из составных частей этого триединого источника познаний не пользовалась доверием в глазах населения. И глаза эти, суетно утомленные поисками подножного корма насущного, все чаще обращались к небесам. Что даже напоминало ожидание прихода мессии.

А соринка тем временем тихо всходила над горизонтом и, пожалуй, увеличивалась.

– Действительно, вроде дирижабля, вытянутая такая, – указывали друг другу влюбленные, проталкиваясь июльским вечером по бульварам.

– Да просто запятая. Как ресничка, – возражала девушка, доверчиво прижимаясь к теплому и крепкому плечу друга.

– Какая ресничка! Скорее, ракета, – горячился будущий инженер (с учетом эпохи – юрист, бизнесмен, бандит, бухгалтер). – Если ты немножко близорука, так не стесняйся, красивым женщинам это только идет.

Краткая дискуссия прошелестела по газетам. Знаменитая писательница разразилась изящным и высокоумным эссе «Под вечерней звездой». Профессор Капица пригласил в телепередачу «Очевидное – невероятное» космонавта Гречко, и они долго рассуждали о космическом мусоре на низких орбитах. Выпуски теленовостей попытались раздуть сенсацию, чтобы хоть чем-то отвлечь население от злобных выпадов по поводу отмены всяческих льгот. Но тут пришел антициклон, все заволокло тяжелыми тучами плотно и надолго, и тема иссякла, интерес пропал.

Когда же тучи рассеялись, то лучше бы они не рассеивались.

На Старую площадь вызвали пэвэошников, астрономов и космонавтов. Люди все это были со здоровой, уравновешенной психикой, и в зале закрытого совещания то и дело вспыхивал смех. Дело было отдано на откуп идеологически нейтральной фигуре министра чрезвычайных ситуаций, и он вызвал на консилиум экспертов из Института акушерства и гинекологии РАМН.

– Берете ли вы на себя ответственность, – жестко допросил бессменный эмчээсник Шойгу, – идентифицировать предъявленные вам изображения?

– Э-э... багенька, – щегольнул архаичным академизмом член-корр Лурье. – Для того, чтобы это идентифицировать, не обязательно быть гинекологом.

– Я жду от вас официального ответа. Что здесь изображено?

– Здесь изображены, э-э, женские наружные половые органы, – уверил Лурье. – Вульва, так сказать.

Шойгу содрал с медвежьей морды тонкие золоченые очки, швырнул в стену и сжал ладонями виски.

– Оволосение выражено средне, – перечислял профессор Платонов, – большие половые губы хорошо развиты, пигментация клитора и...

– Хватит! – заорал Шойгу, со звуком выстрела вlepляя ладонь в столешницу.

А в загазованной и желтой от испарений небесной сфере, размером так с различимый восьмирублевый пирожок, висела ОНА. Наискось, как маленький месяц на подъеме. И явная уже отовсюду.

Население Москвы привыкло ко всему и повидало всякое. Удивить его трудно, тем более что каждому хватает собственных проблем. Но все же реакцию горожан, а также гостей столицы назвать равнодушной было нельзя.

После первого же телерепортажа было сменено руководство НТВ и закрыта половина его программ.

– Пора, наконец, задуматься над тем, что показывает народу наше телевидение! – наигрывая сдержанное негодование, озвучил пресс-секретарь очередной комиссии-однодневки. – Обезумев от рекламных сверх-прибылей, некоторые дельцы шоу-бизнеса перешли уже от бесконечных прокладок непосредственно к демонстрации того, куда, так сказать, прокладывать. Мы просто завалены письмами от населения, которое просит оградить подрастающее поколение от нездоровых сенсаций, от всего этого секса и насилия!

Выпуски теленовостей налегли на вести с полей и хронику дорожных происшествий. И тем не менее обстановка в городе, и без того нервная под хрупкой видимостью порядка, продолжала накаляться.

Последовал протест со стороны исламской общины.

– Верующие мусульмане рассматривают это явление, – сурово начал ее председатель Бек-Джамаль и сделал паузу, чтобы аудитория лучше прониклась сознанием того, как именно рассматривают ЭТО верующие мусульмане, – как оскорбительное попустительство со стороны московских властей и надругательство над нашими традициями. Степень сексуальной откровенности современного христианства совершенно неприемлема для последователей ислама, и подобные акции раскалывают российское общество, нанося дружбе и сотрудничеству наших народов непоправимый вред.

Однако причиненный вред на лицах мусульман никак не читался. Напротив того, в ясную погоду темные блестящие глаза единоверцев неукоснительно косили в западную сторону небосклона и туманились выражением явно положительных эмоций.

В органах регистрации иногородних мгновенно и автоматически сформировался негласный дополнительный налог.

– А то вы сами не знаете, почему, – с пренебрежительным профессиональным цинизмом отвечали немолодые девушки трудовым мигрантам. – Вы что думаете, ЭТО вам тут бесплатно в небе висит?

Но подлинным взрывом возмущения разразилась коммунистическая партия Анпилова. Лозунги и кумач реяли на Манежной. Позвякивали ордена, постукивали костыли и кастаньетами щелкали зубные протезы.

– Вот что имеет трудовой народ от этой антинародной власти воров, мошенников и казнокрадов! – надрылся Анпилов с раскинутого борта грузовика, и мощные колонки крыли толпу ревом: – Все свои силы вы отдали на строительство родного государства – и что оно дает вам взамен?! – Он вонзал палец в направлении НЕЕ, толпа вела головами и тарахтела негромко и опасно, как гремучая змея. – Они смеют разговаривать с нами вот таким языком! Но настанет и наш час, час честных трудящихся, и мы еще покажем им, где их место! – Он сделал втыкающий жест в небо, и толпа заулюлюкала.

Не следует думать, что власти самоустранились и бездействовали. Все это время в штабе ПВО округа шла лихорадочная совещательная деятельность. Она имела результатом проведение окружных учений ПВО с боевыми ракетными стрельбами в присутствии и под руководством министра обороны Иванова и лично и непосредственно Главнокомандующего Вооруженными Силами РФ, Президента В.В.Путина.

Проведение назначили на первую половину дня воскресенья. Район Крылатского был оцеплен за сутки и практически очищен: оцепление работало только на выпуск людей, никого не пропуская внутрь квадрата. Движение было блокировано, пожарные части стянуты в готовности, врачи курили в «скорых», наблюдательный пункт развернут на смонтированном за ночь помосте. Телекамеры нацелились.

ОНА висела высоко в небе, как летающий корабль из эротических фантазий Жюль-Верна, если бы Жюль-Верн писал эротические фантазии. ЕЕ уже можно было рассмотреть в

некоторых подробностях: каштановые завитки давали темно-золотистые проблески в солнечном свете, различалась смугловатая складка... но любые описания ЕЕ аккредитованным на учениях журналистам категорически не были рекомендованы.

Стрелки сошлись к полудню. Главнокомандующий впереди свиты поднял в нужном направлении льдистые голубые глаза под козырьком генеральской фуражки. Двухзвездный начальник вдавил палец в соответствующую кнопку. Телеоператоры взяли горизонт, готовые ловить в кадр ракетные пуски над лесом. Все замерло.

Это продолжалось довольно долго. Минут двадцать. Потом объявили, что учения закончились. Все зашевелились. Президент сошел с помоста и отбыл, свита и генералитет следом. Шумя моторами и освобожденно гомоня матерно, снималось оцепление, рычали на отъезде пожарные машины и лоснились красным.

ОНА висела на месте и, казалось, стала чуть-чуть больше. Или чуть-чуть ближе, черт ее разберет.

Назавтра по телевизору четырехзвездный адмирал Куроедов заявил, что ракеты и не должны были взлететь, это просто недоразумение. Пуски должны были состояться условные, они и состоялись, все системы работали нормально, командование дало учениям высокую оценку. Просто наивные гражданские журналисты не поняли военной специфики и вообразили, что ракеты и вправду должны взлететь и даже якобы куда-то попасть. Спите спокойно, жители Багдада, наше небо на замке.

Однако назавтра же была запущена еще одна ракета, она таки взлетела не условно, и столь же не условно взорвалась через секунду после старта. А упомянутый адмиралом «замок» продолжал висеть в столичном небе невредимо и нагло.

Повторы телерепортажа запретили. Информацию естественно заместили слухи. Якобы ЕЕ долбят ракетами каждую ночь, но они в НЕЙ исчезают. Возможно, у ракет просто истек срок хранения. Достукались со своей конверсией, демократы.

У лотошников раскупили всю дешевую китайскую оптику. Разглядывали ЕЕ в бинокли, пытались обнаружить следы повреждений.

– Да ты чо, Вась, на НЕЙ все заживает, ОНА еще и не такое вытерпит.

– Но дак я и говорю, там что хочешь исчезнет с крантами.

Московский быт несет в себе органично более черт сюрреализма, нежели старинный манифест Андре Бре-тона. Любой день чреват любой новостью, которая уже назавтра делается привычной, даже если и противной, чертой. Так что тема очередного телевизионного ток-шоу «Основной инстинкт» никого не удивила.

– На Кавказе юношей воспитывают в строгости, да? – говорил седой горный орел, некогда знаменитый киноартист. – Канэшна, в Москве их встречают... вы понимаете, да?... соблазны всякие. А у них горячая кровь! Вы их сами провоцируете своими порядками, они что у вас видят, да? Канэшна едут сюда, канэшна кровь играет, все время от этого возбужденные ходят!

Амфитеатр зашумел, лучи метнулись над желтой ареной, в микрофон запричитала старушка-учительница:

– Мы приветствуем все народы, все культуры, но их же совершенно не интересует Пушкин, они же только за... за ЭТИМ сюда едут!...

– А Пушкин только стихи писал, да? – возразил юный горец. – Он ЭТОЙ, которая у вас выше всего, не интересовался, да?

– Голосуем: можно ли ЭТО считать основной причиной миграции лиц кавказских национальностей? – надрывалась ведущая.

Однако ПРЕДМЕТ с каждым днем медленно, но неукоснительно увеличивался, и вместе с ним нарастали раскол и напряжение в обществе. Дикая лодка держала курс в демократических небесах, как будто старик Фрейд очнулся на том свете и вознамерился на характерном подручном средстве, Эрос в ладье Харона, совершить объезд нашей юдоли скорби и чистогана.

Ну, во-первых жизнь быстро показала, что раз начатые рыночные преобразования остановить нельзя ничем, и рынок сам себя создает и регулирует. Потому что мгновенно возникло турагенство ЗАО «Русский шатер» и забило рекламами: только в столице России вы можете получить настоящий секс-тур. На легальных основаниях! Двадцать четыре часа в сутки! Льготные цены, скидки для групп, прокат биноклей, бесплатные презервативы. И самое главное – русское ноу-хау: абсолютно безопасный секс!

Во-вторых, весьма оживилась и без того возрождающаяся религиозная жизнь. Патриарх сообщил мнение богословов: нам явлено непорочное чрево Девы Марии, что есть явная и бесспорная благодать, и да устыдятся и опомнятся все неверующие и верующие неистинно, ибо ясно, что все мы произойти от промысла Всевышнего, от Духа Святаго, и напоминание это нам, что идем по верному пути, и близко уже Царствие Его, и мы есмь народ избранный, а Папа Римский со своими католиками в своем Ватикане может подавиться, теперь он обязан признать приоритет Москвы, и пусть еще только попробует протянуть свои ручонки куда не надо!

Иудеи, от которых у всех головная боль еще со времен фараонов, тут же раскололись на две партии. Одна, ведомая засланным из США главным раввином, поддержала Патриарха, не преминув напомнить, что Дева Мария была еврейка, так что сами понимаете. Вторая, идущая за советскорожденным главным раввином, выступила с резким протестом против попустительского московских властей антисемитским выходкам, поскольку хасиды и всех толков ортодоксы не могут выходить на улицу под «эту штуку», ибо она неизвестно кому принадлежит, может быть нечиста в критические дни и склоняет мысли в сторону возжелания жены неизвестно чьей. Вслед за чем тонкая цепочка пейсатых стала покидать Москву, демонстрируя (как показало будущее) сверхъестественный нюх и предвидение опасности.

Оскорбленные в смерть намеком на ЕЕ национальность, чернорубашечные патриоты перебили стекла в синагоге, изрисовали стены изображением верховной вещи со спорной национальностью и устроили грандиозное шествие по Тверской. Символ материнского плодородия реял на красных стягах с белым кругом посередине – древний языческий знак пращуров!

– Трахать! – писать! – подмывать! – скандировала шеренга лимоновцев, выбрасывая правые кулаки в черных перчатках.

А ОНА висела уже на высоте четверти небосвода, горизонтально, как лисий хвост, и раза в четыре длиннее диаметра лунного диска. Слишком высоко даже для высотных перехватчиков – и слишком низко для космических аппаратов. Эдакий inferнальный символ жизни в мертвой зоне.

И уже солнце на считанные минуты, все более длинные, заходило за НЕЕ вечером. И тень ложилась и смещалась по городу, и унизительна была эта тень, избежать хотелось ее, но не было к тому возможности в городской, камнем стиснутой толчее. В Москве и тень бывает неприятна.

В зените лета приостановился и замер рост цен на московскую недвижимость. Купленные впрок для перепродажи элитные квартиры стояли пустыми. Осторожно, как бы наощупь, ткнулась вниз стоимость квадратного метра на западе и юго-западе.

И однажды западный ветер донес запах... Когда при западных направлениях ветра он сделался несомненным – втрое подпрыгнули доходы поставщиков кондиционеров. Стеклопакеты впаивались в оконные проемы. В женскую моду вошли надушенные газовые шарфики, закрывающие лицо от глаз, как у разбойниц или восточных танцовщиц. Сходство с гаремом довершали обнажившиеся до гладко выбритых лобков и впадин нежные загорелые животы – табу на НЕЕ больше не существовало, вопрос был решен природой и сиял (зиял?) с небес.

– Мы присутствуем при историческом крушении шовинистического культа фаллоса! – торжествующе провозгласила предводительница русских феминисток Мария Арбатова, которой клевета врагов прилепила кличку Машка-чума. – Женщина есть человеческое начало, женское естество дает жизнь всему живущему, и сама природа показывает, что нет на свете ничего выше женщины!

– А также больше и глубже, – цинично добавил мужской голос из зала. – Ты наверх-то погляди – ты чему радуешься?..

Если поглядеть вниз – шпалеры проституток, стянувшихся под знак своей профессии с необозримых пространств всей бывшей империи, выстраивались вдоль Ярославки, Ленинградки, Каширки, а если поглядеть вверх – слово «грехопадение» вызывало в памяти катастрофу дирижабля «Гинденбург». Как сказал один старый летчик, «Все, что летает, раньше или позже упадет».

Лето случилось нежаркое, хмуроватое и сырое, и выпал в то лето желтоватый кислотный дождь. Неприятный запах имел он, и жухла прежде сезона после того дождя листва в парках, и пролысины появлялись в стриженной ежиком газонной траве. Вышли на демонстрацию «зеленые», и были биты те «зеленые» резиновыми палками ОМОНа, и нервно кричал заместитель мэра Шанцев в подставленные услужливо микрофоны, что фильтры и очистные сооружения московских хим-предприятий работают нормально, и все делают городские власти для борьбы с природным феноменом. А на отдельных зонтах и навесах уличных кафе желтели проеденные разводы, и неприятны глазу были они, и мысли возбуждали скверные.

А над городом надвигалась и нависала – гигантская, как космическая агрессия, как сбывшаяся молитва великомучеников трагических лет «Мама, роди меня обратно».

Престижность городских районов стремительно менялась. Котировался восток и обесценился центр – квартиры внутри Садового сбывали за гроши. Подпрыгнул спрос на нижние этажи, и никто не хотел селиться в роскошных остекленных пентхаусах. Народ ринулся вон за город, скупая под застройку любые конуры и халупы, лишь бы в благодатном отдалении за кольцевой, на природе.

Появились коммерческие, а затем и VIP-вагоны метро – с роскошными диванами и отдельным кондиционированием. Вход в еще вчера пролетарскую подземку разом подпрыгнул до пятидесяти рублей – но вновь, как при забытой советской власти, заработала благодатная вентиляция.

Пансексуальность стала нормальной чертой столичного мышления и быта. Отец советско-русской сексологии профессор Кон в очередном спецвыпуске московских новостей, давно уже посвящаемых дежурной и важной теме, заявил уверенно и благодушно: все происходящее – не более чем эманация естественных человеческих влечений и чаяний, много десятилетий подавляемых ханжескими властями. И теперь изучение ЕЕ в школе следует перенести из курса сексологии в курс астрономии, против астрономии же, надеется профессор, не станут возражать даже самые сексуально непросвещенные педагоги.

Впервые за двадцать лет в Москве вдруг скакнула рождаемость. Одни социологи связывали это с «синдромом полярной ночи», другие говорили о роли постоянно возбуждающего фактора, третьи же зловеще сравнивали с массовыми совокуплениями леммингов перед коллективным самоубийством: народ всегда знал, что больше мальчиков рождается к войне и прочим катаклизмам.

Биржа, тот барометр, которому можно верить, указывала «бурю». Обнаружилось поспешное и паническое бегство капиталов за границу. Специалисты говорили о двадцати миллиардах долларов, но реальная сумма наверняка составляла много больше – деньги утекали через все щели, а выручка от экспорта практически не возвращалась. Потенциальные западные инвесторы в ответ на самые льготные и даже льстивые предложения возводили очи как бы к НЕЙ: неблагоприятный инвестиционный климат, ну что тут может гарантировать даже государство при всем его благом желании.

Разразился банковский кризис, как ни отчаянно отрицал его министр финансов. Вкладчики с вечера выстраивались к банкам, и один банк за другим лишался лицензий. В ответ на сакраментальный вопрос «Где бабки?» одна аудиторская проверка за другой разводили руками. Опасная тайна была раскрыта русской редакцией журнала «Форбс». Словно вихрь

опустошил денежное хранилище Центробанка, и в некоем потустороннем направлении улетели и растворились колоссальные денежные средства – в НЕЕ...

Ситуация уже требовала чрезвычайных мер. Президент страны собрал в Кремль своих послов из всех стран – на инструктаж.

– Мы должны всеми мерами бороться против того, чтобы в мире как средства информации, так и отдельные политические силы и течения порочили имидж нашей державы! Следует противопоставить нашим недоброжелателям позитивную информацию, контрпропаганду!

Вечерняя тень накрыла окна зала совещаний, послы косили глаза и поежились. «Что я им, в качестве контрпропаганды задницу с самолета покажу?..» – прошептал посол в Индонезии послу в Лаосе. – «А позитив – НАША самая большая в мире», – ответил тот.

Со всех телеэкранов знаменитый русский путешественник Федор Конюхов объявил о новой и самой уникальной своей экспедиции. Он в одиночку отправится в НЕЕ! Демонстрировал скафандр, подаренный Центром космических исследований, и запас пищи в запаянных трубах.

Он взлетел с Красной площади при огромном стечении народа. Морщинистый, как гигантская сушеная груша стратостат алел вокруг верхушки буквами «С. С. С. Р. – 2004». Стратостат поднялся, раздулся, и уменьшенный высотой до горошины, вошел в соприкосновение с тем ЕЕ участком, который напоминал Великий Каньон, опрокинутый верхом вниз, где и исчез без видимой натуги. Через минуту радиосвязь с путешественником прервалась, и более никто никогда героя не видел.

– Это яркий случай, когда зов Эроса и зов Тана-тоса сливаются воедино, – прокомментировал завкафедрой философии Московского Университета, приглашенный в «25-й час» каналом ТВЦ.

По закону всеобщих связей исчезновение единичной личности Федора Конюхова повлекло за собой исчезновение супергиганта отечественной нефтянки концерна ЮКОС. С тщанием проведенное дознание показало, что астрономические активы ЮКОСа вылетели в НЕЕ, в доказательство чего были представлены документы и фотографии.

Глава ЮКОСа Михаил Ходорковский был буквально в последний миг пойман за ногу, когда некий прозрачный (призрачный?) смерч уже обволок и приподнял его над грешной землей, чтобы всосать в бездонную НЕЕ, где столь бесследно и безвозвратно исчезали нефтяные миллиарды. Посаженный (положенный?) на сохранение под семь замков, Ходорковский через адвокатов прилагал нечеловеческие усилия, чтобы спасти родную компанию. Из человеколюбия ему не сообщали ее новый адрес, из которого спасти пока еще никому и ничего не удавалось...

И если раньше ОНА воспринималась все-таки с определенной бравадой и даже гордостью как примета национального колорита – то теперь уже всем явна была причина и суть национального бедствия. Скоротечные торнадо сделались обычной деталью московского пейзажа. В бездонную воронку, нависающую с каждым днем все ближе к зениту, летели штопором слитки меди и никеля, штабеля строевого леса и косяки осетровых рыб... и все это перемежалось, как стаями белокрылых чаек, тучками бумажных листов из окон Думы, к отчаянию ее многочисленных и бесперывно работающих комитетов.

– Это и есть шапка Мономаха, про которую русские говорят, что она тяжела? – спросил идиот из интуристов в звании профессора славистики из Луизианы, за что и был чищен фэйс скудоумному америкосу оскорбленным экскурсоводом, получившим от милиции одновременно как моральное порицание, так и физическую поддержку.

Единственный институт, который не растерялся в новых и непростых условиях – это столичная милиция. Милиция драла с граждан штрафы за то, что посмотрел вверх («употребление порнографии в общественных местах») и за то, что не смотрел вверх («циничное пренебрежение государственной символикой»). За то, что ехал быстро («превышение скорости»)

или ехал медленно («задержал городское движение»). Торговал с лотка книгами («в неполюженном месте») или не торговал с лотка книгами («пассивно препятствовал свободе информации»). И с безнадежной злобой смотрели граждане ТУДА, куда без следа и толка тут же улетучивались взимаемые с них скудные средства.

А шапка Мономаха уже нахлобучивалась на город-исполин косо, как на обреченную и нетрезвую голову. Кольцевой небесный просвет меж горизонтом и навесом лесистых и темных лохматых зарослей явственно сужался. Чудовищный плотский проем зиял над жертвенным муравейником, и лишь воспаленные эротоманы могли находить в том хоть нечто отрадное.

И тогда с решительной инициативой выступил мэр Лужков. Мэр был решителен, жесток и конкретен, как всегда. Он похудел на двадцать кило, глаза его увеличились и мерцали колючим огнем.

– В срочном порядке городские власти приняли решение построить таким своего рода кольцом по периметру города шестьдесят новых высоток, шестьдесят небоскребов, – властно успокоил Лужков. – Центральный небоскреб спроектирован как самое высокое здание в мире, его высота – шестьсот двадцать метров. И называться он будет – «Москва»!

Это на время успокоило. Все знали, что Лужков деньги на ветер выкидывать не станет. Подразумевалось, что в крайнем случае ОНА сядет краями на кольцо небоскребов (уколется, вероятно, о шпильки, хихикали циничные острословы), и опускание прекратится, сохранятся выезды из города и т.д.

За обыденностью дел и в малоприметных глазу ежедневных изменениях народ в известной степени привык жить как бы под куполом цирка шапито. Изменяется длина и ширина брюк, форма носков и каблуков обуви, стрижки, галстуки, марки автомобилей; с той же ползучей естественностью привыкли к респираторам с озонирующими лепестками, к предгрозовому полумраку и рано включаемому электричеству; давно принюхались к городской вони, приспособились тратить в пробках два часа на выезд за город после работы и два часа на дорогу из загородного жилья.

Шпильки высоток действительно росли в сверхъестественном темпе. Одновременно с впечатляющей скоростью сокращалось почему-то число газет и падали их тиражи. Словно пришибленные и придавленные главным известием, анемичные газеты потеряли вкус к жизни, а читатели – к чтению.

Краткой сенсацией явилось выставление в Манеже нового монументального полотна народного художника Штопорова «Небо Родины». После первого дня выставки Манеж среди ночи неожиданно вспыхнул и сторел в уголья в течение часа. Пожарную охрану не репрессировали никак – зато под предлогом народного негодования ввели жестокую цензуру, причем не столько на изображение половых органов, сколько на освещение политической жизни (связь между двумя этими материями представлялась несомненной).

– Вот это я понимаю «все мы под колпаком у Мюллера», – произнес, проходя через Лубянскую площадь, известный писатель детективщик, и тут же исчез в пространстве. Очевидцы клялись, что его втянуло как бы смерчем в НЕЕ.

В какой-то момент невозможно стало скрывать уже убыль населения. Без вести пропадали десятки тысяч людей – выходили из дому и не приходили никуда. Многочисленные одинокие старушки-владелицы отдельных квартир канули и минули. Молодые интеллектуалы «выезжали в США» – и переставали существовать. Если когда-то провинциалы ехали в Москву, чтобы сделать карьеру и подняться вместе со страной – то теперь они приезжали в Москву и просто растворялись в НЕЙ.

Резко упал интеллект элиты. Никто уже не хотел содержать разномастных профессоров и академиков, протягивающих руки за грошами и ноги без грошей. Из литературы наибольшим спросом пользовались женские детективы, где главной героиней была фактически ОНА, и триллеры, где из-за нее лилась кровь и кипели страсти.

– Значит, только такой жизни этот народ и заслуживает! ЭТО вам что, американцы прислали?! – заявила знаменитая демократка Новодворская и едва не была растерзана патриотами.

Демократия улетала в НЕЕ прямо на глазах – как самолетами, так и поодиночке. Зияли пустотой штаб-квартиры вчерашних партий. ОНА буквально превратилась в гигантский пылесос из кошмарного сна.

В экстремальных условиях выживания махровым цветом расцвели взятки. Покупалось и продавалось все: должности, экзамены, освобождение от уголовных преследований, заповедные леса и топ-модели.

Теперь по утрам повсеместно мощные брандспойты обрабатывали струями с хлоркой ТО, что служило небосводом. Во влажном полумраке и невыразимом амбрэ клаустрофобия и аллергия были наименьшими из страданий. Военкоматы взвыли о невозможности набрать призыв сплошь юными инвалидами – как будто на НЕЕ еще могли напасть враги...

Настал день, когда вон из города стремительно ринулись три категории населения: политики, олигархи и гинекологи. Предупреждение поступило от последних, и было мгновенно учтено первыми. Наступали критические дни.

Слитные автомобильные ленты расползались по шоссе во всех направлениях. Упрессованные до концлагерной бездыханности™ поезда трогались с вокзалов. Пешие беженцы толпами месили бездорожье. И желтые фонари жалко тыкались в сгущающуюся тьму.

Было видно, как натужно гудящий турбинами лайнер пытался проскочить в узкий голубой просвет меж черным низом и багровым верхом, ткнулся, прилип и исчез. Последний стрекочущий вертолет метнулся в светлеющую и сужающуюся щель на востоке, за шоссе Энтузиастов...

Шестидесятикилометровая медуза опустилась на город. С присасывающимся чмоканьем происходило соприкосновение по МКАД. Переставали быть слышными глухие крики.

В содроганиях и спазмах отказывается представить себе человек с его небезграничным воображением потоки крови в обреченном городе. Реки, вышедшие из берегов, и улицы, превратившиеся в реки. Тщета всех надежд и конец всего как возвращение к началу всех начал...

Захлебыва... ахлеб... ахл... а-а-а-хххлл!!!...

«Плоть Медузы» «Медуза-Горгона» «Храм на крови» «Захлебнутся своей кровью!» «Закат в крови!» Как кубики вклеены в ком теста с кетчупом Влипшие в красный торт муравьи А-а-а, цвет знамени! Не миновала ЧАША СИЯ-а-а-а-а-а!
.....

13. Кинохроника

Возникает еле ощущаемая вибрация воздуха, в нем всплывает чуть слышный звон, плывет, нарастая, яснее, громче, резче, в звоне проявляется тяжелое бронзовое дребезжание, и округленный металлический гул давится, как пушечным ядром, ударом курантов – срезающим звук. Повторяется снова, снова – до двенадцати раз.

Надтреснуто пересыпают мелодию четыре четверти. И золотые стрелки на черном циферблате Спасской башни, сошедшиеся наверху, медленно разъединяются и ползут в движении, отраженном невидимым зеркалом.

Им отвечает неуловимое перемещение тени на старинных солнечных часах. Неявно для глаза склоняется солнце левее по небесной дуге.

Буднично и привычно влипают в троллейбусы веера взъерошенных толп. Рвут с наката на прямую передачу машины от перекрестков и застывают на светофорах, дожидаясь красного.

Стремительный черный кортеж вылетает из Кремля и мчится к Новому Арбату, как пущенная оперением вперед стрела. С непостижимой согласованностью раздается и съезжива-

ется к обочинам уличное движение. Истеричные регулировщики спецдивизиона ГИБДД опускают руки от козырьков и вращают вслед жезлами хамовато.

В магазинах возвращают покупки и сдачу, устало пятясь на работу. И восвосяси взмывают растопыренные, как якоря, лайнеры с московских аэродромов.

«И был вечер, и было утро, – день первый». Редееет жизнь, сгущаются сумерки, тычутся сквозь смог мутные московские звезды... и вот уже открываются ночные рестораны, и редееют алые трассерные ленты автомобильных огней.

Президент убирает руку с Конституции, и шпалеры знатных гостей аплодируют его выходу – твердым шагом, спиной вперед, по этикету – из высоких золотых палат Кремля.

Руины окутывает купол кирпичной крошки и битого стекла, вспухает облако желтого толового дыма и серой цементной пыли, облако прокалывается изнутри красным ежом вспышки, и когда она гаснет – нетронутые дома мирно зажигают окна, всаженные на свои места в ночной Каширке, как имплантированные зубы в пострадавшую челюсть.

Разгружаются на полевых аэродромах «черные тюльпаны», и штабеля «груза-200» развозятся по госпиталям. Ободранные армейские колонны, подкрашиваясь и прихорашиваясь на марше, возвращаются из фрондирующей Чечни.

Ельцин выносятся из операционной еле живой и доставляется на дачу работать с документами. За этим занятием он стремительно стройнеет, оживает, извергает фонтаны водки, взлетает на танк, вслед за чем перебазировается из Белого Дома в кабинет секретаря Мосгоркома КПСС.

Незаметно и бесшумно переходит национализация нефтегазодобывающих промыслов и металлургических комбинатов. Миллиардные долларовые потоки скачиваются со счетов западных банков в Россию, здесь зашиваются в кожаные мешки, самолетами увозятся обратно в США и растворяются там, вытягиваясь из воздуха печатными машинами и перерабатываясь в целлюлозу.

Караваны «шестисотых» мерседесов мчатся через западную границу, чтобы после переработки на заводах Даймлера и Бенца превратиться в руду, которую карьерные экскаваторы зарывают в землю.

Чудодеи-киллеры реанимируют стар и млад. Сонмы старушек появляются невесть откуда в своих квартирках.

Исчезают казино, кабаки, бомжи и кавказцы. Российские олигархи переодеваются в дешевые костюмчики и возвращаются в инженерные бюро и лаборатории. Процесс им на пользу – молодеют, подтягиваются, лысины зарастают густым волосом.

Спускается российский триколор и поднимается – алый, с серпом и молотом. Молниеносно пустеют магазины. Из электрочек в них тащат тяжелые сумки с колбасой.

И вот уже Горбачев целуется с восхищенным народом, и бронированные армады под победные звуки «Калинки» вторгаются в Германию, где ликующее население с немецким умением работать разом восстанавливает берлинскую стену.

Гигантские очереди возвращают водку в винные отделы.

В черных комбинезонах и ондатровых шапках, офицеры кремлевской охраны извлекают на вожжах из цементных окопов дубовые гробы Черненко, Андропова и Брежнева.

Вместе с товарищами Суловым, Косыгиным, Пельше и другими членами Политбюро дорогой Леонид Ильич провожает с трибуны Мавзолея парад, пятящийся за Исторический музей.

Дикция Брежнева улучшается, звезды осыпаются с груди. С дачи возвращается лысый, энергичный, жутковатый Хрущев, целует его и отправляет в родную Молдавию. К Мавзолею раскатывают ковровую дорожку, прогоняют с трибуны Гагарина, быстро поднимают на орбиту, сажают на Байконуре и отправляют в летное училище.

Побитого юнца Евтушенко, похожего на Буратино, которого заставили окончить школу, Хрушев учит писать стихи. Зрители давятся удрать из Политехнического.

Шокированно движется к открытию XX Съезд КПСС, и протирающего пенсне Берию водворяют из блиндажа на родную Лубянку.

Разлепляются и расходятся по домам толпы с похорон товарища Иосифа Виссарионовича Сталина. Товарищ Сталин приказывает снести высотки и демобилизует полки стрелков в полушубках, отправляя их в родную Сибирь. «Сестры и братья!» – говорит он.

В бешеном темпе восстановив страну, германские и советские войска проводят парад дружбы в Бресте.

Сматывают колючую проволоку в ледяных колымских лагерях. По ночам черные машины развозят по домам героев Гражданской войны, уже переодетых в форму с наградами.

Ударно зарывают метро им. т. Л. Кагановича, снимая лозунги «5-летку в 4 года!». Пятятся, пятятся тачанки и броневики, и наркомвоенмор товарищ Троцкий, выставив бородку клинышком, держит ладонь к кожаному картузу со звездочкой.

Хмурая толпа разбирает Мавзолей. Пестрые шествия текут бесконечно из подвалов Лубянки. Товарищ Ленин встречает полки, вернувшиеся живыми с Гражданской войны. Кремль грузит обозы – правительство переезжает в Петроград. Молодцеватые юнкера заполняют Александровское училище.

Шеренги в хаки переоблачаются в штатское, сдавая винтовки в арсеналы. Из «Яра» вываливаются и впрыгивают в тройки румяные купцы и благодушные адвокаты. Чехов, почти не кашляя, приезжает из Ялты и продает несколько доходных домов.

На Красной Пресне разглаживаются баррикады, как послеоперационные рубцы на мостовых. Наганы хлюпают, как портативные пылесосы, втягивая дымки и пули из воздуха.

Оживленные крестьяне прутся без подарков с Ходынского поля в окрестные деревни. Сыплют малиновый перелив звонницы, и молодого красивого Государя Императора Николая Александровича с супругою, заключающих пышный и бесконечный дворцовый кортеж, вводят на царский поезд – в столицу...

И тогда сонная благодать накрывает арбатские пыльные и зеленые дворики. Закрывается МХАТ, беднеет фабрикант Станиславский. Застройки постепенно редуют... появляются заросшие бурьяном пепелища... первый снег и первая листва сменяют друг друга... пробивающиеся огоньки сливаются в пожарище, и полыхающий город принимает наполеоновские колонны, чтобы погаснуть, побелеть, зазеленеть – и изрыгнуть чужаков навсегда к Поклонной горе, к Бородинскому полю...

С язвительной тонкогубой улыбкой Грибоедов шурится сквозь очки, пляшут язычки свечей в шандале, кончик гусиного пера ловко убирает бисерные стихи пьесы с белых листов, складывая их в пачку.

Крутой крепыш Михайло Ломоносов покидает рассосавшийся университет и отбывает в Германию – вступать в ганноверские драгуны.

Увозят в клетке в родные сельские степи Пугачева. Кровь высыхает на Красной площади, убирают плахи и виселицы, стрельцы обнимают жен и уходят в слободу стрелецкую. И молодой царь Петр возвращает из монастыря сестру, вручая ей власть.

Сходит с помоста кряжистый бешеноглазый Стенька Разин.

Венчают с царства Михаила Романова.

Староста Козьма Минин прощается с князем Пожарским и обращается к хлопотам купеческим – ополчение расплзается...

Бережно дергают с земли Самозванца, под руки вносят в хоромы, пряча в ножны клинки. В хвосте длинного течения войск польских, литовских, белорусских, украинских едет Димитрий к знатному тестю Мазепе, на запад и юг, в край хлебный.

Борис Годунов передает корону младому Феодору Иоанновичу. Угрюмость сменяется трепетом – вот он, Государь Всея Руси Иван Грозный, и посох в руке его, и рана на виске сына его, и опричь его верные с песьими головами и метлами у седла!

Из польского похода выдавливаются крепнувшее войско Курбского, из Казани полки топчут пыль, месят грязи, пестреют кафтаны, блестят бердыши, скрипит огневой обоз с пищальями. Колокол везут Новгороду, из Курляндии отзывают ратных. Снимает алую рубаху и уходит в отчий терем Малюта, оправляется от хвори царь – ясный, юный, ласковый.

А только вновь редеют срубы, и чернеют пепелища, и вспыхивают огни океаном пламени; пламя то собирается в стрелы и улетает невидимо за городские стены, с которых спускаются татары в халатах, кидая в ножны кривые сабли и собираясь под хвостатое знамя Тохтомыша.

Из огня, как феникс, вновь встает Москва, и стон поднимается от околиц, когда семьи соединяются с ратниками, вернувшимися из неведомого с поля Куликова; и под уздцы пятят в ворота тиуны высокую белую кобылу князя Дмитрия!

За годом год возят баскаки дань из Орды, и год за годом возвращают князья Великому Кагану ярлыки на княжение и золотые охранные пайцзы.

Съезживается бревенчатый городской частокол. Жмутся к надречному холму избенки. Стягиваются, мельчают терема.

Дощатые мостки исчезают с улиц, желтая жирная глина и зеленая осока заменяют их.

И под приглядом сурового князя Юрия Долгой Руки выкапывают смерды заостренные бревна частокола, снимают драночную кровлю с теремов, раскатывают избушки. На волокушах утягиваются стволы в окрест дремучие леса, и стук топоров возвращает им стать.

Исчезает в урочище, в зарослях, обоз, и позвякивая сбруей прикрывает его отход княжья дружина.

Лишь отбившийся воин поит из темных струй фыркающего коня, зачерпывает воды шлемом, но скрывается и он.

Тогда робко показывается из чащи финн-рыболов в кожаной рубахе. Зовет из землянки семейство и, отдохнув на стоянке, они увязывают первобытный скарб в узелки и откочевывают на восток, в сторону Урала...

И вот... катит темные тихие воды неширокая река, и ручей в ивовой заросли сливается с нею... вековые сосны шумят и поскрипывают под ветром... и в прелом и чистом лесном воздухе плывет и катится шариком одинокий заунывный звук: «Ку-ку. Ку-ку. Ку-ку».

14. Миф

Извлечения из учебника для Высших Школ «История Евразии» под редакцией профессора А. В. Дужкина

Гл. IX, §4. В зафиксированной истории любого этноса есть размытая граница, до которой дописьменная информация переплетается с мифологией неразъемным образом. Таково, например, Сказание о Всемирном Потопе, присутствующее едва ли не у всех древних народов. Другой пример – склонность народов не только европейских, но также средиземноморских и ирано-кавказских этносов возводить свою родословную к светловолосым, белокожим и голубоглазым предкам, будь то арии, прагерманцы, эллины, италийцы, праславяне, иудеи, армяне или персы. Рослого агрессивного блондина можно считать архетипом мифологизированного самосознания цивилизаций, которые поднялись на месте вытесненных предше...

§ 6. Гибель працивилизации, от которой унаследованы шедевры и секреты древней культуры, есть один из архетипических мифов. Такова была Атлантида у древних греков, Камелот у

британских кельтов, смешавшихся с англосаксами, Китеж-град у восточных славян или Итиль у мадьяр...

§10. Полифоничное и многовариантное (характерные черты любого мифа) Сказание о Третьем Риме имеет многочисленные (и противоречивые, разумеется) корни в соседствовавших культурах. Достоверность сведений о реальном Втором Риме – Византии-Константинополе – нарушается, дробится и иссякает в Средневековье, с раздроблением и упадком европейской государственности, общим снижением и вульгаризацией культуры и повсеместным исчезновением грамотности. Из тщательного анализа обрывочных памятников явствует, что на сакральный титул римских цезарей претендовали многие более или менее влиятельные вожди германских, гуннских, кельтских и славянских племенных союзов, от Теодориха и Карла Великого до Мюрата и Никона...

Гл. X, §1. Оформление христианства в государственную религию вело к тому, что само понятие Третьего Рима стало обозначением не столько географическим или политическим, но прежде всего идеологической парадигмой в культурном и духовном контексте. Поднимающийся к созданию новой, собственной цивилизации молодой варварский народ декларировал свою претензию и программу утвердиться как наследник великой и древней цивилизации, архетипом которой в сознании Западной Евразии укоренился Рим. Рим как символ и знак...

«Золотой век» у разных народов многих эпох отражал представления о недостижимо высокой материальной культуре предков, канувшей в прошлое. Воссоздать этот уровень счастливого удовлетворения всех материальных потребностей, тем более на базе моральной и социальной справедливости, было, разумеется, невозможно. Но «духовное наследие», в силу его трудноопределимое™, а также воображаемой возможности любой индивидуальной свободной воли к любому высокоморальному поступку в соответствии с постигнутым христианским идеалом – это «духовное наследие» официально объявлялось обретенным.

Вот это «духовное приобретение» наши предки, со свойственной им наивностью язычников и рьяностью неопитов, и переносили на мифологизированный материальный, реальный уровень. «Третий Рим» как символ культуры и духовной власти «истинной веры» превращался незаметливой паствой в «Третий Рим» как реально существовавший великий город, будь то Равенна, Аахен, Иерусалим или Москва. Горний град обретал в сознании верующего, жаждущем простоты и доходчивости, конкретные очертания града дольнего. Он стоит на горе, на холме, на возвышенности, на крутом берегу реки – и этого, в сущности, достаточно...

Гл. XII, §2. Многие события мифологической истории Руси не находят решительно никаких подтверждений в современной исторической науке. Начиная от создателя древнего русского государства, скандинавского ярла Рюрика, никаких следов упоминаний которого нет ни в одной из многочисленных скандинавских и северогерманских хроник...

§5. Национальным вариантом мифической битвы «предков» с «врагами» является знаковая в русской истории битва на Чудском озере (это «Ледовое побоище» имеет даже точную хронологическую привязку в позднейших летописях – 1242 г. от Р.Х.). Ни в одной европейской хронике это событие не упоминается вовсе. Зато сохранились записи, что в указанный момент Ливонский орден вел военные действия на юге Европы – противоположном краю материка. Учитывая, что к середине XIII века Орден насчитывал до 25 000 рыцарей, а «расчет копья», т.е. количество воинов, приходившихся на одного конного рыцаря-копейщика, составлял пять человек – мы получаем армию, с которой считались крупнейшие евразийские государи, и которую никак не мог разгромить мелкий удельный князь.

Кроме того, в зимнее время военные действия практически никогда не велись. Это обусловлено трудностью переходов, бескормицей для коней, необходимостью топлива и укрытий для ночлегов в снегу, нарушением коммуникаций, резким снижением подвижности и боеспособности. А снежный покров связывает маневренность и ударную силу тяжелой конницы, лишая ее главных преимуществ.

Да и лед в апреле, согласно метеорологическим записям, убийственно ненадежен для такого войска.

И, наконец, многолетние и кропотливые археологические изыскания на месте «битвы» не дали ни одного предмета (!), подтверждающего реальность летописного мифа. Ни одного наконечника стрелы, ни одного стремени или топора, ни одной поврежденной оружием человеческой кости.

Зато в ливонских хрониках значатся ясные записи о гарнизоне, стоявшем в Пскове по просьбе псковского князя. Псков попытался предпочесть экспансию римского христианства экспансии монгольской. Через два года срок договора истек, денег же для его возобновления в княжеской казне не оказалось. «Лучшие люди», как водится, отказались кормить «ненужное чужое войско». В апреле гарнизон двинулся восвояси, на северо-запад – насчитывая пятьдесят конных рыцарей и двести эстляндских кнехтов. Прямая дорога через озерный лед еще держала рассредоточившийся порядок. Под берегом возвращавшихся и ждала в засаде дружина Александра Невского. Беззащитные на хрупком льду как на ладони под стрелами лучников, рыцари сдались – и были миром отпущены из плена после получения выкупа от Ордена...

§ 6. И уже совершенно грандиозная, поистине мифического размаха «Куликова битва» (она же «Мамаево побоище») также не подтвердилась за века ни одной археологической находкой...

...Монахи-воины оформились в орден рыцарей Храма, возникший в эпоху крестовых походов, организованных Римом. Но никогда православный монах не был конным воином! Легенда о «воинах-зачинщиках» Ослябе и Пересвете – явный парафраз истории тамплиеров. Цель легенды ясна – отождествить Москву с Римом через отождествление социальных и ментальных реалий...

Гл. XIII, §3. Канонизированная история любого народа – это увеличительное стекло, избирательно направляемое в отдельные узоры калейдоскопа истории реальной. Ретроспективно любой народ надувается, как лягушка, вспахавшая ниву мировой истории напару с волом всего остального человечества.

§7. Характерно, что за период репрессий Ивана IV было казнено, по сколько-то подтвержденным данным, не более пяти тысяч человек – и царь этот в народном сознании был мифологизирован как «Грозный». В то же время в Англии при короле Генрихе VIII было казнено около восьмидесяти тысяч человек – но при кровавой истории Англии его жестокость мифологически отразилась лишь в казни двух собственных жен (причем позднейший обыватель норовит распространить эту казнь на всех жен женолюбивого короля, ассоциативно увеличивая их число с шести до восьми)...

Гл. XIV, §1. ...Появление на авансцене русской истории основателя Москвы князя Юрия Долгорукого, равно как и растворение во мраке веков его потомков, оставлено без внимания летописями, пренебрегшими столь «незначительными» деталями...

§ 12. В начале XVIII в. от Р. X. царь России Петр I переносит столицу из Москвы в Петербург, на место отвоеванного у шведов поселения на побережье Балтики в устье р. Невы. Последние официальные сведения о Москве как столице Руси – так называемое «утро стрельцкой казни». Достоверность этого события, и уж, во всяком случае, его масштабов, вызывает серьезные сомнения. Во-первых, чтобы снedaемый планами экспансии и милитаризации страны правитель начал свою деятельность с уничтожения собственной военной силы – мягко говоря, это нелогично. Во-вторых, сведения об этом черпаются в основном из художественных источников: одноименной картины Сурикова и романа одного из многочисленных писателей Толстых. Отметим лишь, что оба произведения веками входили в обязательную программу средних школ. Фантазии же школьников...

§14. Утерев де-юре статус столицы и без того малозначительной евразийской провинции, пустеющая Москва, не являясь промышленным или транспортным центром, хирела...

§ 15. Проигрывая в социально-экономическом соревновании Западу, Россия тем более культивировала легенду о духовном превосходстве, символом чего выставлялся «Третий Рим» – Москва как оплот «истинной веры». Интереснейшей деталью легенды являются «сорок сороков» московских церквей. «Сорокаторичной» системы счисления мировая математика, разумеется, не знала: на Руси, как и во многих странах, считали дюжинами, позднее – десятками. «Сорок сороков» дают тысячу шестьсот. При реальной численности населения в средневековой столице до двухсот тысяч человек – это дает один храм на сто человек, включая детей, паралитиков и крепостных рабов. Излишне доказывать, что никакая производительность труда и никакая налоговая система не позволяют содержать такое количество храмов – оставляя уже в стороне вопрос об их нужности... Но здравый анализ неприменим к мифу...

§17. Уже в статусе провинции, в ходе русско-франкской войны 1809-1814 гг.. Москва подверглась разграблению и была полностью уничтожена. Позднее для объяснения мгновенного исчезновения древней столицы русские историки придумали страшный пожар, который выжег деревянный город. Здесь необходимо отметить первое: евразийские города XIX века нигде не были деревянными; и второе: это откровенное повторение мифа о сожжении Первого Рима императором Нероном. Отождествление «Москвы Златоглавой» с «Третьим Римом» – неизменная доминанта русской историографии...

§21. Ярчайшим и показательным мифом явилось «Сказание о Зимней битве за Москву» в ходе Второй Русско-Германской Войны 1939-45 гг. («Снежное побоище»). Там эпически описывались и «сорокаградусные морозы» (опять это число «сорок»!), и «миллионы солдат», и «внимание всего мира». Историков-патриотов не смущало ни то, что при такой температуре боевая техника функционировать не может, ни то, что самих подобных температур в этих широтах не могло быть со времен Великого оледенения. Для нас важнее другое: и Россия, и Германия культивировали римскую символику («карающие мечи», «салоуты», «диктаторы», «легионы» и т.д.) и представляли свои государства как «Третий Рим», «Тысячелетнюю Империю» – т.е. сознательно создавали мифологизированный имидж.

§24. Вымысленность «Зимней битвы за Москву», как и всей «Великой Победы», подтверждается тем достоверным и никак не совместимым с «великими победами» фактом, что через сорок лет (и опять эта цифра!) после «величайших побед» Россия рухнула и рассыпалась на куски буквально в одночасье и без всякого воздействия извне... Великими мифами народ компенсировал себе унижения и неудачи в реальной действительности...

§25. Величественное, блестящее и героическое прошлое – им вознаграждает себя народ-мифотворец за унижительное и пошлое настоящее. Ни над чем мы не властны так, как над своим прошлым, и в нем всегда можем если не найти, то создать – а это одно и то же – предмет своей гордости и убежище от горестей и невзгод настоящего...

§49. С распадом Русской Империи на ряд независимых малозначащих государств миф о Москве обрел окончательный блеск. Реальность не могла более замутнить сияние идеала. Скудость археологических раскопов на Среднерусской возвышенности лишь делала мифическую Москву все более загадочной... Несколько городищ XIV-XVII вв. поочередно были объявляемы Москвой, но достоверных подтверждений так и не последовало...

§50. Сторонники Керуленской теории пытались вести раскопки в Китайском Прибайкалье, но их противники полагают, что раскопанное городище, действительно крупное – не Москва, а древний центр провинции Чита. Кстати, христианских храмов там почти не нашли...

Сторонники же поволжской точки зрения отстаивают то положение, что длинная цепь поселений, тянувшихся непрерывно в излучине среднего течения Волги на протяжении более ста километров – это и есть остатки древней Москвы, ибо только великая столица может быть таких размеров. Вытянутость вдоль береговой черты объясняется значением Москвы как порта пяти морей и огромной торговой базы. А многочисленные развалины промышленных, металлургических и машиностроительных предприятий подтверждают мощь и вес стольного града.

Беспорядочные воинские захоронения свидетельствуют о кровопролитных битвах. Таблички же «Сталинград» означают именно «императорский город», что и соответствует столичному статусу. Им возражают, что...

§ 52. И поныне эта поэтическая легенда о великом и сказочном городе, о миллионах его жителей, многочисленных театрах, цирках и университетах, двадцатиэтажных домах и широких улицах, тесных от тысяч механических средств передвижения, сияет яркой страницей в золотой книге загадок истории, которая...

Фарес Вечер в Валгалле

1.

Чернышевский. Что делать?.. (*Зажигает свечу.*) Что делать... (*Садится, пишет.*) Что делать. (*Рвет написанное, хватается за голову, раскачивается.*) Что делать!

Герцен (*бьет в колокол*). Бумм!

Чернышевский. Что ты звонишь? Что ты звонишь?

Герцен. Зову живых.

Чернышевский. Куда?

Герцен (*растерянно*). Ну... Вперед.

Чернышевский. А где – перед?

Герцен. Ну... там. Вверху.

Чернышевский. Что – вверху? Что – вверху? Ты что думаешь – там все лучшее; такие воплощения гуманитарной мечты, типа солнца прогресса, да? Там, вверху – о-о-о-о!..

Герцен. Нигилист. Пессимист. Социалист. А ты что – туда уже лазил? (*Принюхивается.*) О господи боже мой, там что, вот так пахнет?..

Чернышевский. Ты вот что: унес ноги, свалил в Англию, захапал денег, так сиди уж тихо.

Герцен (*жалуется*). Декабристы разбудили.

Чернышевский. Снотворное пить надо, а не шампанское!

Герцен. Ну... все же – молодые штурманы будущей бури.

Чернышевский. Штурманы. Иваны Сусанины. А по сусалам! Страшно? Страшно далеки они от народа!

Герцен. Кто виноват? Бумм! (*Бьет в колокол, колокол падает.*) Кто виноват? Бедная Россия, и повесить-то в ней толком не умеют.

2.

Мать (*пьет чай. Разворачивает письмо*). Володя. Брата Сашу повесили.

Ленин. Вот так люди просто сидят и пьют чай – а в это время рушится их счастье и складываются их судьбы. (*Отодвигает стакан. Встает. Обнимает Мать.*) Хочется всех гладить по головке. А гладить нельзя. (*Расхаживает, сопровождая слова шагами*): Шаг вперед – два назад... Шаг вперед – два назад... И побольше расстреливать! Есть такая партия. (*Устанавливает дорожный указатель.*) Мы пойдем другим путем! (*Уходит.*)

Александр (*входя и глядя ему вслед, качает головой*). Хм... Откуда во мне эта странная симпатия к царю Ироду?..

Мать. Саша, зачем ты пошел по этой дорожке...

Александр. По этой? Ты на ту посмотри. Даже в сказках – все настоящие-то хлопоты от младшеньких братьев.

Мать. Мужайся, Саша...

Александр. Мужаюсь, мама. (*Хочет, утирая слезы.*) Вырожденцы... не того повесили!

Мать. Мужайся, Саша.

Александр. Мужаюсь, мама.

3.

Комиссар. А между прочим, если переодеться, хрен нас кто различит.

Поручик. «Принц и нищий», что ли?

Комиссар. Но-но, «принц»! Мир хижинам, война дворцам!

Поручик. Да. Мечта питекантропа – каждому по отдельной хижине, а дворцы пожечь, чтобы – не хрен. И все-таки зря...

Комиссар. Почему же зря?

Поручик (*закуривая папироску*). Зря мы вас не всех перевешали. Верить ли – уже веревки не хватало.

Комиссар (*скручивая самокрутку*). Да не то зря. А то зря, что мы вас расстреливали-расстреливали, и вот, ты понимаешь, все равно не всех расстреляли.

Поручик. Нет в жизни счастья. Выпей за светлую жизнь, товарищ.

Комиссар. В смысле – за свет в конце тоннеля? Только бы не встречный паровоз. Выпей и ты за Россию, ваше благородие (*чокаются фляжками*).

Поручик. Боже мой, боже мой...

Комиссар. Твою мать, вспомнишь – вздрогнешь...

Поручик. А, уже можно расслабиться. Время идет – и все равно в этой стране всегда что-то не так...

Комиссар. Что-то? Что-то... Все, все тут всегда не так!.. Народ забитый, хозяйство отсталое, климат холодный, пространства огромные... и взгляды ведь – или кулацкие, или дурацкие! Аж маузер опускается и водка не берет.

Поручик. Хм. Водка. Тут кокаин не помогает. Нюхнешь – все фигня, и не нюхнешь – все фигня.

Комиссар. Всё бы хрен с ним, одно обидно. В основе была мечта хорошая и мысль правильная.

Поручик. Ага. А помойка получалась сама собой. Гадская жизнь хорошим намерениям не хотела соответствовать, точно?

4.

Александр. Вовка, сука, ты что натворил?!

Ленин. Не понял, Саша.

Александр. Чего ты не понял, лысое ублюдище? Ты чего вообще наделал?! Ты чего наворотил? Боже, за что же мне видеть такие страшные сны. Ужас, бред, кошмар, кто тебя просил, скотина.

Ленин. Саша, успокойся. Во-первых, ты можешь теперь спокойно спать...

Александр. Я? Спать? Спокойно?! Да я верчусь в гробу пропеллером от твоих подвигов!

Ленин. Во-вторых, хватит меня воспитывать. Всегда ты был чем-то недоволен. Ну вот с чего, с чего ты завертелся?

Александр. На кой черт ты разогнал Учредительное собрание и расстрелял демонстрацию?

Ленин. Не помню. Погоди. Мешали, это факт! Сашка, они все болтуны, эти либералы, они заболтают любое дело! А нам власть спасать надо было. Нельзя их жалеть – если б они чего-нибудь стоили, фигурки дали бы разогнать себя. Сами бы всех расстреляли.

Александр. Вова. Вот ты политиком стал. Прославился. А ведь у тебя психология пулеметчика.

Ленин. А у тебя, Сашенька, психология овцы. Ты дал себя повесить! Думаешь, я не плакал?.. А я царя казнил, и создал в стране другое государство!

Александр. За государство ты еще ответишь. А с мизераблем этим – черт с ним, он уже все равно ничего не значил. Детишек-то зачем перестреляли.

Ленин. Ах! Ах! Какая чувствительность! А вот освободил бы их Колчак, собрал бы вокруг них всех монархистов! Не изображай из себя девственницу-курсистку. А когда Халтурин целый зал во дворце грохнул – много он о детишках заботился? Кстати, ты не знаешь, какие идиоты могли доверить акцию человеку с фамилией Халтурин?

Александр. Ну... это такая национальная традиция.

Ленин. Страна Халтуриных! Как же – он столяр, пролетарий, понимаешь. Папа Карло решил взорвать Буратино с его театром. А когда Девятого Января расстреляли рабочую демонстрацию на Дворцовой – там детишки не погибли? Нет, ты мне скажи – зачем эта сволочь расстреливала детишек на Дворцовой? Думал, что все ему с рук сойдет? Революция – дело жестокое ну необходимо было династию уничтожить, и все тут. А войну на черта он начал? Чего ему не хватало, чего не сиделось? Пролиты захотел, Болгарию захотел, Балканы захотел? Что у тебя за странная логика: он убил миллионы мужиков – и добрый, а мы убили его поганую семейку – и злые. А счастье человечества для тебя ничего больше не значит?

Александр. Где обещанное счастье?! Ладно царь – ты что со страной сделал?

Ленин. Саша, а чего я сделал?

Александр. Ах, чего он сделал?! А ты сам не видишь, ты посмотри!

Ленин. Я умер. Мы бы знаешь как все хорошо сделали. Это же не народ, это же какие-то сиволапые головотяпы. Я с партией-то собственной, и то замучился воевать. У меня правильно все было намечено. И цель правильная, и средства эффективные, и власть удержали, и кадры воспитали – и это все, Сашенька, заметь, одной половиной мозга. Я что, виноват, что у меня была одна половина мозга? Если бы у меня были две половины – мы бы вообще коммунизм построили на всей Земле. А Николашку я должен был убить на твоей могиле – но ты уж прости, отомстил как умел.

Царь. Скотина вы после этого, господин Ульянов.

Ленин. Я – скотина?!

Царь. А кто же, я, что ли? Я, по крайней мере, мученик. И морально безупречный человек. Честный, добрый и благородный. А вы предатель и германский шпион!

Ленин. Я – германский шпион?! Ах ты... самодержец... тебе знаешь что только самодержать? Сказал бы я... Да ты вообще сам немец!

Царь. Я-а немец?!

Ленин. А кто же, я, что ли?

Царь. Да вы не то еврей, не то калмык, не то швед... мусор империи, вот вы кто, а не человечешко!

Ленин. Да в тебе русской крови одна шестьдесят четвертая! Ты немец на шестьдесят три шестьдесят четвертых, почти на девяносто девять процентов! Так что расстреляли мы немца во время войны с немцами, вот и радуйся!

Царь. Я ведь вашей семье после смерти отца пенсию назначил... в университете тебя на казенный счет обучал!

Ленин. Вот и дурак. Врагов уничтожать надо.

Царь. Это вы глупец, господин Ульянов. Вы же даже курса толком не окончили. И в должности помощника присяжного поверенного ни одного процесса не выиграли.

Ленин. Были задачи поважнее!

Царь. Какие задачи? По парижским борделям дурные болезни цеплять? В Англиях и Швейцариях награбленные деньги проматывать? У германского генштаба золото вымогать?

Ленин. Вот и вышло, что из тебя политик, как из дерьма пуля. Я на их же золото в Германии же революцию и устроил, балда!

Царь. Двойное предательство в вашем стиле.

Ленин. А ты, значит, ни в чем не виноват? А Сашку кто повесил?

Царь. А в чем я виноват? В том, что вас не вешал? И никакого Сашку, кстати, я тоже не вешал, это было при батюшке, вы, недоучка.

Ленин. Счастье твоего батюшки, что сам сдох, алкоголик проклятый. Только и сделал для страны, что придумал коньяк лимоном закусывать.

Царь. Вы беспринципный негодяй, господин Ульянов. И за это Господь покарал вас. И детей у вас не было, и умерли вы в немоте и безумии, как пес одинокий, и дружки ваши бандиты еще живого от власти вас отодвинули. И дело ваше кровавое в конце концов рухнуло.

Ленин. Твое дело раньше рухнуло. Сатрап и болван!

Царь. Я отрекся, чтоб русскую кровь не проливать. Я собой пожертвовал!

Ленин. Раньше надо было жертвовать! То-то ты мало кровушки на войне пролил!

Керенский (*сдирает платье сестры милосердия и швыряет Ленину, оставшись во френче и бриджах*). И запомни – никогда я ни в каком женском платье не бежал! Что за страна, что за страна – вечно лавировать между идиотами и подлецами!.. И вам не стыдно – мы же в одной гимназии учились, папа вам золотую медаль вручал, чтоб вам, сироте, легче было в университет поступить!

Ленин. А ты – красной либеральный и наймит буржуазии!

Керенский. Зато вас всех пережил в спокойной Америке.

Ленин. И хорошо жил, буржуин?

Керенский. Плохо, Володя. Тупые они, зажрались.

Ленин. То-то!

Керенский. Грех на мне великий перед Россией.

Ленин. А-а, понял, наконец!

Керенский. Ну что мне стоило еще в апреле семнадцатого вас всех перевешать? Большевиков-меньшевиков, эсеров левых-правых, анархистов – ну буквально десять-двадцать тысяч человек. Кого не повесили – перестрелять прямо в подворотнях. И как все было бы хорошо-то, а! Тихо, законно. И никаких морей крови, никакой гражданской войны.

Ленин. Архиправильная мысль, батенька! Вот поэтому я – великий политический деятель, а ты – дерьмо на палочке. Стонать любой может – а ты ручонки-то запачкай, по подвалам-то врагов постреляй, глядишь своего и добьешься.

Керенский. Так мы же были за свободу и демократию! Вот вы бы на моем месте – как бы поступили?

Ленин. Ха-ха-ха! Вот именно – арестовал бы всех и расстрелял мгновенно без суда и следствия. Если революция не умеет себя защитить – она ничего не стоит.

Царь. Боже мой. А в Сибири – такой здоровый климат. И я ссылал вас туда, как на курорт.

Ленин. Вырожденец ты и дегенерат. Ни ума, ни воли. Ну сам скажи – нужен ли России царь без ума и воли? Мы ж тебя для блага твоей же страны шлепнули.

Царь. При мне хоть жить можно было!

Ленин. А смысл? А смысл? «Пожить». Тебя бы газком травануть в окопах, кишки вспороть снарядом, а после побеседовать: как, можно жить?

Царь. Ты же в сто раз больше убил!

Ленин. Так я боролся с контрреволюцией!

Александр. Да ты посмотри по сторонам, Вовка, идиот, что ты напорол! Полмозга у него. Меньше надо было башкой об лед биться, когда на коньках катался!

Ленин. Кто катался, а кому и саночки везти, братка!

Керенский. Царизм действительно прогнал, и нечего ему было ловить. Явно же не того брата повесили.

5.

Брежнев. Дорогие товарищи и друзья! Империалисты всех мастей развалили наш великий и могучий Советский Союз. Но Коммунистическая Партия не свернет с избранного пути, пока не развалит на хрен вообще все. Свободо... буда... бодубудалюбивая общественность всех стран по светлому пути сисиссыкого соревнования... поручила мне! Аплодисменты, переходящие в овацию.

Ленин. Товарищ! вы кто?

Брежнев. Я верный Ленинец.

Ленин (*нашаривая рукой стул, садится*). Кто?!.

Брежнев. Генеральный секретарь ЦК Коммунистической Партии.

Ленин. Как вы очутились на этом месте?!

Брежнев. Товарищи по партии долго не разрешали мне умереть. Но потом я покушал булочки с молоком и ушел на заслуженный отдых.

Ленин. А... что у вас с дикцией?

Брежнев. Вы сами картавите.

Ленин. Сколько вам лет?!

Брежнев. А вы кто?

Ленин. Ленин, просто отвечает.

Брежнев. Ленин?! Тут и сел старик. (*Садится*.) Простите, не узнал. (*Сравнивает его с профилем на своем ордене*.) Вы действительно похожи на орден Ленина, но у меня их больше.

Ленин. Товарищ, но вы же в маразме.

Брежнев. А вы тоже подписывали последние письма к съезду «Кукушка».

Ленин. Я был болен.

Брежнев. А я, по-вашему, здоров.

Ленин. Так уйти надо было!

Брежнев. Нельзя, Владимир Ильич. Как я ушел – так все и развалилось.

Ленин. Старые маразматика! Старые маразматика! Что, в Политбюро никого моложе не нашлось? Чем вы можете править, кадавр.

Брежнев (*читает по бумажке*). Союзом Советских Социалистических Республик.

Ленин (*вырывает у него бумажки, листает, бросает*). Так. Зря я умер. Ничего! Политбюро расстрелять. Дачи и квартиры конфисковать. Партийную чистку провести. Хлеб у крестьян изъять. И все на субботник – бревно носить! Я вам покажу, буржуйская порода! Я вам восстановлю Ленинские партийные нормы!

Брежнев (*утирает слезы*). Я добрый. Меня все любили. При мне был порядок. И колбаса. И двадцать лет ничего не менялось. А теперь...

Ленин (*читает ленту, вылезаящую из тархтящего телеграфного аппарата*). Архиподлецы... Архикретины... Что-о?! А куда смотрела ЧК?! Куда смотрела армия?! (*Постепенно обматывается лентой, как серпантином*.) Ну что, товарищи – прогадили страну?..

Брежнев. Ужас охватил большевиков.

Ленин. Все разворовать. Все развалить. Всех распустить. Все вывезти. И плясать под дудку мировой буржуазии. Это же мамаево нашествие!

Керенский. Именно об этом так долго и упорно говорили большевики в восемнадцатом году. Нет, господин Ульянов – это закономерный результат всех ваших незаконных действий.

Ленин. Дерьмоголовый дерьмократ! Почему я не расстрелял тебя!

Керенский. Потому что не поймал.

Ленин. О-о-о... Кто раздал буржуям народные фабрики, заводы и нефтяные промыслы?!

Брежнев. Не я. При мне все немножко воровали, но надо давать людям жить.

Ленин. Где наша Украина? Где Туркестан и Кавказ? Кого хоть расстреляли за это?

Брежнев. Я люблю Украину. Это моя родина. Там живут добрые люди.

Ленин (*взвизгивает*). Добрые? По головке гладить? Расстреливать! Что – опять флот в Крыму топить?! Мало вам было Врангеля?! Понатыкали флагов, поставили статуи, понаплодили атаманов... варвары! вандалы! И молятся, и молятся... поповщину развели!!!

Царь. Вот вам ваша демократия, господин Ульянов, вот вам ваш коммунизм. Тысяча лет трудов – и все насмарку. Знал бы – сам застрелился, ей-Богу.

Ленин (*подбегая, обнимает его за плечи*). Даже он понимает! Даже ему за вас стыдно! Посмотрите, посмотрите ему в глаза – за что человек жизнь отдал?.. Николай Александрович, сегодня мы открыто и честно протягиваем вам свою рабочую руку, предлагая вместе бороться за светлые идеалы страждущего русского народа. Революционеры всегда умели признавать свои ошибки и делать из них выводы!

Царь (*брезгливо высвобождаясь*). Раскаиваюсь, что я не разрешил вовремя в Российской Империи аборт. Это могло бы изрядно способствовать сохранению численности народонаселения. Таковы парадоксы истории...

Ленин (*необидчиво*). Тактика политической борьбы заключается в том, чтобы идти на союз хоть с чертом, если это может принести пользу делу. Перестанешь быть нужным – опять расстреляем, паразит.

Брежнев. Я не понимаю. Ведь все хорошо. Живем, кушаем, в машинах ездим. Я люблю ездить в машинах. Только не надо ничего трогать. Если трогать, всегда что-нибудь случится.

Ленин. Случилось! Вы проели страну, жирные навозные мухи.

Брежнев. Владимир Ильич, чего вам не хватает? Партия правит, народ работает, все кушают, и завтра будет то же самое, пока – я.

Ленин. Ящер ты ископаемый, а где идеалы? Ты-то уже здесь, а там-то уже что?

Брежнев. Цель партии – благо народа.

Ленин. Да? У тебя сколько машин в гараже было?

Брежнев. Такого «роллс-ройса», как у вас, у меня не было.

Ленин. Значит, так. Партия уходит в подполье. Пароли и явки прежние.

Брежнев. Мы уже немолодые люди. Ну как мы будем сидеть в подполье? Нам врачи не позволят. И кроме того, что там делать?

Царь (*насмешливо*). Этот пожилой господин прав. Вы все уже сделали.

Керенский. Господин Ульянов, у меня такое впечатление, что как в марте семнадцатого года большевики забегали со своими красными флагами – так до сего дня и не перестали, словно ошпаренные. Им бы только митинговать, кричать и стрелять. Ну сами посудите – что им делать в подполье?

Ленин. Готовить светлое будущее!

Керенский. Это значит – превратить в подполье всю страну? Так вы уже пробовали.

Царь. Лично для себя господин Ульянов подпольем подразумевает Швейцарию. Фрейдистский намек на подземные хранилища швейцарских банков, очевидно. Скатертью дорожка, господа реформаторы.

Ленин. Нет, господа. С паразитическими классами добром не договоришься. Для вас Россия – это власть для себя, свобода для себя и сытость для себя. Но есть еще народ!

Царь. О? В самом деле? Вы не всех перестреляли? Шарман.

6.

Сталин (*пыхая трубкой*). Ну, что? Распустились? Головокружение от успехов, да? Все умные стали, руководящая роль партии больше не нужна, да? Зачем нужен товарищ Сталин, пусть себе идет на пенсию, пусть отдыхает. Говорите, товарищи, говорите, я послушаю.

Ленин. Коба! Они развалили страну!

Сталин. Не может быть. Какая неожиданность. А чего ты от них ждал?

Ленин. Это ты во всем виноват!

Сталин. Интересная точка зрения. Говорите, говорите, мы вас слушаем.

Ленин. Я же говорил, я же завещал, я же предупреждал, предостерегал: Сталин мог бы быть генеральным секретарем, если бы не его грубость и излишняя жестокость.

Сталин. В этой стране грубость и жестокость никогда не бывает излишней. Это такая специальная страна. Чтобы ее создать и сохранить – надо работать день и ночь. А разваливается сама. Как только отвернулся – она развалилась.

Ленин. Зачем ты перестрелял всю мою партию, ты, террорист, ты, рябое лицо кавказской национальности?!

Сталин. Товарищ Ленин, как народный Комиссар по делам национальностей я бы попросил вас, с вашими калмыцкими глазками, шведской лысиной и еврейской картавостью, соблюдать политкорректность.

Ленин. Если бы ты не перестрелял всех героев и вершителей революции, всех ветеранов партии, все бы пошло иначе! Я же не приказывал своих-то расстреливать! Некому же оказалось коммунизм строить! Уголовник, мокрушник, ты же всех завалил, падла!

Сталин. Вы не должны были так говорить, товарищ Ленин. Во-первых, партия сама себя перестреляла. Вы почитайте архивы. Во-вторых, пауки в банке – это не партия. Хычники! Перегрызли чужих – взялись друг за друга. В-третьих – что делает пастух, если стадо разбредается в разные стороны?

Ленин. Что?

Сталин. Что. Приказывает овчаркам собрать стадо (*разбойничьи свистит*). Глупых и непослушных овчарки кусают. Иначе никогда пастух не сможет привести стадо к сияющей вершине.

Ленин. Это были умные, убежденные люди, способные принести пользу!

Сталин. Это был сброд. Они были способны развалить империю. Способны убивать и грабить. Подчиняться, учиться, созидать – они были не способны. Разваливать должны одни люди. Деструктивные. А строить другие люди. Конструктивные. Когда первые разваливают, революция их убирает. Это были твои люди. А строят потом другие люди. Это были мои люди. Верные. Послушные.

Ленин. А что потом?!

Сталин (*шутит*). Как говорит народ, потом – суп с котом. Потом они жиреют. Забирают много власти. Много о себе мнят. Заслуги у них, понимаешь. Тогда их тоже убирают. И ставят новых. Молодых, голодных, преданных. Они растут. И тоже жиреют и мнят. Тогда их убирают. И так далее. Рогация власти называется.

Ленин. Это правда, что ты хотел стать императором, да не успел?

Сталин. Э. Болтают люди.

Царь. Я поздравляю братьев Ульяновых. Царь им, видите ли, не нравился. Тиран, понимаешь. Любуйтесь на своего тирана! Да от него Иван Грозный до Португалии добежит!

Сталин. Разумный человек, а. Они тебя расстреляли – а я бы с тобой договорился, дело тебе нашел.

Царь. Какое дело, друг мой?!

Сталин. Дел много. Вместе бы выступили. Корону бы мне передал, скипетр передал, в кинохронике вместе снялись. С Англией отношения наладить помог по-родственному. Жил бы спокойно, потом заболел тихо.

Врач-вредитель. Так точно, товарищ Сталин!

Царь. Немец, значит, вам был плох. А грузин вас резал, и был хорош!

Сталин. Немец-перец-колбаса. Русский народ понимать надо. Если не расстреливать, не сажать – он тебя уважать не будет, любить не будет. Вот ты историю учил. Ивана Великого любили. Петра Великого любили. А дедушку твоего, Александра Освободителя, взорвали на хрен. Не любили. А ты ничего не понял.

Керенский А все-таки я умер отомщенный. Мы боролись за правое дело, и правыми средствами. Пусть мы проиграли сражение – но войну выиграли. Народ устал трепетать перед кровавым тираном и влачить жизнь в нищете, и после его смерти вздохнул с облегчением. Жизнь становилась все либеральнее, и еще через треть века рухнул тиранический режим! И власть перешла к законно избранному демократическому парламенту, и пресса стала свободна, и раскрылись границы. И ничего после тебя не осталось, тиран, тиран! А наше дело восторжествовало!

Ленин. Вот ты думаешь, что ты мозг нации, а на самом деле ты говно. Что восторжествовало?! Страна развалилась, народы разбежались, мозги утекли за границу, детей рожать перестали... они же туземцы!.. вымирающие туземцы с ракетами по наследству!..

Керенский. Это вы все подготовили!

Чернышевский. Что делать? Что делать?

Герцен. Кто виноват? Кто виноват?

Сталин. Ах, кто виноват, скажите, пожалуйста? А кто капиталы за границу вывез? Я вывез? Мама твоя вывезла? Да ты хоть один день в своей жизни работал, понимаешь? Ты чьи деньги вывез? Ты народные деньги вывез. А кто тебе помог? Тебе еврей Ротшильд помог. Мировой сионизм тебе помог! И вот ты на народные деньги, которые награбил, живешь в своем Лондоне, сладко кушаешь, мягко спишь, и еще смеешь брякать в свой дурацкий колокол! Побренчи у меня, побренчи. Мы еще с вами разберемся, господин звонарь. Кто виноват, понимаешь... Вот вы и виноваты, вот такие: родину ограбили и удрали. Народ нищим оставили, хозяйство разоренным оставили – власть им теперь не нравится, власть им виновата.

Герцен. Я-а родину ограбил?!

Сталин. А кто, я, что ли? Я ее из руин поднял, могучей державой сделал!

Герцен. А кто вывез весь золотой запас?

Ленин (*быстро*). Колчак! Белогвардейцы Колчака!

Герцен. Конечно! Колчака в прорубь – концы в воду. А кто слил в Германию все золотые монеты царской чеканки?! Кто организовал АО «Нужник» и угнал в Европу весь золотой валютный резерв под видом экспорта унитафов?!

Ленин. Да! Кто?

Герцен. Кто просрал все золото страны, заявив, что наконец-то коммунисты нашли золоту применение?!

Ленин. Кто? Кто? И нашли!

Герцен. Кто устроил такую инфляцию, что лампочка стоила пять миллионов рублей?!

Ленин. Это была лампочка Ильича!

Герцен. Кто продавал за бугор картины из Эрмитажа? Проклятый царизм их полтора века скупал, а ваши большевички за сто лет ни фига же не купили, только жалкие подачки принимали!

Царь. Александр Иванович, а что ж вы так поздно поумнели?

Керенский. И вы еще вешали народу лапшу на уши про достояние республики? Вандалы!..

Сталин. Не надо считать большевиков глупыми. Мы старались продавать буржуям подделки.

Герцен. А подлинники?

Сталин. А подлинники – другим буржуям.

Ленин. Батенька, вы не понимаете. Когда советская власть будет везде – какая разница, где золото, а где картины?

Герцен. Есть разница! Я не хочу быть везде. Я хочу быть там, где мое золото. С ним вместе от вас подальше.

Керенский. Но ворюги мне милей, чем кровопийцы!

Сталин. И ты сиди тихо в своем Нью-Йорке, пока с небоскреба не упал. Надо бояться своей молитвы – она может сбыться. А то звали, звали – и назвали ворюг на свою голову. А он сегодня ворюга – а завтра кровь твою пьет. Диалектику учить надо. Если я граблю банк для революции – ничего, не сдохнут. А если банк грабит рабочих людей, и им детей кормить нечем – он уже не ворюга, он уже кровопийца. Ты понял? Ворюга сегодня излишнее украд, а завтра что ему красть? Тогда он последнее крадет. Хлеб крадет. Украсть хлеб – это убить рабочего человека.

Голос. Правильно, товарищ Сталин.

Сталин. Это кто? Почему не вижу?

Голос. Так съели меня, товарищ Сталин.

Сталин. В каком смысле съели? Вы на что намекаете?

Голос. В таком смысле намекаю, что соседи сварили.

Сталин. Зачем?

Голос. Так есть хотели. Голодно было.

Ленин. Это где же вас соседи съели, товарищ?

Голос. Так на Украине же.

Ленин. Я же приказывал заменить продразверстку продналогом! Коба, людоед, они что, так и ели друг друга, пока от России не отделились?! Это ты потерял Украину!

Сталин. Ай, они и сейчас едят друг друга. Такой характер. А что же мне было – из России им людей на съедение завозить?

Мать. Иосиф... Как я хотела, чтобы ты стал священником...

Чернышевский. Вот! Получил бы освобождение от пошлин на ввоз алкоголя и табака, организовал торговую коммуну, приносил пользу обществу, купил дома... Что делать...

Сталин. Я и стал священником, мама. Я стал не просто священником – я стал почти богом. Я основал новую религию! Люди молились на меня. Знаешь, как они плакали, когда я умер. Какие жертвы мне принесли.

Мать. Это была плохая религия, сынок.

Сталин. Религия не бывает плохая или хорошая. Религия бывает та, в которую верят, и та, в которую не верят. А чтобы поверили, нужно многих распять. Иначе тебя самого распнут.

Мать. А твоя собственная дочь не поверила. И уехала жить в Америку.

Сталин. В какой семье без урода? То с евреем спит, то с американцами живет. И откуда столько врагов у социализма, понимаешь. Конечно, я всего себя отдавал государству, некогда было заниматься семьей.

Коллонтай. А семья – это вообще пережиток буржуазного прошлого.

Ленин. Наденька, ты слышишь?

Коллонтай. Новым людям нужны свободные и полноценные половые сношения и крепкая дружба с товарищами и единомышленниками по партийной борьбе.

Царь. Вот теперь я верю, что страна пропала.

7.

Коллонтай. Половая жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так! (*Жизнеутверждающий жест.*)

Горький. Как?

Коллонтай. Чтобы не было мучительно больно (*морищется от воспоминаний*).

Горький. А если она ему не дается?

Коллонтай. Вы свою сноху имеете в виду?

Врач-вредитель. Алексей Максимович, вы перевозбудились. Туберкулез, знаете, нередко возбуждает чувственность. (*Делает ему укол.*) Расслабьтесь, отдохните.

Сталин. Да это история посильнее, чем «Фауст» Гете.

Коллонтай. Что мы строим, товарищи? Новую жизнь. Что нужно в первую очередь для новой жизни? Новый человек. Что нужно для нового человека? Свободное проявление естественных страстей. Во-первых, обеспечить всех презервативами...

Сталин. Презервативами? Маме твоей презерватив! Папе твоему презерватив! А кто будет рожать солдат? Ты будешь рожать солдат, проститутка?

Коллонтай. Рожают не солдат, товарищ Сталин.

Сталин. А кого?

Коллонтай. Детей.

Сталин. Подержал на руках, сфотографировался – и в солдаты!

Коллонтай. Подержал на руках, сфотографировался – и в дармоеды!

Сталин. Почему надо рожать дармоедов?

Коллонтай. Больше презервативов – меньше дармоедов.

Сталин. Сегодня дармоед – а завтра солдат. Непобедимая и легендарная!

Коллонтай. Сегодня дармоед – а завтра дезертир. С презервативом хоть хлопот меньше. Разве это солдаты? Кривые, хромые, слепые, плоскостопие, язвенники, невротики, пацифисты, педерасты, и у всех справки о врожденном идиотизме.

Сталин. Подожди, подожди... Слепой – поведем, кривой – направим, идиот – прикажем, педераст... почему педераст?

Коллонтай. Потому, что во-вторых – новый человек открыт для всех видов сексуальных отношений. Сексуальные меньшинства, национальные меньшинства, политические меньшинства – теперь все равны!

Сталин. Равны? Все? Кому? Конституционный демократ равен педерасту? Мы не понимаем.

Горький (*приходя в себя, слабым голосом*). Черти вы драповые, вы сами не понимаете, какое дело сделали. Неолиберализм – это фашизм в овечьей шкуре.

Ленин. Bravo, батенька!

Горький. Лысая сволочь... Вот чего ты не доделал – то они доделают, фашист говорит: я уничтожу твой народ, твою культуру, и заселю твою землю другим народом.

Сталин. Я ему так уничтожу. Я его самого уничтожил.

Горький. А неолиберал говорит: все люди хорошие, все люди равны, все культуры прекрасны, все сексуальные отношения правомерны, человек имеет право быть счастливым как угодно, если не мешает другим...

Керенский. Не лишено. Господа – не лишено!

Горький. И тогда – гомосеки, лесбиянки, наркоманы, дармоеды, дикари – все прут... и никого не укоротишь, суды продажны и запуганы, судьи тоже счастья хотят... и никого не выгонишь, шею не свернешь, дикий обряд не запретишь... а твой народ размножаться бросает, лень ему детей кормить, он жировать хочет... вместо литературы блядословие, вместо

искусства шизофрения – а как же, все формы равны... А жрать подай! Кровать подай! Развлеки, одень! Своих детей нет – вези мне гастарбайтеров из джунглей! Вот и все. И через сто лет – три-четыре поколения – нет твоего народа, и нет твоей культуры, и нет твоей страны, а земля заселена другим народом, с другой историей, другой культурой, другой религией и другой ментальностью. И никакой войны! Эвтаназия! Сладкая смерть расы! Ты поняла, безмозглая шлюха? Можно перерезать горло – дергаться будет, сопротивляться, и умрет в муках сейчас. А можно пихать ему в глотку пирожные, которые он любит, пока от обжорства сам не сдохнет – это путь чуть длиннее, зато верней и спокойней. Либерализм и фашизм – та ж хреновина, вид сбоку. Ты слов-то не слушай, ты по делам смотри результат! *(Плачет.)*

Коллонтай. Что вы имеете против лесбиянок?

Горький. Они не размножаются.

Керенский. Очевидно, по этой же причине вам не нравятся гомосексуалисты.

Горький. Нет. По этой причине они мне нравятся. Может быть, скоро сами вымрут. А пока меня тошнит.

Сталин. Вы что-нибудь имеете против лиц кавказской национальности, товарищ Горький?

Горький. Я бы не пожалел своей вечной жизни, товарищ Сталин, чтобы оживить вас на неделю – решить проблемы СПИДа и наркомании.

Сталин *(усмехаясь)*. А больше недели – боитесь, да? Зачем неделя – два дня. Торговцев наркотиками расстрелять, гомосексуалистов посадить, наркоманов – в лечебные лагеря. Ничего они не могут без Сталина, только бала-бала говорить.

Коллонтай. И это вы, коммунисты, говорите, что я зря боролась за отмирание семьи?

Керенский. Почему же зря. Если судить по результату – совсем не зря. Успешно отмерла! Правда, вместе со страной.

Коллонтай. Между женщиной и мужчиной во всем должно быть полное равенство!

Сталин. Ну давай, сними штаны, покажи свое полное равенство. Умнее Бога быть хочет, честное слово. Ты определись: или ты женщина, или ты мужчина, или ты билядь. А гермафродитов нам не надо.

Керенский. Ч-черт. Надо было сдавать Петроград Корнилову. Он бы перевешал всю эту сволочь... а потом бы мы договорились с государем насчет коалиционного правительства.

Ленин. Дурашка ты мелкобуржуазная. Это бы мы договорились с Корниловым, а тебя бы шлепнули, чтоб не путался под ногами.

Коллонтай. А с революционными матросами жили бы половой жизнью! Кто еще хочет Комиссарского тела, товарищи?

Брежнев. Я люблю женщин. Они мне нравятся. *(Целует Ленина.)*

Ленин *(вырываясь)*. А почему вы целуетесь с мужчинами?!

Брежнев. А я им нравлюсь. Дорогие товарищи, как хорошо, когда все хорошо. Не надо ругаться. Ну, немножко воруют. Немножко врут. Немножко уезжают. Но ведь жить можно.

Коллонтай. Это при вас не было секса в СССР, товарищ?

Брежнев. Секса не было. А дети были.

Коллонтай. А как же вы размножились?

Брежнев. Вот так *(хлопает ее по плечу)*. Методом марксистско-Ленинского учения. По всему миру.

Коллонтай. Но это же... просто порнография какая-то!

Брежнев. Я люблю порнографию. И народ любит порнографию. Если бы у них вовремя было больше порнографии, они бы не трогали руководящую роль партии. Для народа главное – колбаса и порнография.

Ленин. Эге, Ильич, а ты не так прост, батенька!

Брежнев (*читает по бумажке*). Дорогая Индира Ганди! (*Смотрит на Ленина, заменяет бумажку.*) Дорогой Владимир Ильич!

Ленин (*отбирает у него бумажки*). Ты без бумажек говори.

Брежнев. А зачем?

Ленин. А чтоб глупость твоя всем была видна, пень, пень!

Брежнев (*неожиданно ясным голосом*). А вы что думали, я не знаю, что все сыплется? Это товарищ Сталин построил нам такое хрустальное здание, дворец коммунизма в отдельно взятой за жопу стране! Чуть что тронь – и все стены поехали! Или концлагеря с могучей армией – или свобода с анархией и бардаком. А ты живи между милым началом и гадским концом, как акробат на канате! Мы и сопели осторожноенько. Волков немножко покормить, овец немножко постричь, диссидентов немножко посадить, автомобилей народу немножко сделать, мастеров искусства немножко наградить. Не трогай – не сломается! Не успел умереть – понабежали: мы, говорят, все сделаем как надо! И устроили тут, понимаешь, всенародное социалистическое соревнование по затяжным прыжкам в дерьмо! Прыгнут – и ну верещать: ой, а где же дно? Высовывается дикая рожа из нужника: это, говорит, социализм с человеческим лицом! Чтобы все сломать – ума не надо! А вот чтобы сохранять, да еще при этом дуриком прикидываться, чтоб товарищи по партии не сожрали... я еще поумнее вас всех!

Коллонтай. А красивый был мужчина, пока вставную челюсть не потерял.

Поручик. За что боролись?..

Комиссар. Не то построили.

8.

Хрущев (*втаскивая огромный магнитофон в деревянном корпусе*). Товарищ Сталин! А вот мне рабочие Украины подарили первый советский магнитофон. Хотите послушать?

Сталин. Вот вам доказательство, Владимир Ильич – совсем не все на Украине умерли.

Брежнев. А почему мне ничего не подарили?..

Коллонтай. А танцы будут, товарищи? Победивший пролетариат должен уметь веселиться!

Магнитофон (*пионерским Голосом*). И лично для вас, дорогой Никита Сергеевич – украинская народная песня «Реве тай стогне Днипр широкий»! (*Гремит рок-н-ролл. Вожди смотрят ошумело.*)

Горький. Это что?

Керенский. Ревет.

Царь. И стонет.

Хрущев (*растерянно*). Днепр...

Сталин. Хороший магнитофон. Мыкыта. Заведи еще что-нибудь.

Магнитофон. (*Голосом Хрущева*). А кровавого усатого тирана выкинем из Мавзолея к разэдакой матери!..

Сталин. Я бы хотел еще раз послушать.

Хрущев. Товарищ Сталин! Это ошибка! Я не хотел! Это был такой исторический момент! Политбюро настояло! Это плохой магнитофон!

Сталин. Хороший магнитофон. Ну ладно. Уноси.

Хрущев (*сгибаясь под тяжестью*). Мы догоняли Америку по технической оснащенности... первые опыты... перегнать!..

Сталин. Чтобы Америка ужаснулась твоему голому заду? Неси обратно. Еще хочу послушать.

Магнитофон. Сегодня мы не на параде, а к коммунизму на пути, в коммунистической бригаде с нами Ленин впереди!

Ленин. Черт возьми. Ведь верным путем шли товарищи.

Сталин. Мыкыта. Пляши.

Хрущев. Что плясать, товарищ Сталин?

Сталин. А что ты всегда под мою дудку плясал? Гопака пляши.

Хрущев (*пляшет вприсядку, выкрикивая*). А как на высоком дубу сидели! (*Тихо: «Суки...»*) Два сокола ясных! («Чтоб вы сдохли».) Один сокол Ленин! («Гадина...») Другой сокол Сталин! («Орел говноклюй...»)

Сталин. Хорошо. Мыкыта. Унеси магнитофон.

Ленин. А вы что, Иосиф Виссарионович, забрались в мой мавзолей, что ли?

Сталин. А что же, второй мавзолей строить было?

Ленин. Ну, знаете... Это все-таки не двуспальное купе.

Сталин. Делиться надо. Я же его построил – и я же не могу полежать в нем немного?

Ленин. Зубную щетку, жену и мавзолей ни с кем делить нельзя. Вы всегда манкировали нормами партийной этики.

Сталин (*пыхтящему Хрущеву*). Мыкыта. Принеси магнитофон.

Хрущев. Вот как начал в четырнадцать лет на шахте работать, Владимир Ильич, и всю жизнь не покладал рук! в поте лица!

Сталин. Рук он не покладал. Ты сколько народу на Украине расстрелял, лысый пузырь? А сколько в Москве? А сколько зря приказал положить на войне? В крови у тебя руки по самую лысину! А потом он решил меня из Мавзолея выкинуть. Скотина ты неблагодарная. Вредитель. Я тебя из праха поднял! Ты мне сапог лизал!

Хрущев. Все лизали! А куда деваться! Хватит! Нализались! Сыты по горло! Тут вам не там! Теперь сам нюхай свой сапог! Лиж себе что хочешь! Мы не позволим! Хватит! Набоялись!

Сталин (*ставит ногу на скамью*). Лиж.

Хрущев. Товарищ Сталин. Я готов выполнить любой приказ партии. И лично ваш, товарищ Сталин. Я все сделаю. Умоляю – не сейчас. Не здесь. У меня же должен быть авторитет в глазах масс. Я же продолжил ваше дело. В новых условиях.

Сталин. Подлая мужицкая порода. Только на покойника гавкать может.

Брежнев. А Никитка себе устроил культ почти как Сталин.

Хрущев. Ах, дал я маху, не расстрелял тебя в сорок девятом году. Вот, думал, хороший парень – симпатичный, туповатый, таких только и продвигать. И ты, ничтожество, меня отблагодарил – вышиб из Кремля на пенсию...

Сталин. Леонид, ты не прав. Почему ты его не расстрелял. А ты, Мыкыта, сам не прав. Тоже его не расстрелял. Совсем вы, русские, не понимаете, что такое власть.

Брежнев. Я тебя не расстрелял, потому что никто больше не хотел крови. Я тебя снял, потому что никто больше не хотел тебя.

Хрущев. Ах ты, молдавская дубина! Ах ты, жопа с бровями! В чей лимузин стреляли – не в твой? На кого кран роняли – не на тебя? Кто покушений боялся – не ты?

Брежнев. Я боялся? Я воевал на Малой Земле! Даже книжку написал.

Хрущев. Ой, держите меня! Он написал! Да ты писать не умеешь, ты и говоришь-то с трудом. Журналист сочинил, а ты только премию получил, елка ты с побрякушками! Он воевал! Да тебя взвод автоматчиков охранял, тебя к передовой близко не подпускали! Привезли, чтоб раздал в тихом блиндаже награды, и тут же отвезли обратно!

Брежнев. Лысый кукурузник, да от тебя вообще ничего не осталось, кроме анекдотов!

Хрущев. Ты знаешь кто? Ты консервы «Чучело в собственном соку». Сосиски сраные! Кукуруза ему не нравится!.. Заставь дураков богу молиться – они и Красную площадь кукурузой засадят. Я колхозы поднял! Колхозникам паспорта дал! Человека в космос запустил! Социализм аж на Кубе установил! Да от меня Америка со страху обосралась, что я ее раке-

тами разбомблю! Народу отдельные квартиры построил! Я даже этим гребаным художникам и поэтам дышать дал, мать их так!

Ленин. Батенька, а партия вас никогда не учила, что ни одно доброе дело никогда не остается безнаказанным?

Мать. Как я мечтала, чтоб ты выучился в городе на инженера, сынок...

Хрущев. Ничего, мамаша. Лучше средняя сообразительность, чем высшее образование. Что у меня, плохая работа была, или зарплата маленькая? Некогда нам было учиться, страной руководить надо было. Это вот нынешние учились. И выучились, засранцы! Во, любуйтесь, до чего эти интеллигенты доучились, чего наворотили! Образования – вагонами, а мозгов меньше, чем в жопе! Чтоб просрать страну, высшее образование не обязательно. Они, ты понимаешь, учились, чтоб пустить все по ветру!

Мать. И сын твой со всей семьей уехал жить в Америку...

Хрущев. Негодяи! Надо было их все же тогда разбомбить, и никто б туда больше не ехал. А ему вовремя ума вложить, через заднее место розгами!

Мать. Так, может быть, ты построил не то, если...

Хрущев. Я построил то! Это живут в нем... не те!

Мать. А те уехали в Америку...

Хрущев. Ничего! Рано торжествуют! Тем сильнее будет их разочарование, когда они сядут известным местом в лужу! Рано Америка радуется, ей еще предстоит столько бед, что к нам без штанов прибегут! Они очень скоро увидят, что это будет за жизнь в раю!

Горький. Никита Сергеевич, вы сделали немало хорошего, но все же по недостатку образования допускали ошибки. Вот я – я всем лучшим в себе обязан книгам...

Хрущев. Это которыми тебя в детстве дедушка по башке дубасил? А я вот всем лучшим в себе обязан розгам – и ничего, как видишь, кое-чего достиг. Голову – ее все же беречь надо, а через задницу – оно доходчивей, и мозги целы.

Горький. Не следовало вмешиваться в вопросы, где вы были малокомпетентны. Вы зря оттолкнули от себя интеллигенцию – ведь она формирует настроения общества, она чутко улавливает новые веяния. Вот ваши мастера культуры – с кем они были?

Хрущев. С бабами. Со стукачами. С водкой. С деньгами. С заграничными поездками. С квартирами. Со всем они были, чего надо! А в ответ? Мазня, стишки, подъябочки – да что такое! Ты у партии с ладони кормишься – так хоть встань ты на задние лапы, когда служишь, сука!

Ленин. Буревестник прав, товарищ! Всю эту интеллигенцию надо было собрать на пароход...

Сталин. И на дно.

Ленин. ... и отправить в Европу. Глядишь, к настоящему историческому моменту она бы уже и развалилась.

Хрущев. Интеллигенция?

Ленин. Европа. А лысина вам не идет, товарищ. Не надо меня пародировать. Я уникальная историческая фигура. А вы все-таки из свинопасов.

Керенский. Вот-вот. Шайка идиотов. Недоучившийся присяжный поверенный, недоучившийся семинарист, шахтер-свинопас и профессиональный комсомолец. Ну как – хорошо они вам наруководили?

Горький. Народ обладает огромными творческими силами.

Хрущев. Етицкая сила!

Керенский И овладевший грамотой бомж в качестве летописца.

Хрущев (*Горькому*). А что это у тебя за костюм? Штаны как клещи, понимаете, пиджак как балахон у него болтается... И этикетки везде иностранные. А этот павлиний хвост – это что, галстук? Ты на кого вообще похож? Ты вообще где видел, чтоб люди так одевались? За границей? Так и катись, если ты так ее любишь, видите ли! Рома-ан он написал! «На дне»! Мы

в космос летаем, а он, видите ли, «На дне-е»! А вот народ смотрит вперед и видит сияющие вершины, а вы можете сидеть на вашем дне! Отщепенец!

9.

Горький (*плачет*). Над седой равниной моря выются тучи, мчатся тучи небесные, вечные странники, облака плывут, облака...

Хрущев. Цели ясны, задачи определены – за работу, товарищи!

Ленин. Дайте энергичному товарищу бревно – пусть он его поносит.

Брежнев. Дорогие товарищи и друзья. На повестке дня один вопрос. Вот мы – лучшие люди своего великого народа. Сто лет мы сеяли...

Хрущев. И жали!

Сталин. И сажали.

Брежнев.... сеяли, как сказал наш классик Алексей Максимович, разумное, доброе и вечное...

Горький. Да? Как я хорошо сказал!

Брежнев. ...сеяли мы сеяли, а что возшло?

Ленин. Вообще-то уже должна была взойти заря коммунизма.

Сталин. Мировой пожар должен был взойти.

Брежнев. Я не понимаю, где же всходы? Если сто лет сажать – должно хоть что-то взойти?

Хрущев. Страна дураков! Стиляг! Потребителей! Сеешь кукурузу – а всходят сорняки! Полоть! Все на поля! Полоть!

Сталин. Мыкыта. Полоть или пороть? Надо уточнить.

Брежнев. Товарищ Индира Ганди! Позвони в колокольчик!

Герцен. Бумм!

Брежнев. Что, уже обед? Нет. Тогда продолжим. Сеяли...

Комиссар (*закуривая*). Я посею лен-конопель, я посею лен-конопель. Хорошая конопля возшла, приход с первой затяжки (*протягивает самокрутку Поручику*).

Поручик (*затягиваясь*). Политика – опиум для народа.

Сталин (*пыхая трубкой*). Терпеливому народу нужен опиум.

Брежнев. Вашу дискуссию прошу считать за одобрение. (*Читает по бумажке.*) На повестке дня вопрос: почему за сто лет у нас ни хрена не получилось? Политбюро думает, что нам попалась не та страна.

Герцен. Кто виноват?

Чернышевский. Что делать.

Горький. Отец – сделано!

Сталин. Спасибо.

Брежнев. Царь хотел, чтобы было хорошо.

Царь. Боже, как могло быть все хорошо... (*Премакивает глаза.*)

Брежнев. Гражданин Керенский хотел, чтобы все было хорошо.

Керенский. Я готов был отдать во благо России всю кровь до капли!

Ленин. Почему не отдал?

Брежнев. Владимир Ильич Ленин, вождь мирового пролетариата, мечтал о светлом будущем.

Ленин. Да, батенька, я великий кремлевский мечтатель.

Брежнев. Сталин хотел, чтобы тоже было хорошо.

Сталин. Могучая страна, могучий народ, могучий вождь.

Брежнев. Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической Партии Советского Союза дорогой товарищ Никита. Сергеевич? Сергеевич. Хрущев тоже хотел...

Хрущев. Хотел?! Я не хотел, я сделал! Ты вспомни, сколько я сделал!

Брежнев. Я сейчас не помню. Но хотел. И (*читает*) Леонид Ильич Брежнев тоже хотел. И вот мы здесь, товарищи!..

Мать. Если бы все умерли в детстве от скарлатины, я бы вас оплакала, и все было бы хорошо, сыночки...

Комиссар. Слушай, вот я сейчас думаю, и не могу понять: ведь они действительно чего-то хотели. Да еще как! Тут не то что щепки летели, тут я не знаю...

Поручик. Лес рубят – медведи летят. Если низко – к дождю, если высоко – в эмиграцию.

Комиссар. Так чего они хотели-то?

Поручик. У тебя какое образование? Ну да. Три класса и коридор. Власти они хотели, дурашка. Тоже мне, повестка дня.

Комиссар. А почему ж тогда так вышло?

Поручик. А потому что каналы (*тянет из фляжки*).

Комиссар (*чокается с ним*). А в заграницах?

Поручик. Там свои каналы.

Комиссар. Так ведь там сейчас лучше!

Поручик. Там лучше, где нас нет.

Комиссар. Н-ну, их счастье (*похлопывает по маузеру*).

Поручик. Это у них сегодня лучше. А завтра у них будет такое... Взвоят почище казачьего хора. Тоже понабегут толпой, устроят производственное собрание: за что боролись, не то построили.

Комиссар. Это империалисты все мутят.

Поручик. Брось ты. Это евреи все мутят.

Комиссар. Я попрошу! Тут у нас национальностей нет.

Поручик. Да? Интересно. Чего ни хватись – того у вас и нет. «Национальностей нет». Один нос крючком есть.

Сталин. Иногда наши классовые враги тоже способны высказать интересную мысль. Владимир Ильич, так кто был ваш дедушка Бланк? Ты, Вовка Бланк, я тебя спрашиваю.

Ленин. А кто в ссылке отказывался посуду мыть?

Сталин. Я не ложкой. Так кто был дедушка? Пират?

Ленин. Кто с абреками банки грабил?

Сталин. Я же тебе в Европу деньги отсылал, проклятый хитрожопый еврей!

Ленин. Не смейте трогать моего еврейского дедушку! Вы лучше скажите, что означает ваша фамилия «Джугашвили»? «Еврея сын», вот что она означает! Правда глаза колет, батенька? Евреинов ваша фамилия!

Сталин. Владимир Ильич, а ведь партия может найти вашей вдове другого мужа.

Ленин. А кто на царскую охранку работал? Кто архивов боялся?

Сталин. Да подавись ты своим еврейским дедушкой, мы не против. Ты русский, я русский, мы друг друга понимаем. Но вы должны согласиться – где евреи, там никогда не знаешь, чего можно ждать, только ничего хорошего нельзя ждать. Вы посмотрите сами – вот Израиль. Страна с гулькиной душой. А сколько шума, сколько волнений, сколько денег откуда? Я предлагал – поселить в Биробиджане...

Ленин. Приморье далеко, но страна все-таки нашенская!

Сталин. Собрать всех, поселить рядом с китайцами – конец китайцам будет. Все пересорятся, всё разворуют, – наш Дальний Восток спокойно жить будет.

Царь. Не лишено. Не лишено.

Брежнев. Я их никуда не пускал – а они все лезут и лезут.

Поручик. Ты слышал? Вот и ответ – почему ничего не вышло.

Царь. От этого народа всегда много головной боли.

10.

Троцкий. Что ты понимаешь в головной боли! Ох, голова просто раскалывается...

Ленин. Товарищи, у кого есть таблетка пенталгина от головной боли товарища Троцкого?

Сталин. Головная боль вождей таблеткой не лечится. Кстати, Лейба, ты ледоруб не забыл из головы вытащить? Не забыл. Ну, тогда может быть пройдет.

Троцкий. Твари вы неблагодарные. Евреи коммунизм придумали...

Мать. Сынок, а нельзя придумать, чтобы они его никогда не придумывали?.. Как я хотела, чтобы ты стал хорошим портным...

Троцкий. Да я лучший портной в мире. Я сшил саван всей мировой буржуазии!

Мать. Тогда почему она его не носит?

Троцкий. Ничего. Еще наденет. Никуда не денется. Не саван, так чадру. Освобожденные от мусульманского дурмана раскрепощенные народы востока, когда я создавал Красную Армию...

Сталин. Ты создавал Красную Армию?!

Троцкий. А кто еще ее создавал – ты, что ли, заурядность, серость, ничтожество? Ты сидел тихо, как мышь, и писал протоколы в своем секретариате. А я мобилизовал миллионы людей, сплотил их в непобедимые полки железной рукой, посылал в огонь фронты! Кто стоял на трибуне в центре – ты? Да тебя вообще никто не знал... писаришка! А я – еще когда я руководил Октябрьским восстанием...

Ленин. Вы-ы руководили Октябрьским восстанием?!

Троцкий. А кто же – вы, что ли? Владимир Ильич, ну побойтесь не Бога, так хоть Маркса! Пока вы там в гриме со своей накладной прической, как эстрадный певец, блуждали в темноте по подворотням, будто пустые бутылки собирали, я сидел в Смольном, возглавлял Революционный Военный Комитет, руководил штабом восстания и отдавал приказы частям! А вы явились в пять утра, когда Зимний мы уже взяли, правительство арестовали, попили чаю и легли спать. И тут вы – «всех собрать»! Речь он произнес!..

Ленин. Архиподлец. Может быть, и так. Но зачем настолько выпячивать свои заслуги? Это не по-большевистски. Меня просто задержали казачьи разъезды.

Троцкий (*загибает пальцы*). Свердлов – Красин, Урицкий – Володарский, Каменев – Зиновьев, Якир – Гамарник... Как надо чего-то делать – так давай евреев, все люди братья, всеобщее равенство, мы интернационалисты. Кун, сделай революцию в Венгрии, Либкнехт, сделай революцию в Германии, Парвус, дай денег, чтоб встать на ноги!.. А как все сделано – пожалуйста на китайскую границу, а демона революции Троцкого – ледорубом по голове! Герцен! Отвечай – кто твой папа, маму твою так?

Герцен. Кто виноват?

Царь. Господин Троцкий, но державу-то в результате порушили. Ведь даже моим расстрелом еврей командовал!

Троцкий. Коне-ечно, коне-ечно! Как Христа родить – так евреи, как ему обрезание сделать – так евреи, как к нему в апостолы пойти – так евреи, а как распять – так евреи во всем виноваты. Как Библию написать – так евреи, а как погромчик устроить хочется – так евреи виноваты. Как атомная бомба нужна – давай евреев, а как мир у них гибнет – так евреи уничтожают. Как в царя из наганов палить – так русские, а как им скомандовать – так еврей.

Сталин. А что, неправда, скажешь?

Поручик. Вот эта сволочь и приказала нас всех в Крыму расстрелять.

Троцкий. А что я виноват, что вечно зовут кого-то собой командовать? Не варяги – так татары, не немцы – так американцы! Не евреи – так кавказцы!

Сталин. Вы на кого намекаете, товарищ Троцкий? Или мало получили?

Ленин. Мы, разумеется, интернационалисты, но следует признать некоторый перекосяк в праве наций на самоуправление...

Царь. Боже, какое наивное варварство. Как только все они начнут, как вы изволили выразиться, самоуправляться, они тут же впадут в феодализм, в средневековье, в идолопоклонство. И все вековые труды по цивилизации окраин пойдут насмарку...

Троцкий. И если хотите знать, никакой я не еврей!

Сталин. А кто же ты – негр?

Троцкий (*гордо*). Я – революционер! Революционер не имеет национальности!

Поручик. Ты слышишь? Еще один. Революционер не имеет национальности, бандит не имеет, вор не имеет. Как кто чего сделал – его лишают национальности. Типа лишения гражданства или прав состояния.

Комиссар. Интересно, когда турки резали армян – они имели национальность?

Троцкий. Резали убийцы!

Комиссар. А турки не резали? А кто – бразильцы резали? (*Мориц лоб.*) Режешь – не турок. Зарезал, стал его землю пахать – опять стал турок. Потом грека зарезал – опять не турок. Потом в Германии работаешь – опять турок.

Сталин. В сорок первом году на нас напали немцы. А в сорок пятом мы разбили фашизм.

Горький (*оживляясь*). Я еще стихотворение написал – «Убей немца».

Сталин. Правильно написал. А потом мы приказали его назвать «Убей его». Правильно приказали.

Поручик. Могу сказать, почему у них все разваливается. Потому что они сами себе засирают мозги. Они сажают в тюрьму террориста, а выпускают из нее араба. Такое чудесное производство.

Троцкий. Мм-м, как трудно соображать, когда болит голова... И нет от этой боли спасения.

Поручик. Как своя – так болит, а как чужие стричь – так да здравствует мировая революция.

Троцкий. Неужели и здесь не кончается эта перманентная революция?.. Я думал иногда, что мы перегибаем палку, но не настолько же...

Ленин. А ведь это с вас, товарищ Троцкий, в стране началась вся эта ужасная проституция.

Коллонтай. Прекрасная профессия. Полезная, доходная, честная и экологически чистая.

Троцкий. А при чем здесь я?

Ленин (*дразнится*). А кто у нас политическая проститутка?

Троцкий. За то и не любите, что я ни под кого из вас не лег.

Ленин. О-ох... Зачем я только все это вижу... Мне плохо.

Сталин. А кому сейчас хорошо.

Ленин. Наденька!..

Крупская. Да, Володенька?

Ленин. Позови, пожалуйста, товарища Инессу Арманд.

Арманд (*баюкая Ленина вместе с обступившими его Матерью, Коллонтай и Крупской; поет*). Вихри враждебные веют над нами, злобные силы нас... вас... нас... злобно? гнетут-ут...

Ленин. Это и есть райские гурии? О господи, куда я попал... Правы были большевики – все это поповские сказки. Нет никакого рая на том свете, а только черт знает что такое. Отпустите меня, старые ведьмы!

Поручик (*под гитару*). За нашим бокалом сидят Комиссары, и девочек наших ведут в кабинет...

Брежнев. Я люблю девочек. И Комиссаров люблю.

Хрущев. Правильная мысль. Выпить после работы. Я поднимаю этот бокал за...

Сталин (*поднимая два рога с вином*). Мыкыта.

Хрущев (*быстро*). ...за дорогого и всеми любимого...

Сталин. Это не твои рога?

Хрущев. Хе-хе-хе. Ха-ха-ха. Никак нет. Вам виднее, товарищ Сталин.

Сталин. Я предлагаю выпить за то, чтобы товарища Хрущева положили в Мавзолей.

Ленин. Сейчас. Еще чего. Он толкаться будет.

Сталин. Дали успокоиться. И тут же выкинули вон! собакам! как падаль!

Хрущев. Товарищ Сталин! Это был просто политический акт! Ну вы же сами учили – все грехи сваливать на предшественников. Народ должен верить в вождя. А для этого все плохое надо приписать прошлому вождю. Для своего времени вы были правы. Но уж очень страшно всем было. От страха и работали хуже, ответственности боялись. Надо было воздуху-то подпустить, чтоб дальше страну двигать. А так-то я ничего.

Сталин. Так. А теперь – не страшно? А теперь – без страха работают лучше? Двинули страну? Кому двинули? Продували, да, раздербанили? Воздуху подпустили. Вон подпустили!

Троцкий. Боже мой, неужели нельзя хоть сейчас, спокойно, в дружеском кругу, выпить чаю, отдохнуть, поговорить спокойно о милых пустяках, вспомнить с улыбкой минувшие дни... неужели мы всей своей беззаветной деятельностью во имя высшей цели, всем своим святым горением и самосожжением не заслужили хоть час спокойной человеческой жизни? Ведь если я гореть не буду, и если он гореть не будет, и если мы гореть не будем – то кто же здесь рассеет тьму?

Горький. Дорогой вы мой человек. Где уж нам, дуракам, чай пить. Это вы в своем хедере беллетристики начитались. Люди, мол, просто сидят себе и пьют чай, а в это время складываются их судьбы и разбивается их счастье... А на самом деле – какой чай? Спирт. Шашку! Коня! Человек – это звучит гордо! А выглядит мерзко. Кто сказал? Не помню.

Ленин. Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество. Хм. Как-то коряво. Но ничего. Схавают. Да, вот, тоже, помню писателя. Не нашенский. Тоже написал. Про безумное чаепитие. Они там чай пили-пили, пили-пили, посуды грязной уйма, переругались все, девочку какую-то обидели.

Комиссар. Вот которые чай пили – они-то державу и пропили в результате. Это ж надо – чтоб от Японии до Англии зияла родина моя!

Врач-вредитель (*делает ему укол*). Это вы спрашивали, кто еще хочет Комиссарского тела? Нет? Ничего, все равно успокойтесь.

11.

Сталин щеточкой чистит сапоги. Заботливо отряхивает мундир. Держится рукой за сердце. Достает пузырек, капает в стакан, выпивает, ждет.

Ленин, приволакивая ногу, тяжело садится. Вытряхивает из трубочки таблетку и кладет под язык. Прикрывает глаза, тяжело дышит. Потом начинает поправлять старенький галстук, аккуратно поддевает брюки на коленях.

Троцкий макает тряпочку в миску с холодной водой и прикладывает к голове. Пенсне падает с носа в мисочку, он вынимает, смотрит, не разбились ли, вытирает и кладет на стол рядом. Опять макает тряпочку и прикладывает.

Брежнев с трудом падает в кресло, тяжело дышит, утирает слезы. Щупает себе лоб, считает пульс. Машет рукой и закуривает сигарету.

Хрущев хлопает рюмку и, накинув на плечи плед, садится сторбившись и пригорюнившись. Покачивает головой и вздыхает, шепча что-то.

Женщины хлопочут у стола, убирая грязную посуду, наливая чай и водку.

Поручик (*вертя наган*). Рука не поднимается. А зря.

Комиссар. Пресвятые угодники. Десница Господня.

Поручик. Что – тяжеловата шапка Мономаха?

Комиссар. Сик транзит gloria мунди.

Поручик (*глумливо*). Ударно потрудился – культурно отдохни.

Комиссар. А не отпить ли нам кофею?

Поручик. Отнюдь, сказала графиня. Наливай.

Царь, сняв мундир, штопает на нем дырочки.

Врач слушает легкие **Горького** через стетоскоп.

Керенский задумчиво рассматривает перед зеркалом платье сестры милосердия.

Чернышевский пишет и рвет, пишет и рвет, вставляет в подсвечник новую свечу и зажигает ее.

Герцен протирает колокол.

12.

Царь. Господа! У меня есть прекрасная мысль, господа. А почему бы вам всем тоже не отречься? Как будет счастлива наша многострадальная Россия, если наступит такое общественное примирение, господа!

Керенский. Bravo, гражданин Романов!

Сталин. Поздно. Кто отрекся – тому и капут.

Царь. Но ведь в итоге – кто не отрекся, тому тоже капут, как вы выражаетесь. Так чего ради мучить себя и людей?

Ленин. Дело делать надо, батенька.

Царь. Делали-делали. И вот мы здесь, господа. Так какое дело сделано? Что вы имеете в виду? Что государством должен управлять не помазанник Божий, а ваши кухарки? Ну, вот они поуправляли. Теперь упражняются в торговле разбитыми корытами.

Поручик. Давай пожмем друг другу руки.

Комиссар. И в дальний путь на долгие года.

Сталин. На Магадан, на Магадан ушел последний караван. Где же ты, моя Сулико?

Хрущев. Кукурузу посадим, свинок разведем, сало будет.

Брежнев. Футбол будем по телевизору смотреть.

Ленин. В шахматишки перекинемся. В городки.

Троцкий. На теплом солнце будем греться. Мемуары писать.

Герцен. Звонить перестанем. Деньги домой вернем.

Чернышевский. А нас за это в Сибирь не посадят. Как я не люблю Сибирь! Холодно, безлюдно. Что делать в Сибири интеллигентному человеку? Нечего там делать. У чукчей губернаторствовать, что ли.

Герцен. А как у меня уши-то заложило от этого колокола!

Арманд. У меня с этой революцией совсем дети от рук отбились. Все воспитание забросила. «Няня, принесите дитя». «Няня унесите дитя». На хрена нам такое раскрепощение?.. И климат в Москве мерзкий, а в Париже каштаны цветут...

Крупская. У тебя хоть дети есть.

Арманд. Ну ты тоже, тихоня – тихоня, а такого парня себе отхватила!

Коллонтай. Хоть лысый, а муж. Знаменитый, опять же. Господи, почему я не вышла замуж за интеллигентного человека. А ведь сколько было претендентов! Это бородатое матросское жлобье, не понимающее ни в душе, ни в сексе... Были альбатросы, а оказались хомяки, кроме защечных мешков – ни одного мужского органа. *(Выпивает и ставит засос Крупской.)*

Сталин. Мы награждали вас орденами, товарищ Коллонтай.

Коллонтай. И что? Я повешу их себе между ног вместо фиговых листков?..

Горький. Как же это с моим сыном вышло, товарищ Сталин? Я ведь все, что у меня было, положил на вашу чашу весов.

Сталин. С прибором ты положил, что я, не знаю. Ай, у меня у самого сын погиб, дай выпьем за них. А тебе что, тоже, трудно было написать роман «Отец»?..

Крупская. Володенька, я-а не знаю... но по-моему тут к тебе ходоки.

Ленин. Наденька, ну что ты говоришь такое, ну ты подумай сама. Ну какие здесь могут быть ходоки? Все уже отходились, успокоились, хватит.

Крупская. Но они стучат!

Ленин. Сюда охрана всяких там не пускает, ты что, все еще не поняла?

Мать. Наденька, как я тебя умоляла не связываться со всеми этими революционерами. Нет. Поехала. В Сибирь. Выходить замуж за ссыльного уголовника и шляться с ним по малинам.

Крупская. Мама, какой же он уголовник!

Мать. Головорез. Садист. Он зайцев прикладом бил, я сама читала.

Крупская. Он очень добрый! Он просто вырабатывал в себе беспощадность для будущих классовых битв.

Мать. И деточек у тебя от него не было.

Брежнев. А кто это стучит? *(Читает по бумажке.)* Кто там? *(Пятится от звуков гремящей пулеметной очереди.)*

13.

Махно *(он в незапряженной пулеметной тачанке, которая не то незаметно вкатывается, не то возникает из воздуха).* Всяких, говорите, еще не пускают? А не всякие сами въедут *(дает очередь над головами).* Ребятки, значит, в ямах навалом, а кто и в траве неприбранный остался, вороньем расклеван и зверьем сгрызен. А здесь, значит, командирский салон для особо почетных, чай-водка-бабы!

Ленин. Товарищ дорогой. Сейчас дело не в тех ребятках, которых похоронили или нет. Сейчас дело в тех ребятках, которым все еще предстоит. Партия учит смотреть вперед!

Махно *(дает ему бинокль).* Ну, посмотри вперед и расскажи, что ты там видишь.

Ленин *(смотрит, бросает).* О господи боже мой. Где вы взяли это мерзкое кривое стекло, товарищ?..

Махно. Да? А товарищ Фрунзе сказал перед взятием Перекопа, что это подарок мне лично от вас.

Хрущев. А ты что, брал Перекоп, громодянин?

Махно. А кто же?

Сталин, Троцкий, Брежнев. Я!

Махно. Забавно. А я что делал?

Ленин. Махновствовал.

Махно. Вот суки. Всем сукам суки. Когда вы сидели по щелям и грабили банки – я работал в типографии. Когда вы шлялись по заграницам – я парился на каторге. Когда вы окопались в Кремле – я воевал...

Ленин. Вы, батенька, бандит. Партизанщину развели!

Махно. Во гадина. А кто мне в восемнадцатом году говорил: «Мы немцам для политики Украину отдали – а вы их порежьте и выбросьте, грабить не давайте, мы вам поможем»?!

Ленин. Такой был политический момент.

Махно. У вас всегда такой политический момент, чтоб об народ ноги вытирать и в мозги ему гадить.

Царь. О. А я что говорил? Нет худшего господина, чем вчерашний раб. Простите, вы монархист?

Махно. Господи, что ж в России цари такие слабоумные... Анархист я, папаша. За свободу стою, за права личности, чтоб никакое государство человека не гнобило.

Троцкий. И вот этого человека я сдуру наградил орденом Боевого Красного Знамени за номером четыре.

Сталин. Ничего, Лейба. Ты же назавтра приказал после Перекопа расстрелять все остатки его шайки.

Махно. Остатки? Шайки? Семь тысяч бойцов, семь тысяч крестьян?

Сталин. Э. Нэ будем мелочны.

Хрущев (*косясь на пулемет*). Товарищи, у меня есть предложение. Город Гуляй-Поле переименовать к город Махновск и открыть там обелиск герою Гражданской войны Нестору Ивановичу Махно.

Брежнев. И наградить его орденом Октябрьской Революции за изобретение тачанки.

Махно. Есть другое предложение. Всех присутствующих повесить.

Поручик. Комиссар. Bravo! Бис!

Чернышевский. Что делать.

Герцен. Кто виноват.

Горький. О храбрый сокол!

Сталин. Наш человек.

Хрущев. Вам, конечно, понадобится подручный – веревки подносить, табуретки, и вообще?..

Брежнев. И кто-то должен читать приказы об этом.

Махно (*под тальянку*). Ой любо, братцы, любо, ой любо братцы жить, с нашими вождями не приходится тужить!..

Врач-вредитель. Укольчик не хотите для успокоения?

Махно. А вот повешу – и успокоюсь.

Троцкий. Всех не перевешаете!

Махно. Вот уж от тебя это странно слышать. Всех не всех, но уж для вас-то веревок не найти – это грех.

Сталин. Я же говорил – это специальный народ. Если ты ему служишь – он тебя накажет. Если ты его накажешь – он тебе служит.

Троцкий, Ленин, Сталин (*впрягшись в тачанку*). Всю жизнь тащили мы ярмо революции. Всю жизнь тащили народ к светлому будущему.

Хрущев, Брежнев (*подталкивая сзади*). Мы что, не могли нормально устроиться без всей этой нервотрепки? Ведь не для себя же старались!..

Керенский (*держась за подножку*). Да здравствует народ!

Коллонтай. Вот он, друг народа – пулемет!

Арманд (*похлопывая по стволу*). Есть в этом символе что-то фаллическое... убедительное.

Горький. Бурлаки на Волге.

Царь. Это все, что они везут своему любимому народу?

Махно. Тпру-у!.. сволочи...

Александр. А что так? Растрясли?

Махно. Я хочу понять – кто на ком едет...

Александр. Или вожди больные, или народ дурак...

Сталин. Как хорошо было бы управлять страной, в которой совсем нет никакого народа. Всё спокойно, везде порядок, никаких заговоров, никаких вопросов. А делают все – машины! Индустриализация. Вот о чем мечтал Маркс! На всей Земле – коммунизм, изобилие, порядок, машины! И лучшие люди во дворце. И – все.

Брежнев. Товарищи. Много уже сделано. Людей все меньше, машин все больше, а лучшие люди строят дворцы.

Сталин. Мы думаем, пора их сажать.

Горький. За этим у вас дело не встанет.

Махно. Пятнадцать лет я читал в Париже книги и все пытался понять...

Чернышевский. Что делать?

Герцен. Кто виноват?

Махно. ...почему всегда правят сволочи и почему внизу всегда обдираловка и бардак? А потому что гнусная сущность государства застав...

Троцкий. Нет, мой дорогой! Государство тебе что, с Марса по понедельникам завозят? Потому что гнусная сущность народа заставляет его организовывать себе гнусное государство. И необходимо железной рукой сдерживать эту гнусную сущность народа, а другой рукой поощрять его хорошую сущность, и делать приличное государство для его блага.

Махно. Эге! А кто же определит, где у народа сущность гнусная, а где хорошая, и каким быть государству?

Царь, Керенский, Ленин, Троцкий, Сталин, Хрущев, Брежнев. Я!

Поручик. Вообще-то мне иногда нравится вешать.

Комиссар. Ты что, так здорово.

Царь. Господа, шефствовать над народом – трудная и неблагодарная участь. Но вот если бы каждый из нас взял шефство всего над одним простым человеком и создал для него достойную жизнь...

Керенский. Вы уже брали шефство над Распутиным, Ваше Величество. Организовали ему заплыв по Фонтанке.

Горький. Вот в чем ваша ошибка. Это простой человек должен взять шефство над вождем, каждый – над каждым...

Махно. Гениально! И перерезать ему глотку. И зажить, наконец, спокойно и по-человечески. Вот – босяк, а соображает!

Ленин. Простой человек с пулеметом – уже не простой!

Сталин. А простой человек без пулемета – уже не человек.

Троцкий. Кто знает – много ли в Москве альпинистов с ледорубами? Кстати, какая фабрика их выпускает? Возможно, она нуждается в дотациях?

Горький. Денег на революцию больше не дам! Сначала используют, а потом отсиживайся от них на Капри... если дадут сбежать.

Ленин. Окститесь, батенька, отлеживаться пора, а вы все об отсиживании толкуете. А вот вы, товарищ Махно — ответьте прямо, честно, по-революционному: что там народ делает? Коротенько так, одним словом!

Махно. Одним?

Сталин. Адним.

Махно. Народ безмолвствует...

Сталин. А двумя словами можешь?

Махно. Безмолвствует и пьет.

Троцкий. А красноречивее? Ну – тремя?

Махно. Народ безмолвствует, пьет и ворует.

Царь. Так чего вы от меня хотите? У всех народ как народ, а у меня – боже мой, это же не народ, а кара господня...

Ленин. М-да. Вот, конечно, в Германии народ. Работает! Пьет – кружку пива после работы, для порядку! Ходить – строем, петь – хором. Эх...

Троцкий. Говорил я – начинаем революцию со Швейцарии!

Керенский. Вот, помню, в детстве. В цирке. Здоровенный мужик. Ему огромный чугунный шар сверху бросают, а он подбегает, наклоняется, хоп! – и ловит этот тяжеленный шар на загривок. Быка такой шар свалит! – а он держит. Чего держит? А если по башке? А это у него работа такая. Вот что-то в нем есть от русского народа... Ему – н-на! – а он: хоп! Ну а потом, конечно, звереет.

Ленин. Народ должен быть трудолюбивый.

Троцкий. Народ должен быть дисциплинированный.

Горький. Народ должен быть просвещенным.

Брежнев. Должен меньше пить и кушать. Потому что трудно напастись.

Царь. Народ должен быть богобоязненным.

Сталин. Скажем коротко – народ вообще должен. По жизни должен, понял. Народ? Значит, должен.

Махно. Народ еще всех вас переживет!

Сталин. А куда он денется?

Горький. Вы слышите гул? Этот гул рожден в недрах народных масс, вдохнувших свободы и пробужденных к свету!

Сталин. Тысячу лет гудело – еще погудит, ничего.

Керенский. Граждане! Разве мы не отдали все, что у нас было, ради служения России и русскому народу? Мы, – самые умные, самые энергичные, самые преданные и пламенные борцы? Так почему же...

Ленин. Почему же получается дважды два – сапоги всмятку? Мы же боролись...

Махно. Су-уки! Вы же боролись со мной! И друг с другом! Надо работать – они борются. Дышать не дают, пахать не дают, последнее грабят, нахлебники, захребетники!

Сталин. Вот так послушаешь – все помощники. Колупнешь – все вредители. Работать надо было, а не самогон пить в тачанке, товарищ Махно.

Махно. А жизнь такая, что не выпьешь – сдохнешь.

14.

Керенский. Ничего. Ничто не проходит даром. Еще будет в свободной России и демократия, и европейский достаток, и либеральная передовая экономика...

Царь. И православие. И монархия.

Троцкий. И стальные когорты несокрушимой армии!

Сталин. И мощь. И уважение. И все враги трястись будут и там, и здесь.

Горький. И расцвет свободных искусств, облагораживающий души счастливых людей новой России.

Ленин. Плод моего больного воображения... Кремлевский мечтатель!

Александр. Володя.

Ленин. Что? Что с тобой?

Александр. Знаешь, чего я хочу?

Ленин. Не надо!

Александр. Я хочу повеситься.

Царь. А вы застрелиться не пробовали?

Врач-вредитель. Есть прекрасные мягкие средства. Вот новое поколение предпочитает пепси.

Мать. Мать вашу всех, когда же это кончится!..

Ленин. Пролетарии всех стран, извините! Ну, ошибочка вышла. Но будет еще и на нашей улице... чаепитие!

Горький. Запирайте этажи, нынче будут грабежи!

Чернышевский. Что делать.

Махно. Что бы ни делал человек в России – а все равно его жалко.

Герцен. Бумм! Кто виноват?

Поручик. И что характерно – даже здесь: ни счастья, ни отдыха, а та же хренотень.

Комиссар. Если уж что-то произошло – так это навсегда. Хотя... в том и счастье, что ничего никогда не кончается. Все – дерьмо, а хочется чего-то... оптимистического!

Поручик. Шампанского!

И россыпью

Трибунал

Бриллиантовая Звезда «Победы» впивалась Жукову в зоб.

Он отогнул обшлаг, хмуро оценил массивные швейцарские часы и перевел прицел на часового. Часовой дрогнул, как вздетый на кол, отражение зала метнулось в его глазах, плоских и металлических подобно зеркальцу дантиста. Высокая дворцовая дверь, белое с золотом, беззвучно разъехалась.

Конвоир отпечатаг шаг. За ним, с вольной выправкой, но рефлекторно попадая в ногу, следовал невысокий, худощавый, рано лысеющий полковник. Второй конвоир замыкал шествие.

Они остановились на светлом паркетном ромбе с коричневыми узорами в центре зала, против стола, закинутого зеленым сукном. Конвоиры застыли по сторонам.

Жуков смотрел сквозь них секунду. Секунда протянулась долгая и тяжелая, как железная балка, сминающая плечи. И шевельнул углом рта.

– Почему в знаках различия? – негромко спросил он.

Под бессмысленными масками конвоиров рябью дунула тревога, внутренняя суета, паника. Правый, в сержантских лычках, с треском ободрал плечи полковничьего мундира и швырнул; на полу тускло блеснуло.

– Решения суда еще не было, – выговорил подсудимый.

– Молчать, – так же негромко и равнодушно оборвал Жуков. – Суд – ну?

Сидевший справа от него гулко покашлял, завел дужки очков за большие уши, из которых торчали седые старческие пучки, и хрустнул бумагой:

«Нарушив воинскую присягу и служебный долг, – стал он зачитывать, по-волжски окая, – вступил в анти-государственный заговор с целью свержения законной власти, убийства членов высшего руководства страны и смены существующего строя. Обманом вовлек в заговор вверенный ему полк, который должен был составить основную вооруженную силу заговорщиков...»

Прокуренные моржовые усы лезли ему в рот и нарушали дикцию. Жуков покосился неприязненно.

– Мог бы подстричь, – буркнул он.

– А?

– Хватит. Чего неясного. Полковник, твою мать, к тебе один вопрос: чего сам не шлепнулся?

– Виноват, – после паузы просипел полковник: голос изменил ему, иронии не получилось.

– Струсил? На что рассчитывал? Расстрел? Плац, барабан, последнее слово? С-сука.

Повешу, как собаку! Приговор.

Сидевший слева, потея, корябал пером лист. Он утер лоб, пошевелил губами, встал и поправил ремни, перекрещивающие длинную шерстяную гимнастерку. Широкоплечий и длиннорукий, он оказался несоразмерно низок.

«Согласно статей Воинского Устава двадцать три пункты один, два, четыре, семь, Уголовного Кодекса пятьдесят восемь пункты один, три, восемь, девять, десять, за измену Родине, выразившую... яся... в организации вооруженного заговора в рядах вооруженных сил с целью убийства высшего руководства страны... единогласно приговорил: к высшей мере наказания – смертной казни с конфискацией имущества. Ввиду особой тяжести и особого цинизма преступления... могущих последствий... через повешение».

– Следующий, – бросил Жуков.

Полковник сухим ртом изобразил плевок под ноги. Залысины его сделались серыми. Он повернулся налево кругом, сохранил равновесие и – спина прямая, плечи развернуты – меж конвоя покинул зал.

Жуков размял папиросу и закурил.

– Кто его на полковника представлял? Расстрелять.

Двое заседателей также щелкнули портсигарами. Левый, маршал в ремнях, предупредительно развел ладонью свои пышные усы, которые, в отличие от штатского, имел смоляные и ухоженные, и с грубоватой деловитостью, которая по отношению к старшим есть форма угодливости старых рубак, спросил:

– А с полком как будем?

– Старших офицеров – расстрелять. Остальных – в штрафбат.

– Так точно.

Правый член тройки кивнул серебряным ежиком, обсыпал пеплом серый мятый костюм и снова закашлялся.

– Если враг не сдастся – его уничтожают, – отдышавшись, проперхал он. – Если сдастся – тем более уничтожают.

Низкое зимнее солнце горизонтальным лезвием прорубило тучи. Подвески люстры выбросили снопы цветных искр. Зайчики вразбивку высветили роспись плафона. Обнаженная дебелая дама, обнимающаяся с Вакхом, выставила розовые формы. Штатский туберкулезник с трудом отвел глаза.

Следующий двигался расслабленно и устало. Он взбил височки, скрестил руки на груди коричневого бархатного пиджака и выставил ногу в обтянутой клетчатой штанине с выражением достоинства и непринужденности.

Однако донесся не изящный букет парфюма, но слабое удушливое веянье параша, кислой баланды, невытого белья – запах камеры, незабываемый каждым, кто удостоился однажды его нюхнуть.

Он откинул голову и озвучил тишину:

– Пока свободою горим, пока сердца для чести живы, мой друг, отчизне посвятим души прек...

Конвоир без замаха ткнул его в почку и подхватил оседающее тело.

– Говорить будешь, когда я прикажу, – сказал Жуков. – «Честь». Ну-ка, что там про его честь, ты, писатель.

Правый заседатель булькнул гортанью и перелистал, ища место:

«Встретив на Невском у Александровского сада Фаддея Булгарина, поинтересовавшегося у него, почему народное волнение и передвижение войск, и не знает ли он, что это происходит, отвечал ему: „Шел бы ты отсюда, Фаддей, здесь люди умирать на площади идут“. Но сам после этого, однако, на площадь не пошел, а вернулся до угла Мойки и зашел в кухмистерскую Вольфа, где и пообедал, выпил полубутылку „Шаго“, после чего поехал на извозчике домой, где и провел с женой все время до ареста...»

– Тьфу, – поморщился Жуков. – Повесить.

– Я бы хотел походатайствовать, – проокал правый и пососал моржовый ус. – Кондратий Федорович талантливый поэт, он мог бы принести еще много пользы нашей литературе. Союз писателей поможет. Прошу записать мое особое мнение – ну, выслать в Европу. Да! Для лечения. Душевной болезни. Явной.

– Добрый ты, Алексей Максимович, аж спасу нет, – сказал Жуков. – Походатайствовал? И ладно. Отказать.

– Он принесет литературе, – сказал маршал в ремнях. – Инструкцию, как шашки точить... Как там? – три ножа с молитвой в спину? Точильщик хренов! Вот самые вредные –

вот эти вот интеллигенты. Подзудят – а сами в кусты. Пожрал, выпил – и домой, к жинке под бочок. А другие за них рубай, значит, серая кость. Был у меня тоже один такой... комиссар, понимаешь... ну, недолго прокомиссарил, – он белозубо усмехнулся.

Рылеев хрустнул пальцами. «Жена не перенесет», – пробормотал он...

– Чего? Лагеря? Увести.

Истопник по дуге пересек зал, стараясь ступать деликатно в мягких валенках и, не удержав, с грохотом свалил березовую охапку на медный лист под высокой голландской печью. Свежо и мерзло запахло лесом.

Бухнула петропавловская пушка. Жуков раздул ноздри.

– Полдень. – Буденный потер руки и гаркнул: – Вестовой!!!

– Ты не в степи, Семен, – заметил Жуков, прочищая ухо.

Звеня шпорами, вестовой установил поднос и сдернул салфетку.

– Степь – это классика, – мечтательно отозвался Горький, дрожащей рукой принимая стопку.

– Ну, за победу, – возгласил Жуков, поправляя проклятую звезду.

– За нашу победу, – уточнил Буденный.

Выпили. Выдохнули. Потянулись вилками.

За второй Горький прожевал ком осетровой икры и заплакал.

– Вы даже сами не знаете... черти драповые... какое огромное дело вы делаете, – всхлипнул он, пытаясь обнять Жукова и роняя жемчужину с усов на огромный варварский орден, вмонтированный в его иконостас, скорее напоминающий пестрый панцирь.

– Вестовой! – рявкнул в свою очередь Жуков и сделал стригущее движение двумя пальцами.

– Так точно, – прогнулся вестовой, выудил из кармана кавалерийских галифе ножницы и двумя снайперскими щелканьями обкорнал плантацию классика до уставной ширины.

Горький взглянул в подставленное зеркальце и сотрясся.

– Читать легче будет, – утешил Жуков.

– И писать, – добавил Буденный.

– По усам не текло, а в рот попало. Ха-ха-ха!

– А хочешь, шашкой добрею, – предложил Буденный, нацедил из графина и подложил классика бутерброд с жирной ветчиной. – Ты ешь, ешь, сало – оно для легких полезное.

После перерыва ввели человека странного. Чернявый, тонкий, быстрый и дерганный в движениях, он напоминал муравья. Облачен он был в какой-то рваный балахон, а солнечный свет из окон образовывал в тонких всклокоченных волосах нечто в роде нимба.

– Муравьев-Апостол, – догадался Горький. – Как же вы, батенька, с такой-то фамилией – и на кровопролитие решились? – укоризненно выставил он желтый от никотина палец.

– В том-то и дело, что не смогли решиться! – отчаянно сказал Муравьев. – Шампанского ночью выпьешь у девок – так на все готов! А утром, на трезвую голову, да по морозу, на людей, на штыки посмотришь – и понимаешь: революция – это ведь потом море крови, не остановить будет... Спросишь себя – готов ли? А душа, душа не может...

– А не можешь – так не берись, дурак! – стукнул Буденный шашкой в пол. – Либо выпей перед атакой.

– К апостолам, – тяжело сострил Жуков.

Процедуру осуждения уложили в четырнадцать минут.

– После чарки дело всегда спорится, – подмигнул Буденный.

Свято место, которому не быть пусту, занял человек, которого Горький, накануне добравшийся, в чтении по обыкновению на ночь Брокгауза и Эфрона. до буквы «М», охарактеризовал как мизерабля. «Вот именно, – поддержал Буденный, также разбиравшийся в карточных терминах не хуже этого интеллигента, – мизер, а, бля! А туда же лезет».

Уловивший французское слово человек с болезненной надеждой воззвал к Горькому, торопясь и захлебываясь:

– Господа, я же во всем покался добровольно, все показал, господа. Я был обманут, меня использовали! Я не хотел, клянусь честью... клянусь Богом... На заседании все насели, все как один: «Цареубийцу придется покарать, иначе народ не поймет – Каховский, ты сир, одинок, своим уходом из мира ты никого не обездолишь – тебе выпадает свершить этот подвиг самоотвержения... – мне страшно вымолвить, господа!.. лишит жизни самодержца... – тирана, говорят, уничтожить, святое дело... Пожертвуй собою для общества!» Но я не стал, господа, я никогда бы не смог, не смел! Я был в состоянии тяжкого душевного волнения, в аффекте, господа!

– Чин, – тяжело отломил Жуков.

– Поручик! Обычный армейский поручик! Жил на жалованье, нареканий по службе не имел. Поили шампанским... поддался на провокацию. Завербовали! Французские шпионы! Я все написал, господа... Они пели «Марсельезу»!

– А ты?

– Не пел. Не пел!

– Отчего же? Выпил мало?

– У меня дурной французский, они смеялись! И слуха музыкального нет. И голоса... только командный, в юнкерском училище ставили. А они все – на меня: Пестеля в главнокомандующие, Трубецкого в диктаторы, Рылеев – мозг, гением отмечен, Бестужеву войска выводить – давай, Каховский, вноси лепту, убивай царя!

– Русский офицер, – брезгливо махнул Жуков.

– Гад-дючья кость, – ослепительно ослабил Буденный.

– Дорогой вы мой человек... – скорбно заключил Горький.

Жуков поворочил пухлую папку и приподнял бровь.

– Какой был военный смысл убивать генерала Милорадовича? – с недоумением спросил он.

– Солдаты сомневаться стали, – злобно вспомнил Каховский. – Герой войны, боевые ордена, раны, в атаки ходил пред строй. Его слушать стали, все могло рухнуть! Но я – я так... я не хотел... пистолет дали, и не помнил, что заряжен... я рефлекторно, господа!

– Генерала свалил – молодец, конечно... но это еще не оправдание, – решил Буденный. – Может, выслужиться хотел.

– Хоть один что-то пытался, и тот кретин, – подвел итог Жуков.

– На всех поручиков генералов не напасешься, – проокал Горький.

– Господа! Я дал все показания одним из первых! Совесть жжет меня, не могу ни стоять, ни сидеть спокойно с тех пор...

Горький покивал и продекламировал с печалью:

– Не могу я ни лежать, ни стоять и ни сидеть, надо будет посмотреть, не смогу ли я висеть.

Жуков скупно растянул губы. Буденный захохотал вкусно и, потянувшись за его спиной, похлопал Горького по плечу.

– Следующего давай.

Бестужев-Рюмин щелкнул каблуками и доложил четко. Буденный поинтересовался вежливо:

– Вы Рюмину не родственник будете?

Под столом Жуков пнул его генеральским ботинком и больно попал в голяшку.

– Так. Время позволяет. Дай-ка хоть с тобой разберемся. – Жуков откинулся в кресле. – Ты во сколько людей вывел к месту?

– В половине десятого утра все стояли. На площади.

– Стояли, значит. На площади. Чего стояли?

Бестужев вздохнул и потупился.

– Ну, и чего выстояли? Я – спрашиваю – чего – ждали????!!

– Своих... восставших. Мятежников то есть, – поспешно поправился он.

– Кого?! Откуда ждали?!

– Не могу знать. Князь Трубецкой обещал... Семеновский полк, про лейб-кирасир еще говорили...

– И до сколько стояли?

– До четверти четвертого пополудни.

– А дальше что?

– К конноартиллерийской полубатарее огневой припас доставили.

– И что?

– И взяли каре на картечь.

– И что?

– И... и все...

– Дистанция огня?

– Сто сажений.

– Досягаемость твоего ружейного огня?

– Сто пятьдесят сажений.

– Па-ачему не перебили орудийную прислугу?!

– Огневых припасов при себе не было.

– Па-ачему не было?!

– Утром торопились.

– А кавалерия где была?! – загремел Буденный, вступая. – В один мах достать! – возбужденно спружинил на полусогнутых. – Кого учили – кавалерией не пренебрегать? Да я бы с полуэскадром вырубил эту гниль!

Получил еще пинок в то же больное место и, кривясь, сел.

– Почему не взяли на штык? – продолжил Жуков.

– Упустили время.

– Почему упустили.

– Стояли...

– Чтоб у тебя хер так стоял!!! – взорвался Жуков и грохнул кулаком, сбив графин: звякнуло, потекло. – Козел! Кретин! Мудак! Кто тебя, мудака, в офицеры произвел?! Я спрашиваю – где учился?! Ма-ал-ча-а-ать!!! Повесить этого пидора! Повесить!

– Генерал Мале, – покашлял Горький, мысленно хваля себя, что так ко времени дочитал до «М», – поднимая восстание против Наполеона, сбежал из желтого дома. Из какого же дурдома, дорогой вы мой человек, сумели выбраться вы?..

– Семен, пиши. За отсутствие плана операции... За необеспечение материального снабжения операции... За полное отсутствие управления войсками в бою, повлекшее срыв операции и уничтожение противником вверенных частей... За полное служебное несоответствие званию и занимаемой должности... Твою мать, да тебя нужно было повесить до того, заранее, глядишь чего бы и вышло.

Буденный покрылся мелким бисером и зацарапал пером. Горький гулко прокашлялся в платок, высморкался и утер слезы:

– Голубчик, а вам солдатиков, зря перебитых, не жаль? С картечной пулей в животе на льду корчиться – это ведь не комильфо... в смысле – не комфорт. Похуже петли-то. А ведь всё русские люди, вчерашние крестьяне... вы же их обманули, они вам доверились.

– А нам, дворянам, только свой животик дорог, – Буденный обрадовался поводу оторваться от письма. – А солдатня, пушечное мясо, серая скотинка – это нам по хер дым, не колышет.

Жуков махнул рукой:

– Солдат вам бабы новых нарожают, Россия велика. Положил бы за дело – не жалко. Операция провалена бездарно. Преступно!

Стукнув прикладами, сменились часовые у дверей.

Князь исхитрился подать себя со столь глубинным скромным достоинством, что конвоиры на миг вообразились почетным эскортом. Изящен, как кларнет, причем отчего-то юный, подумал Горький, озадаченный странностью собственного сравнения. Эть, трубка клистирная, засопел Буденный. Жуковская ассоциация же была прямой, нецензурной и краткой.

– Ну что... диктатор... – он подался вперед. – Где ж ты был, когда пришло время диктаторствовать. В кустах?!

– В последний миг осознал всю тяжесть задуманного преступления. И не нашел сил свершить его, ваше высокопревосходительство, – веско отвечал Трубецкой, по-военному откусывая фразы.

– А почему тогда не вышел на площадь, чтобы остановить людей и развести по казармам?

– Не имел сил взглянуть им в глаза. И нарушить данное слово...

– А чего нарушил? Почему не вступил в обязанности? Не повел людей на дворец, не арестовал царя с семьей, не использовал растерянность и полное отсутствие сопротивления противника?

– Изменить присяге счел невозможным. – Князь коротко склонил голову с видом благородного сознания вины и полной за эту вину ответственности. – Я имел честь все изложить письменно, ваше высокопревосходительство. Показания мои приобщены к делу, там можно все прочесть.

Позади стола отворилась неприметная дверца в дубовой панели, и в ней появился Николай. Зеленый Преображенский мундир обливал статный силуэт с талией, утянутой в корсет. Он прошелся бесшумно позади судейских кресел, попыхивая короткой фарфоровой трубкой.

– Я полагаю – повесить, – заключил Жуков, обозначая затылком легкий кивок назад, в адрес верховной власти.

– Георгий Константинович, – мягким металлическим баритоном произнес император, – может быть, нам следует учесть чистосердечное и глубокое раскаяние князя Трубецкого, давшего добровольно показания на всех подследственных. И учесть ходатайства ряда известных лиц за представителя славной и древней фамилии? Возможно ли смягчить наказание? Я думаю, возможно.

Буденный готовно отбросил изуродованный лист и схватил чистый. Слезы Горького просветлели, сырые кружочки расплылись на серых лацканах.

Жуков увесисто вскочил, отшвырнув ногой кресло, подошел к большой карте Санкт-Петербурга на стене и резко раздернул на ней полупрозрачные кисейные шторы. Схватил красный карандаш и поставил большой крест на Петровской площади.

– Николай Павлович, – раздраженно бросил он через плечо, – вы мешаєте работать.

Выпуклые голубые глаза Николая ничего не отразили. Он постоял недолгое время и скрылся, бесшумно притворив за собой дверцу.

– Ты что, оглох?! Я сказал – повесить! – бешено повторил Жуков.

Буденный поменял листы местами ловко, как наперсточник.

– Я думаю, Государь вас помилует, – посочувствовал Горький Трубецкому, бледному после озвучивания приговора.

– О, благодарю вас, сэр, – отвечал тот почему-то по-английски, – родная мать не сумела бы утешить меня лучше.

– Я ему помилую, – тяжело пообещал Жуков. – Главнокомандующий хренов. И пусть только веревка порвется!

В это время в своем малом кабинете Николай позвонил в начищенный серебряный колокольчик и приказал вошедшему с поклоном секретарю:

– На завтра – подготовь на подпись указ о назначении Жукова... м-м... ну, скажем, командующим Одесским военным округом. – Поднялся, продефилировал к окну, пыхнул трубочкой, пробарабанил пальцами по зеленоватому венецианскому стеклу в свинцовом переплете. – И, кстати, о назначении следственной комиссии по его хищениям. Не много ли трофеев приволок из европ наш герой. Уж больно крут стал. Пора бы его... равноудалить.

Дальше. Где там у Горького недвижимость? На Кипре?

– На Капри, ваше императорское величество.

– Один черт. Вот пусть туда и катится. Тоже... борец за свободу слова. Еще мне только шелкоперы государственных преступников не защищали. Ничего, обойдется Союз писателей без заточек этого барда. Дать письменнику на лекарства и пригрозить следствием.

– Буденный? – спросил секретарь, переламываясь в пояснице, и нацелился пером.

– На чем он там играет? На волыне? На баяне, – Николай поморщился. – В ансамбль Моисеева. Да не того! – к старому. Пожарным инспектором – за неимением кавалерии. Как там у Покрасса? – «Мы красные кавалеристы, трам-пам-пам!...»

Подполковник Ковалев

Мелкая нервотрепка... не бой даже. Хлопнул гранатомет, вылетел из зеленки трассер. Скатились с матом, засадили из всех стволов, башенная сварка отстучала по листве; сдвинулись, отошли... Утихомирилось.

День был ветреный, сизая туча валилась через хребет. В тишину возвращались звуки: каменистая речка гремела на перекате. Ковалев оглядел своих, втянул ноздрями, махнул рукой: полез на броню. Притерся на твердом, упер каблук в лючок амбразуры. Тут все и произошло.

Судя по удару, это была крупнокалиберная пуля из снайперки на излете. По лицу огрели оглоблей. Подпрыгнуло и взорвалось. Спустя черно-искристый миг очнувшись, Ковалев схватился за лицо. Где нос непонятно ощутилась пустая маслянистая ровность.

Сержант Лехно утверждал, что видел всплеск, когда в воду что-то упало. Первое отделение зашурудило в брызгах, чтоб нос найти и после, если получится, пришить в госпитале, а там в Ростове или даже в Москве пластические хирурги все смогут поправить как было. Но течение несло бесследно. Зачистили по возможности участок реки, зачистка результатов не дала.

Санчасть, водка, госпиталь, тоска, комиссия. Сон: глотаешь кровь и задыхаешься.

В принципе офицер без носа служить может. Без многого служат. Танкисты иногда и не так горели, и ничего – после лечения возвращались в строй, даром что лицо составлено из розовых кукольных протезов. Но вообще не принято употреблять офицера без носа. Начальство сочло, что увечье деморализующе воздействует на личный состав.

И Ковалева подвесили на нерве. Собрались вчистую уволить, потом в кадрах сжалились – куда строевик-подполковник без всякой гражданской специальности, и вдобавок без носа, денется, с крошечной неполной пенсией? В семье настало – жрать нечего. Пороги, адъютанты, телефоны поднявшихся по службе однокашников. Выбил назначение в военкомат.

Колеса – тук-тук: стрельба снится все реже. Прибыл, доложил – кабинетик, стол-телефон, сейф с макулатурой под портретом президента. Чемоданы в снятой комнате – под кровать и на шкаф. Ну – с новосельем!

– Живы будем, подполковник!

– Ты ешь, милый...

Видуха по делу – страшноват. Но со временем привык и ко взглядам, и с зеркалом договорился. И окружающие приняли, встроили в свою жизнь. Страшноватость словно отлакировалась привычкой и приобрела своего рода индивидуальную законченность. Проявилось сход-

ство не то с генералом Лебедем, не то с чемпионом мира по боксу в среднем весе Свенот Отке. Вполне мужественные вывески.

Что попивать стал – жизнь офицерская. (Ну, всучат замвоенному всяко-разно по мелочи.) Вот что с женой разошелся... а кто сейчас без развода в биографии. И даже самый аристократический нос от этого не гарантирует. Иногда наоборот – добровольно нос отдашь и уши впридачу, лишь бы развестись. Нормальной бабе нос по фигу, она к другим качествам тянется. Хорошо хоть дети уже школу кончают... половину зарплаты Ковалев сам отдавал, без всяких алиментов.

Так что жил подполковник – нормально. Служба в конторе, по часам от и до, ночуешь дома, выходные твои. А что призывников по щелям отлавливать приходится – так это лучше ведь, чем чечен из гор выковыривать.

В окружном госпитале нищета. Спустия время напрягся – съездил в отпуск в Москву. А там все куплено – не пробьешься. Его направление отфутболили не глядя. Ну, записался на пластическую хирургию в приличную клинику. Очередь – года четыре. За большие деньги – свободно, но откуда у офицера эти тысячи долларов, если не ворует? А взятки Ковалев не брал. Бутылку мог, а деньгами – не переступал. Может, и дурак.

Один урод и вопил, что, видно, мозги ему отстрелили, а не нос, если он за штуку баксов не может белый билет нарисовать – не взял Ковалев штуку, а сучонка законопатил в погранцы на Чукотку. Пусть послужит.

Короче, весело-нет, дела устоялись. Из душевного равновесия вышиб его телевизор. Если гадский ящик смотреть подольше – он кого хочешь вышибет. Борец сумо по сравнению с нашим телевизором – это былинка на ветру... но не будем отвлекаться.

Вечер был субботний. Ковалев смотрел репортаж из Чечни. Он выпил, полил картофелину маслом из консервной банки и потащил сигарету. Погнали хронику из лагеря боевиков, заснятую каким-то западным телевизионщиком. Чисто экипированные ваххабиты раскинулись вокруг костра и напоказ ласкали оружие. Огрызки полетели по полу.

Нос был повязан зеленой косынкой, под ней горели глаза из смоляной бороды, но узнавался сразу – хрящеватый, нервный. На коленях он держал гранатомет, а в руке – кусок жареного мяса. Он отложил мясо, вытер пальцы о траву и зашпарил по-чеченски – гортанно.

Ковалев засадил полный стакан и протрезвел.

– Мы будем сражаться за свободу нашей земли до последнего бойца, – плел мелодию неодоушевленный перевод, почему-то женским голосом. – Никогда неверные собаки не покорят наш народ... – И так далее.

Ночью Ковалев пытался собрать мысли. Мысли были одеты в камуфляж и перемещались по штабной карте. На ней пушился хлопок, и Армстронг ревел, как установка залпового огня: «Let my people go». Ковалев грохнул в стену так, что у них там что-то упало, и соседскую музыку обрезало.

Назавтра у Ковалева исчез мизинец на левой руке. Замотано тряпкой, и расплылось красное по тряпке. Он сходил в винный и подумал про обычаи якудза. Не вспоминалось... В раковине с грязной посудой обнаружилось бурое на ноже. Господи, черт, сука!.. Рыл вещи, мусор, грязное белье, греб пыль из углов веником – палец не находился. К темноте, пlying под пиво, решил позвонить знакомых. «Никто не понимает. Они не понимают.»

Он увидел его через месяц по телику: показывали вручение какой-то литературной премии. Мизинец, маленький и не слишком аккуратный, странновато прогнутый в обратную сторону, сноровисто и жеманно хлопал рюмку за рюмкой и поглощал бутерброды в невероятном количестве. «И куда в него лезет», – позавидовал Ковалев.

Вспомнилось, как перед свадьбой написал стихотворение жене. И еще на третьем курсе – в стенгазету к 23 февраля. В библиотеку записаться, что ли; время есть.

А вскоре обнаружился и безымянный – в передаче «Моя семья». На нем по-прежнему блестяло обручальное кольцо. Он без стыда рассказывал о своем фиаско в семейной жизни, напирая на то, что жена вечно пеняла ему за безымянность и бедность, и вообще за слабость во всех смыслах. Ведущий кивал поощрительно и подливал сок, разворачивая пачку этикеткой к экрану. Зрители ошарашивали бестактными вопросами и давали столь же бестактные советы, но Безымянный совсем не смущался, а наоборот, цвел и чувствовал себя как рыба в воде. Комариная иголочка ревности к его славе, пусть сиюминутной, кольнула Ковалева под ложечку.

И шквал запахов рванул и понес. Фруктовый сок, пузырящийся в толстом стакане ведущего, оглушил терпкой свежестью раскушенного зеленого яблока, яблоневый цвет дурманил, прорезался из забытья запах маминой юбки и убаюкал, сортирная хлорка и курсантская кирза покрыли его, осадил глотку соляной выхлоп брони, пороховая гарь прослоилась теплой детской пеленкой, пыль плаца, пот жены, железнодорожный мазут, снег в поле и орудейный металл, прохладный лес, каленая степь, тяжелый шелк и мокрая псина, а потом все стало стягиваться, как парашют в ранец, как джинн в бутылку, и последним исчез запах окурков и дешевой водки. В госпитале рассказывали про фантомные боли и ощущения. Ковалев после ранения запахи не воспринимал.

Он подавил желание осмотреть всего себя в зеркале, для сна запил две таблетки стопарем и вырубил ящик на хрен.

Утром болела голова, а в субботу возник большой. Он угрозился в полуночной программе «Хорошо бы!» и был массивен здоровой полнотой жизнелюба, отрастил пушистые каштановые усы и по любому поводу, которого касался, растягивал румянец в аппетитной улыбке: ехидно восторгался, что все хорошо, жизнь – во! – на большой с присыпкой. Ковалев невольно заржал, а после возвысился до мук философского противоречия: ненавидеть его за предательство – или радоваться, что хоть кто-то свой хорошо устроился.

А вот судьба указательного и мизинца с правой руки сложилась иначе. Они взяли Ковалева на гоп-стоп в собственном подъезде, объяснив, что за пальцовку отвечать надо. Били злобно, причем указательный орудовал куском шланга, а мизинец – кастетом. В старые времена Ковалев положил бы их на месте – а теперь отобрали кошелек с двумя сотнями рублей и сняли «Командирские» с именной гравировкой: «Майору Ковалеву за проявленную храбрость от командования».

«Убивать, – бормотал и кряхтел он у крана, обмывая ссадины. – Убивать...»

После того, как правый средний попал к нему в призывной команде и отказался идти служить, мотивируя слабым здоровьем и трясая кучей справок, Ковалев понял, что из армии пора увольняться. Пенсия с гулькиной фиг, но кормятся как-то люди. Можно подрабатывать, в конце концов, хоть охранником, хоть кем. Из его выпуска половина уже на гражданке.

«Комсомолку» он иногда подцеплял из соседского ящика проволочным крючком. Но читал аккуратно и назавтра обычно совал обратно. Увидев на развороте культуры статью про художника Ван-Гога и «Автопортрет с отрезанным ухом», он похолодел от ужаса. И подтвердилось: это было как раз 20 декабря. День чекиста, транслировали праздничный концерт – и его ухо сидело в зале и слушало, как Олег Газманов на сцене поет: «Офицеры, офицеры, ваше сердце под прицелом». Все встали, и ухо тоже встало. Справа у него проблескивал орден Красной Звезды, а слева «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени.

– Тварь, – прошептал Ковалев. – Уж наверное у меня заслуг больше, чем у тебя! – У него самого орденов не было.

А другое ухо то и дело проскальзывало на канале «Культура»: оно млело на всяких симфониях с видом необыкновенно значительным, как бы говоря: «Вы вот дерьмо и серость некультурная, а для меня нет выше наслаждения, чем классическая музыка». Ковалев всегда вспоминал, как именно в это ухо ему засветил комбат Жечков, когда сам он еще командовал

ротой в Приднестровье, и ухо с тех пор слышало туговато, а после артиллерийской стрельбы пару дней в нем гудело и бухало. «И сейчас поди бухает», – злорадно думал он.

Характер ставили в училище – на всю жизнь. Победил – молодец, побежден – дерьмо: копи силы и добейся реванша. Но к какому месту прикладывать силы, чтоб жизнь была посправедливее? Все врут свое и рвут свое. В полнолуние Ковалев даже проснулся от умственного усилия.

Синяя луна лезла в окно, как раскормленный вурдалак. Тень обедков на столе чернела резко, как горный пейзаж. Крошечная камнедробилка хрустела под плинтусом: мышь разбиралась с коркой. А на ум шел только комбат-2 Жека Камирский по кличке «Джек-Потрошитель».

Новым смыслом обогатилось выражение «играть в ящик», и не унимался ящик. Далекая Америка запестрела в нем, конкретизировалась титром «Русская», и левая нога выступила на фоне Манхэтгена. Она не просто свалила туда, а еще и умудрилась получить статус беженца, как инвалид войны. (Ранение-то было – царапина.) И что ей, суке, стоило взять Ковалева с собой? Ведь неплохо, казалось бы, жили. Ну, бывал сапог тесен, ну, гудела иногда после марша, но ведь сам, своими руками, мыл ее, носки ей менял, ногти стриг.

В стиле «привета друзьям» она звенела, что Америка – идеальная страна, она с детства о ней мечтала и учила английский, у нее бесплатная квартира, медицинская страховка, талоны на питание, и здесь наконец она обрела заслуженный отдых. Декларацию разнообразили одесские нотки и неуклюжие американские обороты. Ну не гадина ли?

А левая рука, проявив неожиданную ухватистость, путем неясных комбинаций проскреблась в депутаты Госдумы. И там проголосовала за секвестирована бюджета и пересмотр социальных статей, и пенсию Ковалеву не индексировали – напротив, лишили бесплатного проезда на транспорте, пообещав надбавку в будущем.

А однажды утром выяснилось, что ушел Федор. Федор – потому что на самом деле Ковалев звал его Хфедей, а Хфедя – потому что на букву «х». Сами понимаете.

Хфедор известил, что возвращается к жене, и из контекста рассказа Ковалев понял, что он считает его жену, Ковалева, собственной. Они жили душа в душу, разливался Федор, и жена упрасивает его переехать к ней. А Ковалев сам виноват, что полноте жизни предпочел водку и казарму, тем и подорвал здоровье. И нудил про диету, простату и зарплату.

Еще несколько раз он заходил – в новом костюме, крепкий, наглый, и забирал всякие мужские мелочи вроде лезвий и резинок. В последний раз за окном зафырчала машина, и Ковалев успел разглядеть, как жена обняла Федора и поправила ему галстук. У Ковалева помутилось в глазах, и про мокрое на щеках он понял, что это слезы.

Он переживал долго, пытался презирать; и машина у них откуда. Жена жила бедно, а Федор – и того беднее. Вечерами вьелось в привычку строить предположения. Одно из предположений позднее подтвердила уголовная хроника: Федор связался с группировкой, торговавшей живым товаром – продавали девчонок в арабские страны.

«Всегда был беспринципным, подонок», – прошипел Ковалев.

Федору ломилось двенадцать лет, но адвокат отмазал: четыре условно. По манерам адвоката можно было предположить не только то, что его хорошо подмазали, без этого сейчас не бывает, но и то, что Федор сменил ориентацию. Ковалев почувствовал позыв к тошноте. Несмотря на армейскую закалку, в некоторых отношениях он был брезглив до чрезвычайности.

Впоследствии Федор сделал мелкую карьеру на эстраде: пел с подтанцовкой двусмысленные песенки, обнажаясь до неприличия. Следовал моде: стриг капусту.

Но жопа, жопа! Если вас шокирует слово, по паспорту она стала Женей, даже Евгенией, но так ее все равно никто не называл. Годами более или менее исправно делая свое дело, исполнительная, хотя и туповатая Женя дослужилась до министра культуры, провозглашала тосты на банкетах и даже вела собственное ток-шоу. И ей поддакивали!.. Она носила очки, морщила

то, что служило ей лбом, и произносила речи о восстановлении национальных культурных традиций.

Однажды пьяный поэт-постмодернист обзвал ее старым именем, и в результате она лишила его гранта на проживание полгода в Мюнхене и загаскала по судам, выиграв иск о защите своей чести и достоинства.

Да что Женя – даже правый ус, нещадно дерганный до нервного тика, вечно обкусанный, побуревший от никотина ус устроился в ГАИ и собирал поборы на асфальте. Но этот хоть иногда ставил бутылку.

И волосы разбрелись кто куда...

Ковалева хоронили в августе. Было воскресенье и годовщина чего-то. Кладбище было запущенное, с березами и просторным небом. Ковалев лежал в гробу маленький и скособоченный, словно с одной стороны у него не хватало ребер.

Нетрезвые, как принято, могильщики меж собой пожали плечами, что покойника в столь скромном чине и без особых наград провожает почетный караул. Правда, он состоял всего из нескольких человек, но эти несколько были в краповых беретах, хотя некрупные, но коренастые, крепкие, и встали они к плечу плечо ровно, как зубы во рту.

От залпа «Калашниковых» слетели первые пожелтевшие листья. Отстрелянные гильзы блеснули, и одна цокнула по старой мраморной плите за спинами.

Потом две белые гвоздики положила на холмик единственная присутствовавшая девушка. Она была не столько стройной, сколько худа, даже костлява, но лицо имела своеобразной красоты, прозрачное, как бывает у балерин. Хотя было в этой красоте и что-то злое, жестокое, если приглядеться.

Вольнонаемная, что ли, подумал могильщик. Какая-нибудь связистка.

Исповедь любовника президента

«Дожили...» Вот единственная мысль – если только это банальное выражение сокрушенных эмоций можно облечь в гордое слово «мысль», – которая возникает при чтении первых же страниц этой книжицы, чтобы не покидать читателя уже до конца.

Слава богу, что издание лишено фотографий. Но и без них четыреста страниц дешевой бумаги, скрепленных скверным клеем и вышедших в некоем сомнительном Средне-Уральском Книжном Издательстве (чего стоит уже одна аббревиатура!..), стали очередным скандальным бестселлером, выделяющимся низкопробностью даже на общем фоне сегодняшней макулатуры, захлестнувшей книжные лотки.

Читатель, видимо, уже догадался, о чем речь. В наше время лишенной малейшего намека на застенчивость повальной рекламы женских гигиенических средств и контрацептивов, когда телеэкран поощряет семейное застолье обсуждением проблем менструации, название книги кричит само за себя. Все на продажу, деньги не пахнут, грязное белье как знамя борьбы за славу и высокие гонорары.

Содержание книги, как всех подобных «произведений», крайне несложно и в принципе совершенно предсказуемо – хотя в то же время абсолютно непредсказуемо в умопомрачающих деталях, на чем и строится нехитрый коммерческий расчет автора и издателя. Президент, как вы понимаете – это не президент какой-то фирмы или банка. Элементарный такт диктует нам ограничиться вынесенной в заголовок книги должностью того, о чем любом чихе много лет ежечасно оповещали экраны телевизоров и страницы газет. На всякий чих, как говорится, не наздравствуешься, но мимо данного чиха на все приличия пройти без внимания невозможно.

Фамилия автора – Голобоков – в Сибири достаточно распространена. Как распространено и всплывание в последние годы бывших комсомольских работников в качестве директоров разных фирм и фирмочек, фондов, банков и издательств. К тексту явно приложил руку

журналист провинциальной школы. Ибо в истории советской и постсоветской литературы неизвестен ни один случай самостоятельного написания даже простейшей брошюры кадровым комсомольским деятелем – в то время как обороты типа «усталые, но довольные», «теплая рука матери», «добрые усталые глаза учительницы (майора, рабочего, директора)» ковались в областных и районных кузницах профессионалов пера.

Итак, юный пионер Саша Голобоков естественным путем эволюционирует в юного комсомольца, носящего то же имя. Он хорошо учится, занимается спортом и мечтает быть в авангарде борьбы за счастье всего трудящегося человечества. И в восемнадцать лет, еще допризывником, став после школы освобожденным инструктором райкома комсомола, делегируется на съезд ВЛКСМ в Москву. Пока ничего интересного – стандартные мемуары, которыми были в свое время забиты все историко-партийные редакции областных издательства. Видимо, автору очень дороги ностальгические детство и юность, «чистоту» и «романтичность» которых он неоднократно подчеркивает, если только в четвертой главе он переходит к тому, ради чего, собственно, и написана книга.

После торжественного открытия и первого дня действия в Кремлевском Дворце Съездов следует вечерний банкет. Мелочь вроде райкомовских инструкторов и совхозных передовиков сгруппирована в углу, вазочки с икрой там расставлены на столах пореже, а этикетки на водочных бутылках наклеены подешевле. И однако обилие и изысканность трапезы, а главное – замкнутая, кастовая избранность общества, к которому оказался причастен юноша, наполняет его сакральным чувством участника тайной вечери. Чувство это празднично дополняется тем фактом, что в гостиничном номере каждого делегата ждет съездовский сувенир: кожаный дипломат, нейлоновая сорочка и ондатровая шапка – джентльменский набор молодежи той эпохи.

Тут-то, падла, все и начинается. Традиционным языком литературной рецензии дикий кайф дальнейшего передать в нюансах невозможно.

Этот пир хищников, каковыми считают себя присутствующие шавки, открывается застольной речью первого секретаря ЦК комсомола товарища Грузильникова. Кто помнит, товарищ Грузильников отличался тем, что обращаясь в телевизоре к очередному кадавру Политбюро, он своеобразно оттопыривал зад. Зад у комсомольского вожака страны был какой-то немужской – круглый и выпуклый, и прогиб позвоночника над ним выражал верноподданность не идеологического, а какого-то личного и даже интимного характера. В особенной плавности прогиба являла себя не столько даже преданность слуги, но скорее признательная готовность содержанки.

Ответный тост от имени как бы юных и сравнительно простых комсомольцев произнес юный токарь из Кременчуга. И Голобоков обратил внимание, что прогиб его поясницы и положение ягодиц совершенно копирует манеры товарища Грузильникова перед вышестоящими. Образ поведения босса перенимается подчиненными, это вещь обычная и понятная.

Так же обычно и понятно было, что в ходе банкета товарищ Грузильников стал расхаживать между столов, обнимая за плечи делегатов и чокаясь с ними своим фужером. И вот – о судьбоносный миг! – он подошел к столику нашего героя.

Прекрасно описано тут, кто бы ни был реальный автор книги, умение номенклатурщиков при желании быть обаятельными и свойскими, снимая всякое напряжение и убирая дистанцию между собой и нижестоящим собеседником. Голобоков радостно хлопнул полный фужер, был крепко обнят и трижды поцелован вожаком, и вскоре окосел, паря в эйфории, (ударение в слове «паря» может быть поставлено на любом месте).

Товарищ Грузильников проявил дружеский интерес к его житью-бытью и после минутного разговора, похлопав по спине, продолжил свое движение по гудящему все оживленнее залу. К обласканному высоким вниманием Голобокову потянулись люди, приватные тосты учащались, и сознание нашего героя зафиксировало окончание вечера, когда рослый симпатяга

секретарско-телохранительского вида покровительственно сообщил, что товарищ Грузильников приглашает его в свой узкий круг для продолжения вечера.

Машина, комсомолки с запахом дорогих духов, анекдоты – шло как в тумане, пока Голобоков не обнаружил себя в парилке, где голый же товарищ Грузильников с особенным ласковым умением охаживал его веничком. Следующий кадр сознания – комната в диванах, где женские кадры ублажают его всеми мыслимыми и немыслимыми способами под аплодисменты небольшой толпы сенаторов в тогах, возглавляемых товарищем Грузильниковым.

Следующего кадра сознание не поняло, но даже при алкогольной анестезии было немного больно и, главное, очень непривычно и оттого неудобно. Уже много лет спустя покрылся на миг Голобоков холодным потом, слушая по вражьему голосу интервью режиссера Параджанова: «Все может простить советская власть, но полового члена в заднем проходе – никогда!»

Так Голобоков стал любовником самого лидера всесоюзной молодежи. В последующие вечера и сам Грузильников, и ребята из его окружения объяснили ему, что дело это обычное, ничего такого тут нет, и даже наоборот: эта мужская традиция идет в европейской культуре из ее колыбели, древних Афин, где у мужчин были любовники-юноши, и это только поощрялось. Сам Сократ любил Алкивиада, и любовь еще многих достойных мужей к Алкивиаду не помешала последнему стать гордостью Афин и занимать впоследствии высшие государственные должности. Сам великий Перикл рекомендовал формировать соединения гоплитов – тяжеловооруженных пехотинцев, гордости греческих армий – из любовников, потому что они будут заботиться друг о друге в походах и защищать друг друга в боях.

В вечер расставания Голобоков получил в подарок от товарища Грузильникова в подарок пишущую ручку с золотым пером «Монблан» и часы «Сейко». И впервые совершил с ним половой акт в качестве активной стороны.

Глава восьмая представляет собой апологию гомосексуализма, хотя интонации ее – это интонации оправдывающегося человека. Здесь говорится о Леонардо да Винчи и Лоуренсе Аравийском, Уайльде и Чайковском, Рудольфе Нуриеве и Тенниси Уильямсе. О том, что язык изощренных в наслаждениях французов имеет два совершенно различных слова для обозначения мужчины, склонного любить мужчин: «пидэ», что есть синоним презрительного слова «педераст», и «омо» – что означает мужчину мужественного во всем настолько, что даже любить он может только мужчину: «омо» может быть военачальником, государственным деятелем и так далее, и это очень достойно. Апофеозом «омо» является Ричард Львиное Сердце – кстати, француз по крови. Голобоков признается, что при контактах с вышестоящими лицами воображал себя «омо», особенно когда поднимался на следующую ступеньку карьеры... но всю жизнь его сопровождали приступы депрессии, когда сознание с подсознанием плясали в обнимку и всячески обзывали его именно «пидэ», и еще испанским словом «марикон». И в эти моменты вдруг телек «В мире животных» вдруг обязательно показывал, как главный самец-мартышка трахает в зад провинившихся подчиненных второранговых самцов, утверждая свою власть, – или дешевый детектив раскрывался на том месте, где знатные воры опускают новичка, опетущая его тем же способом.

Неестественным и притянутым за уши выглядит здесь псевдофилософское рассуждение о том, что в подобных же отношениях являло себя единство партии и комсомола в свете руководящей и направляющей роли партии. Потому что завязка собственно сюжетной линии книги, завязка интриги, не имеет никакого отношения к партийно-комсомольским связям. Напротив – поводом послужил спорт, тот самый, который крепит тело и дух вне всякой зависимости с идеологией.

Сборная волейбольная команда области, где Голобоков был уже третьим секретарем обкома комсомола, выиграла первенство спартакиады республики. (Опустим неизбежные уже авторские ассоциации со Спартаком, гладиаторами и римскими нравами в свете однополого секса.) Чествование вернувшейся с победой из Москвы команды происходит на природе –

неизбежный пикник с водкой и баней. О капитане команды, рослом румяном блондине, говорят как о перспективном работнике – он уже освобожденный секретарь крупного завода, хваткий, властный, умелый организатор, который и сколотил на основе костяка заводской эту команду, приведя ее к победе.

Желая поощрить капитана, Голобоков садится со стаканом в руке на травку рядом с ним, обнимает за мускулистые широкие плечи – и понимает по силе и властности, исходящим от этого совсем еще молодого человека, что роль лидера даже в этих минутных мимолетных отношениях между ними принадлежит не ему. Этот парень рожден властвовать и побеждать! И благодарность за поддержанную спортивную честь области, размягченность от выпитого, романтическая обстановка вечерней сибирской природы сливаются в каком-то теплом отношении к соседу.

И когда ночью, оглушенные оргазмом, они курят в темноте, с восторгом и ужасом понимает Голобоков, что это любовь: то пронзительное чувство единения, которое никогда не испытывал он с женщинами, влекущими его все меньше, и то острое счастье наслаждения, неведомое прежде с вялыми и рано ожиревшими кабинетными вожачками.

«Ты необыкновенный, – говорит ему новый друг. – Ты не такой, как все. Теперь мы должны быть вместе». И обнявшись, они поют – и соловьи вторят им над ночной тихой рекой: «И так же, как в жизни каждый, любовь ты встретишь однажды! С тобою, как ты отважно, сквозь бури и он пойдет!..» Крепкое плечистое тело мужчины и звезд ночной полет.

Эта фраза заключает главу, и она же, с известной литературной изысканностью, вынесена в заголовок второй части: «Звезд ночной полет». Хотя встречи возлюбленных обычно происходили днем, чаще в безликих служебных кабинетах, на скользких кожаных диванах и угластых столах для заседаний.

У друга есть жена и дети. Он много работает, спит по пять часов в сутки. Но иногда случаются рыбалки в субботу, дальние командировки в районы с долгими вечерами в номере захолустной гостинички. Медленно, немногословно раскрывается друг перед Голобоковым: как раскрыл ему глаза на мужскую любовь массажист юношеской сборной города по волейболу, как умело возбуждал, разминая и массируя мышцы. А от тренера впервые услышал он в оригинале поэму Горького «Юноша и смерть».

И Голобоков понимает, что отдаст жизнь за этого человека. Но что он может реально для него сделать? И он решает отдать всего себя, чтобы сделать ему карьеру. Карьеру большую, великую. Все его знания, все связи, все понимание жизни и умение работать с людьми находят, наконец, достойную цель, абсолютное применение.

С удивлением узнает читатель, как много зависело в партийной иерархии от личных симпатий, от личных связей. Когда с любовницей расплачивались поездкой во Францию или должностью завмага – это было обычно и достаточно явно. Но когда вдруг ничего из себя не представляющий мужчина стремительно восходил по партийной лестнице – где решительно отсутствовали объективные критерии общественных заслуг, ибо вся конкретная деятельность и вся ответственность лежала на хозяйственных администраторах, – это чаще всего вызывало непонимание непосвященных. Трудящиеся массы понятия не имели, чем вызвано выдвижение того или иного активиста. Никто, разумеется, не принимал всерьез поразительно пустые общие фразы о «трудовом пути» того или иного босса. Чем они там занимались за своими высокими заборами?..

Но то, что в молодости почти все они были симпатичны, что много среди них было мужчин рослых и сильных, распространяющих вокруг себя атмосферу мужского обаяния и мужской силы, – отмечал каждый, кто приближался к номенклатурному миру. (Посмотрите на нынешних партийных уродов... Разве это реальные кандидаты в правители?)

Кумир Голобокова был требователен и нетерпим. «Я не собираюсь делить тебя ни с кем», – жестко заявил он. На этом кончилась карьера нашего героя, на этом кончилась его

семейная жизнь. Он был вынужден развестись. Он ушел с комсомольской работы. И стал верной тенью своего друга, слугой, оруженосцем, наперсником. Как змей-обольститель подводил он к боссу нужных людей, готовил их, привозил. Порой в нем вспыхивала ревность, но он усилием воли гасил ее вспышки. Он рассматривал свою деятельность как служение любви и одновременно служение родине – потому что был свято убежден в великой миссии избранника, великой роли, предуготованной ему историей страны.

А кумир бывал необуздан. Чего стоит одна история со сносом Лопатьевского дома, где был в девятнадцатом году расстрелян кем надо Великий князь финляндский и прочая! Молодой секретарь одного из райкомов комсомола, приближенный и обласканный, отказался сбривать бородку, а растительность на лице не поощрялась в то время среди номенклатуры. Мягко объяснил ему Голобоков, что борода мешает полностью отдаваться некоторым ощущениям, и прикосновение жесткой мужской щетины бывает в некоторых случаях роковым. Тщетно!.. Так мало того, что на бородача навесили обвинения в развале всего, что можно было развалить, – в ярости искоренил босс все, что могло напомнить о непокорном гетеросексуале, который удивительно походил на Великого князя. «Саму память о тебе смету с лица земли!» – бросил он угрозу – и смел не только дачку бедолаги, но и старинный купеческий дом, легко замотивировав это политическими причинами. (Голобоков глубоко обосновывает невозможность для некоторых мужчин орального секса с бородатыми партнерами искажением сенсорных связей, ведущим к нарушению стереотипа возбуждения.) Точно так же становится понятным уничтожение Сталиным, никогда не носившим бороды, всей элиты революционеров: вспомним, практически все первое Политбюро состояло из мужчин бородатых. И только с этой точки зрения делается понятным бритье Петром Первым бород боярам – и уничтожение стрельцов, не пожелавших бриться. Грозное с тех пор приглашение: «Пожалуйста бриться!» проясняет теперь свой смысл.

И вот он стал Хозяином огромной области. Причем порядок в области был наведен жестокий. Любой ответственный работник знал, чем закончится разнос за неуспешное выполнение приказа. Бытовавшие среди руководства выражения «Вызвать на ковер» и «вставить фитиль» (иногда говорили «заправить фитиль») не нуждаются в дополнительной расшифровке. Иногда говорили образнее: «Поставить раком», или уж вовсе с римской прямоотой: «Вые...ь».

Но постоянным и любимым оставался он, верный Саша Голобоков. Любовники могли меняться – иногда это была просто производственная необходимость. Но сердечная привязанность была одна.

В лирическом отступлении в третьей главе второй части автор с безыскусной силой подлинного чувства вдруг поднимается до высот, доступных ранее в веках лишь Сапфо. С выразительностью буквально библейской плачет он о загубленной карьере, прозябающей в нищете семье, ибо ничто они по сравнению со счастьем быть нужным любимому. Хотя, возможно, текстовый анализ может выявить здесь инородную вставку литобработчика, влюбленного в произведения Андре Жида и Марселя Пруста.

Но вот, обвыкнувшись в этом мире своих отношений и страстей, мы переходим к эпохе перестройки. Своеобразным прологом к третьей части служит экскурс в «Золотую ветвь» Фрэнзера: читателю напоминают, что вождь племени сохраняет свое место лишь до тех пор, пока он способен явить свою не только общефизическую, но и сексуальную состоятельность и мощь – при появлении же признаков старения специально отряженная контрольная комиссия из жрецов и знатных воинов устраивала вождю ритуальное испытание: как может он покрыть всех своих жен, полагающихся ему соответственно высокому статусу. И если вождь успешно удовлетворял всех жен – его правление продляли на установленный законом срок. Если же жены были добросовестно не оттраханы – вождя убивали и съедали, на заполнение же вакансии устраивали выборы следующего.

Роль главного советского контрольного органа традиционно исполнял КГБ. Председатель КГБ тов. Андропов негласно-официально констатировал то, что было в общем явно всему племени (в смысле народу): престарелые члены Политбюро не отвечают своему изначальному смыслу и наименованию, членами могут именоваться лишь в сугубо лингвистическом смысле, не будучи в мужских силах удовлетворить даже воспитательницу детского сада. Памятное всем по бесчисленным газетным отчетам «чувство глубокого удовлетворения» носило отчетливый характер сакрального заклинания, когда формула ритуала была призвана заместить суть действия. Пущенное позднее в оборот определение «застой» было стыдливо-лицемерным эвфемизмом слова «залег». Итак, на смену протухшей плоти одряхлевших вождей был призван человек молодой, не только всегда гладко выбритый, но для усиления эффекта и вовсе лысый.

Естественно и закономерно, что новый вождь взошел на престол через то место, где отдыхали и развлекались вожди прежние. То-есть не один год он проходил испытание, давая верховным комиссиям возможность убедиться в своих способностях.

Но СССР – это вам не полинезийское племя, и даже самый могучий канак (в тексте опечатка: «кунак») не мог бы здесь справиться в одиночку. Началась ротация партийных и руководящих кадров (членов).

Итак, голобоковского кумира переводят на резкое повышение в Москву. Кумир еще нестар и отличается мощью, и перетаскивает за собой в Москву нескольких самых близких партнеров из области, которым построил приличные карьеры.

И вот здесь сцены ревности, интриг, борьбы за любовь и внимание любимых разворачиваются в полную мощь с поистине шекспировской силой. К сожалению, полное отсутствие шекспировского таланта превращает собственно текст в нечто среднее между сортировкой белья и доносом в полицию нравов.

Сам Голобоков сразу оказывается на третьих ролях: так выстарившаяся верная жена в султанском гареме с ревливой гордостью заботится устройством любовных дел повелителя, лично отбирая кандидаток и консультируя насчет проведения достойных в фаворитки, переживая любовные сложности хозяина болезненнее его самого.

Связь голобоковского кумира с руководителем правительства послужила истинной причиной его опалы и отставки. Тягостен вечер их объяснения, когда предсовмина объясняет, что генсек ревнует его, и это может иметь самые тяжелые последствия. Вот тогда впервые в жизни напивается до беспамятства будущий президент, и «с досады», как говорят французы, отдается начальнику своей охраны. Последствия пьяного контакта, как часто случается в жизни, будут иметь далеко идущие последствия для обоих...

Дело в том, что отличающийся гипертрофированными мужскими чертами президент не терпел для себя пассивной роли ни в каких отношениях. В области он был полновластный хозяин, вызовы же в Москву были редки, причем отношения с бессильными союзными старцами сводились к символическим актам признания их главенства. Таковы были условия игры. Общение со старцами никак не могло уронить мужской авторитет будущего президента, как первую даму двора не может уронить номинальное сожитительство со знатным старцем, данным ей в мужья и обходящимся собственной спальней. Но молодой генсек был активен и potentен, и после каждого совещания в Кремле будущий президент искал дома забвения в алкоголе, крушил мебель и кричал, что мог бы отдаться победителю на поле боя, ибо таков мужской закон и здесь нет унижения, но если всякий тракторист и спиномой!.. и, чтобы как-то ослабить комплекс, призывал своего массивного мордоворота-охранника.

Развязка наступила во время оперы «Кармен» в Большом театре. Когда Хозе вытащил нож, сидевший в правительственной ложе будущий президент покрыл своим яростным басом сладкое бельканто певца, заорав в лицо сидевшему рядом генсеку: «Теперь ты понял, понимаешь, чем это пахнет?!»

Той же ночью в бане он был упоен в хлам, и через него пропустили шестерых высших приближенных генсека. Наутро генсек позвонил ему, разбитому и страдающему не только от похмелья, и холодным металлическим голосом задал один вопрос: «Теперь ты понял, что партия выше тебя?» Вслед за чем, приехав на службу, несчастный узнал, что, как делается с опущенными, его выкинули с работы – заодно с его охранником, утешительная связь с которым давно не была секретом для органов.

Подробно описывает Голобоков депрессию кумира. Его попытку публичного покаяния на съезде, которая была глумливо отклонена. Его пьянство, попытку выброситься из самолета и столь же неудачную попытку утопиться.

Зато для самого Голобокова словно вернулся медовый месяц. Они были близки почти ежедневно. Он получил двухкомнатную квартиру в Крылатском, получил в подарок «Волгу», они вместе летали отдыхать в Испанию.

И именно Голобоков, по его утверждению, обеспечил победу демократии в дни августовского путча. Поначалу в Москве, в дни державной милости, его расположения заискивали многие: приглашения на дачи в Жуковку, на охоту, золотые часы и галстуки от Диора сыпались на него дождем. Но верность его была искренней – а кроме того, он понимал, что поддаться соблазну означает поставить крест на своем будущем. Шлюхами везде пользуются, но нигде не ценят; коридоры власти ничем не отличаются в этом смысле от будуаров борделей.

Портреты и характеристики верхушки советских правителей последнего периода представляют бесспорный интерес для будущих исследователей. Любовь толстяка-маршала к рыбной ловле на блесну, во время которой он приказывал отключать всяческую связь, чтоб «отдых был полноценным» (тут-то и сел на Красной площади самолетик Руста – потому что получить указание Министра обороны было невозможно: он выдергивал тайменя из Селенги, пытаясь обольстить Голобокова своим удалством). Виртуозное искусство бывшего комсомольского вождя выстукивать оперные мелодии на зубариках. Хозяин же Лубянки приглашал Голобокова принять участие в расстрелах (традиция первых лет советской власти тайно вспыхнула уже под самый закат ее, как часто случается) – предлагая попробовать, насколько это обостряет вкус к жизни и возбуждает чувственность ни с чем не сравнимым образом. (Вспомним римских матрон, приходивших с секс-рабами на бои гладиаторов.)

Последний усердствовал в соблазнении Голобокова более всех, и в конце концов Голобоков описывает, как по приказу хозяина, ставшего уже президентом республики, он в качестве разведывательного задания идет на половую связь. Риск и труд оправдались с лихвой: босс спецслужб по пьяному делу намекает, что скоро он, во главе «великолепной семерки» станет во главе государства, и тогда любовник не пожалеет. В тот же день, разумеется, Голобоков рассказывает обо всем хозяину – и вместе они разрабатывают план, как воспользоваться будущим переворотом.

«Через тебя они хотят подобраться ко мне, – усмехнулся хозяин, – ну а мы вместо этого подберемся к ним. Понял меня, Саша?» Голобоков вспоминает, что эта готовность пожертвовать им ради достижения политических целей, и в особенности эта оскорбительная обнаженность выражения «через тебя» наполнили его горечью и предчувствием близящегося конца их отношений.

И конец этот действительно наступил осенью того же года, когда президент приблизил к себе и *ввел* в правительство сразу целую команду молодых, свежих, упитанных и мускулистых мужчин. Час пробил... Взлет и падение новых фаворитов проходили уже вдали от Голобокова, зажившего частной и скучноватой жизнью.

Книга потерялась бы в мутном потоке нынешних мемуаров, будучи стилистически вполне безликой и наполненной стремлением всячески преувеличить свою скромную роль в истории. Но нельзя отказать ей в странном магнетизме, сродни притягательности зловония. В грязи политической кухни нет ничего нового, но взглянув раз на вещи под предложен-

ным нам углом зрения, уже трудно отрешиться от него: отравка входит внутрь и проявляется в самые неожиданные моменты наблюдения происходящих политических пертурбаций в попытках понять и объяснить тайные механизмы событий и отношений.

Строго говоря, у нас есть все основания считать ее грязным пасквилем. Но. Но. С прекращением преследования людей лишь за проявления нетрадиционной сексуальной ориентации она не содержит никаких элементов обвинения кого бы то ни было ни в чем противозаконном. И еще одна вещь не позволит, видимо, привлечь автора к ответственности – если это пришло бы кому-нибудь в голову. В девяносто втором году, после всех передраг, он угодил в больницу Скворцова-Степанова с тяжелым психическим расстройством. Понадобится экспертиза, чтобы установить, насколько все вышеизложенное является плодом больного воображения шизофреника, а насколько – злым умыслом обиженного человека.

Мы же можем лишь решительно не рекомендовать ее к изучению в общих средних и высших учебных заведениях – хотя, возможно, имеет смысл включить ее в список рекомендованной литературы как для академии дипломатии, так и для разведывательных школ.

Огромный тираж свидетельствует, что потенциальных дипломатов и разведчиков у нас имеется несметное множество – что говорит о грандиозном, хотя и ловко скрывающемся в последние годы, потенциале населения страны.

Заговор сионских мудрецов

Не знаю, знакомо ли вам это странное ощущение, оцепеняющее однажды ужасом, когда смотришь в зеркало и вдруг понимаешь, что видишь там еврея.

Поздно. Безнадёжно поздно. Уже ничего нельзя сделать.

Перестает действовать утешительный самообман мифов о «засилье малого народа» или «господстве мирового еврейского капитала». Все гораздо безнадежнее; пронзительная неправдивость.

Дело не в том, что у них деньги. Деньги у всех. Дело в том, что деньги – уже суть еврейство. Желтое золото дьявола, более трех тысяч лет назад пройдя через их цепкие торговые руки и обретя форму денег, растлило и повязало мир. Если в изобретениях проявляется и воплощается характер нации, то в изобретении денег дьявольский характер еврейства проявился сполна. Бокастые финикийские корабли из желтого кедра ливанского разнесли эту пагубу, изготовленную по семитскому рецепту, по вольным просторам Средиземноморья. И вот уже тысячелетия все люди повязаны меж собою еврейскими – денежными – отношениями: теми отношениями, которые евреи в древности скомбинировали и построили для своих должников, тех, кому с коварной услужливостью и ненасытной хваткой сбывали товары с выгодой для себя. И невозможен, немыслим уже возврат к наиву меновой торговли, честной и простой... А были! – быки, овцы, мечи и соль; а если и золото и серебро – то просто на вес, а не деньги. Существовая и функционируя в структуре денежных отношений, мы уже тем самым живем в еврейском морально-интеллектуальном пространстве и по еврейским правилам, так ловко навязанным нам когда-то. Мы послушно подчинились и стали поступать как они; подменяя их – им уподобились. Победа еврея не в том, что его банк могущественнее, а в том, что вообще существуют банки: ибо это изначально их мир, созданный ими согласно их натуре. Звон денег – еврейский гимн, и каждый поющий его – поет осанну им и сам становится одним из них.

А для этого они с непостижимым умением внушили всем свой способ передачи мыслей. Буквенное письмо – это их еврейское изобретение. Алфавит – это «алеф-бет». Коварные, напористые и жадные финикийские купцы, семитские спекулянты, высасывающие деньги со всего Средиземноморья – это они придумали буквенные записи, подтверждавшие их сделки и прибыль.

«Алеф» – это еврейский «бык». «Бет» – это еврейский «дом». Дом еврейского золотого тельца – вот чем стал наш мир. Вот что кроется за трагедией преемственности греческой «альфа» – началом всего сущего нам.

Ибо, изобретя прежде деньги, они поняли, что только этого – мало. Дьявол, через них уловивший в эту сеть все человечество, не удовлетворился властью над земным добром и бренным телом. Души нужны были ему.

И народы, более прямые и простодушные, менее искушенные в искусстве спекуляции и наживы, купились на мнимое удобство алфавитного письма. Арийские руны и египетские иероглифы канули в небытие. Уже никто не прочтет памятников великой и древней этрусской цивилизации. А ведь средство выражения и передачи мыслей неизбежно накладывает отпечаток на сами эти мысли и их восприятие. Форма передачи сообщения уже есть сама по себе сообщение.

Античные эллины, сильные и храбрые дети природы, владели некогда всем Средиземноморьем. Ни персидские орды, ни ножи Маккавеев не могли сокрушить их мощь, не могли исказить их гармонию. Но соблазненные пурпурными тканями, кедровым деревом и аравийским золотом семитских купцов, в общении с ними они невольно испытывали неощутимое и тлетворное, как микробы проказы, семитское влияние. Заключая сделки и подписывая кабальные купчие договора, они научились разбирать еврейское письмо, а потом – кто знает, ценой каких подкупов и лстивых посулов? – и сами переняли эту манеру буквенных записей. И вот уже забыта древняя ахейская грамота, и еврейский алфавит лег в основу древнегреческого...

Великий Гомер не знал этих ухищрений. Символично и не случайно, что он ослеп раньше, чем его грандиозные поэмы, эпосы, легшие в основание всей европейской литературы, были записаны алфавитным письмом, изобретенным евреями для удобства торговых сделок и опутывания всего мира своей ростовщической идеологией.

Вдумаемся, сколько исторического сарказма, сколько глумления над святынями заключено в том факте, что величайшие достижения человеческого духа сохранились в тысячелетиях и передавались поколениями исключительно еврейским способом, алфавитным письмом! И невозможно уже вычленив чистую суть поэзии и мысли великих народов из той еврейской по сути формы, в которой они существуют.

Великий Рим, потрясатель и владетель Ойкумены, обольщенный эллинской культурой, перенял греческий – от-еврейский – алфавит. И этим алфавитом писались законы народов и цивилизаций. И Юстинианов кодекс лег в основу правовых уложений всех стран современности. Непреодолимый парадокс в том, что ненавидевшие евреев народы стали писать так, как писали евреи: и отпечаток еврейской формы выражения мысли лег на все развитие мысли мировой. О боги, древние и бессильные боги мои!..

«В начале было Слово, – записали мудрецы древнего Сиона, – и Слово было Бог». И по мере того, как перенималось это слово, еврейский бог становился богом всего мира.

Наследники великих, изначальных человеческих цивилизаций Египта и Вавилонии инстинктивно ощущали смертельную опасность, исходящую от незначительного и малочисленного полукочевого народа, обосновавшегося на пустынных взгорьях Палестины. Но, привыкшие брать силой и явными достижениями культуры, они проиграли судьбоносное соревнование в живучести, приспособляемости и коварстве. Кир отпустил евреев из вавилонского плена и позволил восстановить Иерусалимский храм; Александр сокрушил тысячелетний Египет Сынов Солнца, фараонов.

И не ведали, что творили, суровые римляне, сокрушая спесивую Иудею и сметая навечно с лица земли еврейский храм. Так наивный и измученный болью человек давит гнойную флегмону, и зараза разносится по всему организму. Ибо еврейское рассеяние по миру можно справедливо считать инфицированием человечества.

Ибо к тому времени, отравив мир своим способом выражения Слова, и тем самым преодолев иммунитет человечества к своему влиянию – этот своеобразный и всемирный СПИД древности, – евреи уже создали своего бога «для внешнего употребления»: еврейского бога для всех неевреев.

Когда ты раскрываешь Библию илиходишь в христианский храм – задумайся же, что ты читаешь и кому ты молишься; несчастный ты человек.

Еврейкой был рожден Иисус, и обрезана была его крайняя плоть на восьмой день по еврейскому закону, и гражданином был он еврейского государства. Евреи воспитывали его, и еврея называл он своим земным отцом. Еврей крестил его, и евреям он проповедовал. Евреями были святые апостолы, и еврей Петр заложил первый всемирный христианский храм. И еврейскими именами стали называть с тех пор люди детей своих. Иоанн и Мария – еврейские имена это.

И был рожден этот «бог для всех», бог для всеобщего пользования – от бога собственно и только еврейского, бога для пользования внутреннего. И ведь говорят вам, говорят толкователи, что Бог-Создатель, Отец, и Бог-Сын – две ипостаси одного и того же, и, стало быть, молясь Иисусу, вы тем самым молитесь и другой Его ипостаси, Яхве! – но не хотят задумываться над этим наивные и жаждущие веры люди.

Несколько веков сопротивлялся Рим иудейской заразе в христианском обличий. И таково неборимое коварство этой заразы, что римляне, верные богам своих предков, преследовали и травили римлян же, все более охватываемых верой в бога еврейского производства. Верой в бога смирения, покровительствующего в первую очередь рабам и беднякам, убогим и сирым. Нищих духом и плачущих объявил он блаженными, и велел подставлять обидчику щеку для удара.

А для себя оставили евреи законы своего бога: око за око и зуб за зуб.

Евреи пропагандируют легенды о своих страданиях, причиненных христианами. Но попробуйте сравнить: сколько христиан истребили друг друга во имя бога, данного им евреями? Сколько детей погибло лишь во время Крестовых походов детей? Сколько миллионов «протестантов» приняло мученическую смерть от «католиков»? а ведь они исповедовали веру в одного и того же бога! Весь цвет европейского рыцарства сложил головы под лозунгами веры в Иисуса и Марию!.. Вчетверо сократилось население несчастной Германии за сто лет гражданских войн «реформации» христианской веры.

Чего ради миллионы европейцев веками гибли под мечами мусульман, покинув свои очаги и семьи для вящего торжества дела Иисуса, сына еврейки и еврея самого?

А вы повторяете об экономическом засилье евреев... Это мелочь, следствие, верхушка айсберга. (Айс-берг... «Ледяной камень». Вот – их сердце.)

И смертоносная мудрость древнего и страшного иудейского племени сказала даже и прежде всего, быть может, в том, что они всегда были готовы обрести власть над миром и остальными народами даже ценой собственных страданий и ненависти к себе. Чтобы вера была крепкой и победоносной, объединяющей народ, – народу необходим постоянный враг, враг внутренний, который всегда рядом, инородный элемент в собственном теле. В противопоставлении себя чужаку рождается нация как единое целое.

И ненависть евреев – народы ненавидят их во имя еврейской веры, молясь еврейскому богу, имя которого записано еврейскими буквами. Таков был сакраментальный тысячелетний расчет.

Почему за две тысячи лет евреи не растворились в многочисленных и сильных народах, среди которых жили? Потому что народы эти исповедовали веру, исторгнутую евреями из своего лона для внешнего применения. И рассчитанно вызванная ненависть скрепляла еврейский народ в нерасторжимое и крепкое целое – так давление в сотни атмосфер превращает мягкий графит в искусственный алмаз.

Обостренный инстинкт самосохранения научил евреев, как сохранить свой народ. Говорят, что они интеллектуальны и изобретательны. И плоды их изобретений сделали сегодня христиан болезненными и слабыми, естественный отбор прекратился, все снижается рождаемость, все реже встречаются сильные и красивые люди. А естественный отбор среди евреев не прекращался никогда – ибо неприязнь и гонения со стороны окружающих народов заставляли евреев изворачиваться, напрягать все жизненные и умственные силы для выживания, и выжидали только самые стойкие, гибкие и умные.

И когда ты обрушиваешь гонения на евреев – ты уподобляешься стае волков, которые уничтожают больных и слабых, а ускользнувшие от клыков вскоре размножаются и делаются только здоровее. Три с половиной тысячи лет уничтожали люди евреев – и вот евреи живы, и процветают, и многие из них наверху. И народы поклоняются их богу и их святым, и пишут свои истории их алфавитом.

Так можно ли было всерьез рассчитывать на уничтожение евреев, если мир продолжал держаться на трех главных элементах еврейства: деньгах, буквах и боге? Именно эти элементы, ввевшиеся в плоть и кровь европейцев, и более того – ставшие солью их, сутью их, и не могли позволить им довести дело до конца: но лишь устраивать регулярные погромы, оздоравливая тем еврейскую нацию себе на горе.

Смешно и глупо полагать, что еврейское владычество в России началось тогда, когда евреи пришли в Киев или в Хазарию. Где та Хазария? И что ныне тот Киев?.. И где те евреи после погромов и поголовного, как свидетельствуют летописи, изгнания славянами прочь со своих земель?

О нет... Когда пришли на Русь со своей заемной грамотой Кирилл и Мефодий – пришло на Русь еврейское Слово, записанное еврейским алфавитом. Ушли в небытие древние письмены предков, и ушло с ними что-то неуловимое из духа народного, что выражало себя в записи для потомков изречений дел и мыслей своих. Унифицированная еврейская форма простерла свое перепончатое крыло на русскую историю и культуру. «Вхождение в семью цивилизованных народов Европы» по сути было присоединением объевреенного русского народа к объевреенной ранее Европе.

Когда Ольга крестилась в Византии – началось владычество еврейского духа и еврейской мысли на Руси. И не ведал Владимир, что творил, когда крестил народ русский – подобно тому, как в далеком палестинском Иордане крестил еврей Иоанн еврея Иисуса, сына еврейки Марии. И вместо древних славянских богов предков стали поклоняться русские изображениям евреев, которые были объявлены святыми и подлежащими поклонению – но только для неевреев.

Это ли не глумление над миром? «На тебе, Боже, что нам не гоже».

И веками талантливейшие из европейских художников писали гениальные картины, изображая на них евреев из древней еврейской мифологии. И отцы в кругу семьи читали по вечерам историю еврейского народа, написанную евреями. И строили прекрасные храмы, посвященные богу, изготовленному евреями for use outside only, и поверяли ему в молитвах свои заветные чаяния.

И умнейшие и образованнейшие из людей, философы и богословы, писали книги, посвященные еврейскому богу и проникнутые еврейским миропониманием. Ибо ведь Библия написана евреями, и идет от евреев все, что идет от нее.

Вот в чем состоит истинное владычество евреев над миром. Это владычество над душами людей, а не над жалким и бранным их скарбом. И вот как исполнилось воочию обещание Яхве, изложенное в Библии: «Избраны вы из всех народов, и дарую я власть над всеми народами избранному народу моему».

И когда несчастный русский человек декларирует любовь исключительно ко всему русскому, сберегая как святыню еврейскую Книгу и молится в храме изображениям евреев; и пишет статьи об освобождении от еврейского засилья придуманным евреями алфавитом, – он

не сознает, что уже поздно, уже давно свершилось в веках, и делает он то, что было предназначено мудрецами Сиона тысячи лет назад.

Теперь уже можно уничтожить всех евреев – это ничего не изменит. Ибо даже если на земле не останется ни одного еврея – дух, за тысячелетия вложенный в народы еврейскими, все равно пребудет: ибо народы в безысходной наивности своей полагают, что это суть их собственный национальный дух. Христианство стало их собственной культурой, все записи алфавитом стали их собственной культурой, и другой культуры у них давно нет.

И страшная догадка рождает прозрение, которое невозможно избыть и с которым выше сил человеческих смириться: да! – неоднократно уже в истории евреи бывали поголовно уничтожены, – да и не могло быть иначе при таком-то тщании, при таком-то соотношении сил; да элементарный здравый смысл, элементарный арифметический подсчет свидетельствуют неопровержимо, что подлинными евреями, первоначальными евреями были поголовно уничтожены давным-давно, еще в древности.

Каждый, кто бывал в Израиле в новые времена, поражался: среди евреев там и близко нет одного или даже господствующего этнического типа. Сами они так друг друга и определяют: «эфиопы», «марокканцы», «румыны», «немцы», «русские», «аргентинцы». Черные и белые, смуглые и веснушчатые, рыжие и вороные, курчавые и прямоволосые. Где горбатые и жирные еврейские носы? Вот облупленная рязанская картошка, вот тонкий англосаксонский крючок, вот медальный римский профиль, вот вывернутые ноздри негроида... и это – евреи? Не смешите; имеющий очи да отверзнет их.

Секрет бессмертия евреев – в той квинтэссенции своего существа, которую они вприсунули в человечество. Деньги, буквы, бог. И когда все они бывали в очередной раз уничтожены – в освободившейся этнической атмосфере эта квинтэссенция отчетливее проявлялась в генетически лабильных особях, вновь создавая евреев из вчерашних германцев, кельтов и славян. Лишенные родовой памяти манкурты, они переставали иметь в сознании свою тысячелетнюю национальную сущность – и, искренне полагая себя евреями, становились таковыми сами перед собой и перед теми народами, из лона которых были рождены.

Так несчастная мухоловка, трудолюбивая и беззащитная, насиживает подброшенные ей в гнездо яйца кукушки, прожорливые и коварные птенцы которой выбрасывают из гнезда ее собственных детей. Так паразит хищный, оса-наездник, откладывает яйца в мощное тело другого живого существа – и несчастная куколка уже никогда не превратится в бабочку, но превратится в выводок ос, служа им укрытием и пищей!..

Все сегодняшние евреи – это дети вчерашних наших предков: они рождены были стать нашими братьями, но дьявольское наущение сделало их под оболочкой людей вампирами, нежитью. И истина эта наполняет безнадежностью...

Ненависть народов к евреям – это акт бессильного отчаяния сменить свой пройденный исторический путь и самих себя на других – каких? иных; лучших; свободных; счастливых и всемогущих.

Отказаться от христианства? Принять поголовно ислам или буддизм? Это уже будут другие народы, с другой ментальностью, с другими верованиями. Но как отказаться вообще от единобожия, которое есть еврейское изобретение? Ведь даже ислам – постиудейская религия! даже Магомет сначала пытался явить себя еврейским пророком и занять достойное место в еврейской общине, пока не был высмеян спесивыми еврейскими богословами (на их собственное горе).

Но как отказаться от алфавитного письма, этого дьявольского изобретения евреев, ибо только многомудрый Змей-искуситель мог вложить в умы людей такое орудие познания! Ведь обрушатся наша история и культура, и погребут под обломками невинные народы!

Есть только один радикальный способ покончить с этой заразой, этой раковой опухолью человечества. Этот достойный античных героев путь – сурово и мужественно взглянуть в лицо

правде и покончить с собой. И с собою навсегда унести в могилу эту проказу, спасая тем самым чистоту грядущих рас и будущее человечество.

Но страшное опасение останавливает бестрепетно разящую руку. Ведь тем самым исполнится тысячелетняя мечта евреев: уничтожить всех своих врагов! И разящий меч вложить нам в собственные руки, чтобы своими руками поразили мы всех врагов племени иудейского.

Уже и Азия и Африка давно заражены ими. Уже пигмеи из экваториальных джунглей обучены арийскими (!) миссионерами буквенному письму, денежному обращению и единому еврейскому богу.

Еще Киплинг писал: «Вокруг всей планеты – с петлею, чтоб мир захлестнуть, вокруг всей планеты – с узлами, чтоб мир затянуть! – Здоровье туземца – наш тост!» Кого имел в виду великий поэт под «туземцем»? Это даже не нуждается в специальном разъяснении... Конечно его – туземца везде, представителя «малого народа», «инородца», выходца с «той земли» (о-«бет»-ованной). И с восторгом арийские завоеватели читали и печатали эти стихи – не ведая, кого славят и чьей воле служат, отправляя лучших сыновей на тяжкий труд за тысячу морей. Строго говоря, жизнь оставляет нам два выхода. Или ножом по крайней плоти, или ножом по горлу. Или пусть в мире будет одним явным евреем больше – и тогда я, по крайней мере, буду пытаться извлечь личную и шкурную еврейскую выгоду из своего положения, – или пусть в мире станет хоть одним тайным евреем меньше, а главное – лично я навсегда избавлюсь от этого нечеловеческого, непереносимого племени, бороться с которым иначе, как показала вся история, просто невозможно.

Я специально купил наилучший, вечный, золингенской стали нож. И этот Золинген тоже был еврей!..

И будучи такими, какими нас сделали евреи, мы шлем им свои праведные и бессильные проклятия.

Диссиденты.

И ложились в землю, как зерна, и восходили в изгнание, как на пьедестал.

* * *

И что.

* * *

И вот.

Резервация

Топонимика и эзотерика

Название «Переделкино» при простейшем морфологическом анализе слова расчленяется на приставку «пере», корень «дел», суффиксы «к» и «ин» и окончание «о». Таким образом, на первый взгляд его можно счесть образованием от существительного «дело». Однако и приставка «пере», и само существительное «дело» несут семантическую нагрузку действия; сам корень «дел» как формообразующее начало первичен не в существительном, а в исходном глаголе «делать» – существительное «дело», несмотря на краткость флексии, является отглагольным образованием. (Ср. «бить – било», «рыть – рыло», «орать – орало», «мыть – мыло»,

«шить – шило» и т. д. Т.е. «деть/деять/ – дело». Видно, что, строго говоря, в этих случаях «л» является формообразующей флексией отглагольного существительного. Исходным корнем выступает «де». «Деять», «действовать». «Деяние», «деятельность». Исходная пара «деять – дело» заменилась со временем на «делать – дело» в процессе палатализации и замены юсов на «в» или «л».)

Ближайшей же исходной формой со всей очевидностью выступает глагол «переделать». Приставка «пере» несет функцию совершенного вида – завершенности действия. И одновременно – его изменения.

Если в традиционной лингвистической парадигме глагол «делать» выражает общее креативное начало и указывает на действие, то при углубленном анализе, в объеме этнической культурной парадигмы «делать» выступает основой сакраментальной русской идиомы «Что делать?» и наполняется философским содержанием. Что делать? Переделывать.

Приставка «пере» кладет на существительное стилистический оттенок революционного пере-образования. Пере-делать, пере-оборудовать, пере-вернуть, пере-строить, пере-иначить. Иначе. Делать не так, как раньше.

Нельзя обойти вниманием еще одно, официально табуированное, значение глагола «делать», свойственное советской эпохе. Это совершать половой акт в качестве активной стороны, тем самым понуждая противную сторону своей воле. «Переделать» приобретает значение всеобщего охвата вышеупомянутым глаголом. Т.е. «делать/сделать» многих, всех.

В том же смысловом контексте существительное «дел-ка» означало «дефлорированная девушка», «не девственница» (в противоположность существительному «целка»). «Переделкино», как мы видим, указывает как на упомянутый процесс, так и на место осуществления этого процесса, причем близкого к завершенному/совершенному виду.

Тогда становится понятным, почему советские органы остановились именно на этом названии для писательской резервации. До эпохи тотального телевидения именно писатель занимал в социопсихологическом пространстве страны место, принадлежащее сегодня телеведущему. Сублимированный сексуальный акт проводился в середине XX века не с телеэкрана, но с книжных страниц. На писателей возлагалась обязанность таким образом формировать (делать, высекать, чеканить, выколачивать, прессовать, долбить, обрабатывать, барабанить, трахать) новую человеческую общность – советский народ.

Занятие это трудное; в трудах человек старится быстро. На физиологические и геронтологические процессы и возрастные изменения указывает разговорная форма названия, где предударный гласный в соответствии с законами фонетики редуцируется и со временем вовсе исчезает из произношения: «Перделкино».

Стилистически несколько пренебрежительная и эмоционально ослабленная форма просторечия «Перделкино» при семантическом анализе легко вскрывается как указание на тщету трудов и дней, что является прямым отсылком к античной литературе (Гесиод, «Труды и дни») и Ветхому Завету (Экклезиаст, «суета сует и всяческая суета...») – этим колыбелям всей современной литературы.

Топография: тактика и баллистика

Резервация расположена недалеко от Можайского шоссе, в пределах досягаемости 122 мм пушки танка ИС-3: танки находятся в близрасположенной Кубинке. Марка танка («Иосиф Сталин – Троица») имеет ярко выраженный идеологический подтекст. Даже с учетом пересеченной местности и сезонной распутицы танкам требовалось не более получаса, чтобы войти в Перделкино и полностью взять его под контроль. Это свидетельствует о серьезнейшем значении, придаваемом Советской Властью литературному труду.

«Я хочу, чтоб к шпшшш-тыку (бронебойному снаряду) приравняли перо (нож)», – писал поэт той эпохи. Толщина, прочность и оптимальные углы наклона брони танка ИС-3 гарантировали ему успех в борьбе с амбициозным противником, обладавшим значительной пробивной силой.

Период политико-экономической стагнации в СССР имел одним из аспектов музеизацию всей страны. Если резервация эволюционировала в особого рода (грамм, и физ. среднего) уникальный литературный музей, то полигон в Кубинке – в музей танковых войск. Тактическая выгодность местоположения Перделкина из реальной стала скорее метафорической, однако следует отметить, что на дальнобойности танковых орудий метафоризация практически не сказалась. (Незначительный износ стволов и увеличение рассеивания при стрельбе легко компенсируются интенсивностью огневого контакта.)

По-прежнему писатели могли учить близлежащих танкистов искусству словесного налета и маневра словом, а танкисты близких им писателей – маскировке под огнем, преодолению препятствий и наезжанию на цель гусеницами.

Контингент: принцип отбора

Дарвиновская теория естественного отбора приветствовалась советской философской доктриной и одним из краеугольных камней ложилась в фундамент исторического материализма.

Социобиологическая внутривидовая борьба советских писателей за выживание и размножение стимулировала и оттачивала такие качества и способности, как: управляемость ума; служебная мимикрия; историческая креативность, т. е. создание произведений и биографий по вновь задаваемым условиям; интуиция и предвидение; движение в резонанс колебаний генеральной линии; актерские навыки по системе Станиславского; стабильность нервной системы; умение держать удар; физическое здоровье; долголетие; повышенный уровень расщепления в организме алкоголя; пониженный рвотный рефлекс; сюжетосложение перекрестных характеристик; различение областей применения нормативной и ненормативной лексики.

Поэтапные испытания и сроки с достоверностью раскрывали все стороны профпригодности (или непригодности) писателя.

Первый этап: создание текстов, формально соответствующих литературным, где посредством слов, реально существовавших в языке, изображались события, не существовавшие в реальности.

Судьями выступали литконсультанты периодических изданий под председательством редакторов.

Второй этап: опубликование одобренных произведений. Здесь уже требовали знания психологии отношений, навыков имиджмейкерства, дипломатической выдержки и терпения сапера.

Третий этап: получение положительных рецензий. Решающую роль играло наличие харизмы, коммуникабельность и иммунитет к алкогольным отравлениям.

Четвертый этап: издание отдельной книги. Кандидатуры со слабым здоровьем и суицидальными наклонностями на этом этапе неукоснительно отсеивались. (Если второй этап занимал обычно полтора-три года, то четвертый мог длиться до семи лет.)

Пятый этап: прием в Союз писателей СССР. Лица с повышенным рвотным рефлексом, негибкостью позвоночника и не достигшие среднего возраста, а также политической половозрелое™ здесь не имели шансов.

Шестой этап: получение титула (по возрастающей) – «известный», «талантливый», «знаменитый» или «заслуженный». По решению властей его присуждали лучшим из тех, чьи книги

были сочтены: а) наиболее полезными этим властям; б) абсолютно понятными этим властям; в) исключаящими любое неоднозначное толкование любым, кто мог донести об этом властям.

Седьмой этап – факультативный: добывание правительственных наград от медали «За спасение утопающих» до ордена «Знак Учета», «Дружба уродов» или «Трудового Красного Пламени». Это не входило в обязательную программу, но поощрялось. Определялось талантом составления биографии и умением завербовать агента влияния во властных структурах.

И лишь кандидатуры, прошедшие все этапы, рассматривались Госкультпартпросветмедбредобломкомиссией для вселения на ПМЖ в резервацию. Счетная подкомиссия суммировала баллы по числу изданных книг и сданных бутылок.

Справки

1. Свидетельство о рождении,
2. Аттестат о среднем образовании.
3. Учетный листок военкомата.
4. Из ЖЭКа по форме 16ХУ07П666.
5. Из Налогового управления.
6. Из бухгалтерии.
7. СП.
8. МВД.
9. КГБ.
10. МЧС.
11. Психодиспансер.
12. Кожвендиспансер.
13. От ветеринара.
14. ГАИ.
15. И две фотографии 3х4.

Распорядок дня

- 6.00 – подъем.
- 6.01 – 7.00 – опохмеление.
- 7.00 – 7.30 – купание в реке в любую погоду.
- 7.30 – 8.00 – протрезвление.
- 8.00 – 9.00 – завтрак.
- 9.00 – 10.00 – протрезвление.
- 10.00 – 10.30 – прием лекарств.
- 10.30 – 11.00 – чтение газет.
- 11.00 – 12.00 – строевые занятия на плацу.
- 12.00 – 13.00 – разучивание хоровой строевой песни.
- 13.00 – 16.00 – создание литературных произведений.
- 16.00 – 18.00 – обед по разряду меню, соответствующему проценту выполнения дневной литературной нормы.
- 18.00 – 19.00 – протрезвление.
- 19.00 – 21.00 – занятия по боевым и групповым единоборствам в рамках весовых категорий членов литсекций.
- 21.00 – 22.00 – медицинское обслуживание.
- 22.00 – 23.00 – ужин.
- 23.00 – 24.00 – вечерняя прогулка и вечерняя поверка.
- 24.00 – 24.05 – пение Гимна Советского Союза.

00.05 – 00.30 – отправление физиологических потребностей и чистка зубов.

00.30 – отбой.

По субботнему расписанию пение Гимна Советского Союза заменяется половым актом.

По воскресному расписанию создание литературных произведений заменяется дискуссией о развитии советской литературы.

Инвентарная опись

дача – 1.

кабинет – 1.

письменный стол – 1.

стул канцелярский – 1.

пишущая машинка – 1.

бумага писчая – 5 л. в день.

тарелка глубокая – 1.

тарелка мелкая – 1.

чашка чайная – 1.

чашка кофейная – (*примеч.*: с 6.00 до 12.00 считать чайную кофейной).

ложка столовая – 1.

ложка чайная – 1.

вилка – 1.

нож – – (*примеч.*: резать-мазать ложкой).

кровать – 1.

одеяло – 1.

подушка – 2.

комплект белья постельного – 1.

графин для водки – 1. (*примеч.*: некипяченую воду не наливать).

ночной горшок – 1.

репродуктор – 1. (*примеч. от руки:* «Я тебе попереключаю!»).

костюм выходной – 1. (*примеч. от руки:* «С костюмом на выход!»).

костюм повседневный – 1. (*примеч.*: на черный день).

носки х/б – 1.

сорочка – 1.

жена – 1.

любовница – 1.

зубной протез – 1. (*примеч.*: надевать на голое тело).

очки – 1.

пистолет – 1.

патрон – 1.

Золотой фонд

«Старая гвардия» – роман.

«Доктор Плеваго» – роман.

«Белая осина» – роман.

«Колбаса – имя существительное» – роман.

«Несчастье» – роман.

«Кавалер Золотой Узды» – роман.

«Весна на Ипре» – роман.

«Вошь» – роман.

- «Чего ж ты хохочешь» – роман.
«Нехотение» – роман.
«Батальоны просят меня» – роман.
«Два майора» – роман.
«Гады, годы, гиды» – мемуары.
«Страна Корявия» – поэма.
«Провал памяти» – поэма.
«Братская СЭС» – поэма.
«Четырехугольная брюква» – поэма.
«Хук и хек» – повесть.
«Голубая плошка» – рассказ.
«На пне» – пьеса.
«Глубже!.. Глубже!.. Глубже!..» – пьеса.
«Человек с рожном» – киносценарий.
«Подвиг декретчика» – киносценарий.
«Прения» – пьеса.
«Люди мира, на минуту сядьте» – стихотворение.
«Один сокол Ленин, второй сокол Сталин» – орнитологический справочник.
«Садись, страна огромная» – инструкция.
«Хрен в маринаде» – этикетка.
«Если книга не издается, ее уничтожают» – слоган.

Поощрения и наказания

Собрание сочинений в 1 (2, 3, 5, 10, полное) томах издательством/вами «Советский писатель», «Художественная литература», «Молодая Гвардия», «Московский рабочий» с оплатой от 300 (триста) руб. и выше за авторский лист плюс потиражные. // Наказание: не издать.

Переводы на 14 (четырнадцать) языков братских республик СССР. Оплата аналогична. // Наказание: не перевести.

Переводы на 11 (одиннадцать) языков братских демократических стран. Оплата варьируется. // Наказание: не заплатить.

Премии (Ленинская, Сталинская, Государственная, Республиканская, МВД, КГБ). // Не дать.

Загранпоездки за государственный счет. // Не пустить.

Персональная пенсия. // Отказать.

Спецполиклиника. // Лечить у врача-убийцы.

Хвалебная рецензия. // Донос.

Избрание в президиум. // Вызов к следователю.

Товарищеский суд. // Товарищеский расстрел.

Похороны за счет Литфонда. // Бросить в яму.

Природа

Озеро – 1.

Река – 1.

Луг – 1.

Куст – 1.

Дуб – 1.

Береза – 1.

Осина – 1.

Рябина (красная) – 1.
Ива (плакучая) – 1.
Елка – 1.
Палка – 1.
Соловей – 1.
Кукушка – 1.
Кешка – 1.
Собака – 1.

Мартиролог

Пушкин – убит на дуэли.
Лермонтов – убит на дуэли.
Бестужев – убит в ссылке.
Гоголь – официальный диагноз «шизофрения».
Достоевский – официальный диагноз «эпилепсия».
Чехов – официальный диагноз «туберкулез».
Блок – официальный диагноз «анорексия».
Гумилев – расстрелян.
Есенин – повесился.
Маяковский – застрелился.
Бабель – уничтожен в заключении.
Мандельштам – уничтожен в заключении.
Цветаева – повесилась.
Светлов – алкоголизм и смерть.
Олеша – алкоголизм и смерть.
Булгаков – официальный диагноз «рак».
Фадеев – застрелился.

Попытка к бегству

Толстой – задержан на станции «Астахово», официальный диагноз «пневмония».
Герцен – бежал в Лондон.
Бунин – бежал во Францию.
Набоков – бежал в США.
Бродский – бежал в США.
Некрасов – бежал во Францию.
Гладилин – бежал во Францию.
Галич – бежал во Францию, официальный диагноз «смерть от электрошока».
Аксенов – бежал в США.
Солженицын – официально выслан в США.
Евтушенко – официально выехал на заработки в США.

Попутай, влетевший в форточку на Лубянке

– Тир-раны! Тир-раны! Пастер-рناق! Пастер-рناق! Р-русская культур-ра! Р-русская культур-ра! Шедевр-ры! Шедевр-ры! Жер-ртва! Жер-ртва! Бор-рьба! Бор-рь-ба! Р-родина! Р-родина! Ур-роды! Литер-ратура! Ли-тер-ратур-ра! Пиастр-ры! Пиастр-ры! Кр-ровь! Кр-ровь! Р-россия! Р-россия! Пр-роза! Пр-роза! Дррррамагурр-ррргия Рррррремесло! Прррррроклятый Крррррремль! Прр-прр-пррезидент! Р-руки обор-рву! Р-рабы! Р-рабы! Трр-трр-тррепе-

щите! Кр-расота! Элитар-рно! Гума-нир-рно! Прррррравославие! Самодеррррррржавие! Нар-
ррррррродность! Пиастр-ры! Пиастр-ры! Прр-прр-прро-свешение! Серр-рдие! Прр-прр-прре-
мия! Тр-риумф! Бр-рать! Кр-ретины! Кр-ретины! Беррррезовский! Ер-рофеев дур-рак! Хррр-
рам! Ррр-рецензия! Министр-р-р-р! Грррб, грррб! Кррррр-ремация! Патрррр-рриот! Хорр!
Барр! Мирр! Мр-рак, мр-рак! Кор-ряги! Гр-рубияны! гр-рубияны! каррр-раул! Р-рамки!

Сочинение девятиклассника на тему: «Что я мечтаю совершить в жизни»

«Я бы хотел многое совершить в жизни прекрасное и полезное для своей страны и своего народа. А потом выйти на пенсию и иметь хорошее здоровье и достаточно денег.

Правильно жить человечеству помогают книги. Хороших книг много, но их почти нет. Я бы хотел написать прекрасные книги, нужные людям; и чтобы все их прочли. А потом жить на заслуженном отдыхе на даче, среди других знаменитых писателей, и давать читателям мудрые советы. Утром купаться в реке и гулять по лесу с собакой, потому что собака – лучший друг человека.

Иногда я бы ездил в другие страны и рассказывал везде о прекрасной и великой русской литературе. А также выступал бы перед школьниками и иногда писал статьи в разные газеты по важным вопросам, которые всех волнуют.

Еще бы я мечтал быть награжденным премией за хорошую работу в русской литературе. Деньги не так важны, их даже можно отдать на развитие, чтобы больше читали.

Я бы хотел дружить с другими знаменитыми писателями, и по вечерам мы бы разговаривали у камина о глубоких проблемах жизни.

Я приложу силы и знания, чтобы прожить такую достойную и счастливую жизнь, потому что писатели – это самые умные и образованные люди, пользующиеся авторитетом у окружающих и хорошо зарабатывающие».

Записка в Главное Управление исправительно-трудовых учреждений

«Для поддержания охраны поселка на необходимом уровне срочно требуется выделить: колючей проволоки – 40 мотков, досок – 18 мз, прожекторных ламп – 8, бараньих тулупов – 4, ракетниц сигнально-осветительных – 1, биноклей – 2, пулемет – 1, походно-полевых кухонь – 1, собак сторожевых – 2, наручников – 10, шнура бельевого – 50 м, Конституции РФ – 50 экз.»

Памятка практического врача по борьбе с алиментарной дистрофией

«Основой профилактики алиментарной дистрофии является сбалансированное регулярное питание...» (всего 18 страниц)

Сучий кусок

«...ихологического дискомфорта. Феномен обиды слуги на тюремщика был одной из примечательнейших особенностей советской литературы. С уходом натуры понять это уже не просто.

Заклученный прославлял свою тюрьму. Как минимум он был обязан произносить формулы любви и благодарности распорядку и надзирателям. Таков был официальный аспект его существования – своего рода общественный договор между писателем и властью.

За это власть давала заключенному (писателю) паек в соответствии с назначенным рангом, установленной комфортности хату со шконкой и талоны на потребительские товары.

Условно-освобожденные за примерное поведение пользовались правом, после проверок и инструктажей, кратковременного увольнения за пределы зоны.

При этом на уровне неофициальных отношений между писателями этика диктовала подразумевать, что писатель ненавидит тюрьму, страдает в ней и пребывает во внутренней оппозиции к власти. То есть: пользующийся страдалец, он же страдающий пользователь.

Иногда писатель (заключенный), по умыслу либо недомыслию, делал то, что власти не нравилось. Тогда она могла счесть общественный договор нарушенным с его стороны и лишит пользователя каких-то благ, наложить дополнительные ограничения.

Вот это приводило страдальца в неистовство. И неофициально все должны были ему сочувствовать и поносить власть. Мало того, что она уничтожала миллионы людей, развязывала войны, нагло лгала своим гражданам и содержала их в нищете – она еще смела лишать неугодного писателя того, что сама же ему дала.

Скажем, поэта Твардовского власть в общем порядке лишила дома и отца: отец был лишен всего имущества и прав состояния, выслан с семьей в лесотундру и умер на морозе. Однако Твардовский-сын писал угодные власти стихи и был за это награжден орденами и премиями и вселен в коттедж, и претензий власти не предъявлял.

Поэт же Пастернак семью имел вполне благополучную, а власти никаких услуг не оказывал, но также был пожалован коттеджем в Переделкино; когда же его за роман, сочный непользуемый власти, лишили права увольнения за зону (о каковом праве подавляющая масса заключенных и близко не мечтала), а за отказ официально признать бесполезность своего романа – вывели из списков Союза советских писателей, это он сам и вся интеллигенция как тюрьмы, так и, что примечательно, загона, переживали крайне болезненно и расценивали как большую несправедливость.

Представим себе христианина, с изъявлениями благодарности принимающего дары гонителя христианства – и искренне страдающего, если гонитель вдруг лишает поднесенных ранее даров именно его. И что же – церковь осуждает суемирного? Нет: сочувствует ему и осуждает гонителя – не за поступки, достойные антихриста, а за то, что мешает гонимому наслаждаться дарами кесаря. При этом вопрос о моральной невозможности принимать христианину подарки от антихриста даже не ставится: ставить его считается негуманным и неприличным. Неэтичным, неуместным, некорректным.

По этой причине и властью, и интеллигенцией решительно осуждался Макиавелли, сказавший: „Можно простить смерть отца, но не потерю вотчины“.

С горечью констатируем вбитую в гены истину: родина собаки – палка, и она жаждет ответной любви.....»

Голубые города

Вот только без ржания. Развелось «гомо». Голубую рубашку надеть невозможно. Я не о том.

Черт его знает, почему в воображении давно сюда прилипло название «голубые города». Цвет сна. Вдох небесный. Не то чудится прозрачная дымка, мираж, не то двойной контур происходящего. Городское марево, смазанность алкоголя и дрожь в зеркале. Был у Федина такой ранний роман (где тот Федин?.. кто помнит?..), все не дошли руки прочитать. И фильм такой был, и оттуда вызванивал ксилофоном шлягер, капель дальних весен: города, где я бывал, по которым тосковал, мне знакомы от стен и до крыш: снятся людям иногда голубые города – кому Москва, кому Париж...

«Скороход» был удивительной конторой. Я имею в виду не саму обувную фабрику, головную в объединении под тем же именем. Это была наша многотирага. Хотя тогда между статусом «многотиражной» газеты и нашей «заводской» усматривалась тонкая принципиальная

разница, небезразличная профессионалам: ступень престижа, горделивый нюанс голодранцев. Мы были единственной в мире ежедневной газетой обувщиков, и самой массовой и капитальной: десять тысяч экземпляров, четыре полосы пять раз в неделю.

Стеллажи отсвечивали обоями кубков. Вееры грамот придавали казенным стенам пестрый цыганский шик. На всевозможных слетах и конкурсах мы забивали первые места, предусмотренные для отрасли и класса. Генерал (называли генерального директора объединения) заявлял, что его день начинается с чтения свежего номера «Скороходовского рабочего». Высочайшая поддержка отпускала наш поводок до радиуса нагловатой свободы внутри очерченного круга: критиковать всех, за исключением самого генерала и секретаря большого парткома; прочих не возбранялось натягивать и высушивать. Это ли не кайф самоутверждения? За пределами круга царила партийная норма печати: подлиз с прогибом под барабанное единоеобразие. А на круг команде было по двадцать пять. Было дело.

Редактриса была умная. Она набрала ребят, как выражаются немцы, «с головами, но без штанов». Звезды университетского филфака сияли в студенческих небесах, забывая устроить дела на земле. И когда подходило время диплома и выпуска – обнаруживали, что работать негде. Дубовые двери альма матер хлопали, и происходил звездопад. Окурки шипели в грязи. Загадывали желание: ну, суки, и государство. И тут выяснялось, что кто-то из окончивших курсом ранее пашет в «Скороходе». И это жутко неплохо. К девяти утра ходить не надо. Можно иногда вообще не ходить. А можно уйти в любое время. Работа же заключается в том, что надо писать. И написанное не только автоматически печатают – но именно за это и платят деньги! Печататься где бы то ни было в то время было настолько трудно, что рисуемая перспектива спирала в зобу дыханье. Глаза расширялись с выражением восторга. Шедевры и пиастры!

Потому что нигде более печататься для нас было нереально. Мы не были члены партии. И не были членами Союза журналистов СССР. Обычно не имели ленинградской прописки – и, тем самым, шансов вообще устроиться в Ленинграде. А некоторые при этом опустили до хамства и глупости быть евреями. Да это почти бомжи, маргиналы, деклассированный элемент: потенциальные враги народа.

И вот деловая сорокалетняя Магда нас подбирала. А когда пошла наверх – оставила за себя сорокалетнюю же Риту. «Мамка»-Рита оказалась почти таким же отличным редактором: она не мешала писать так, как нам заблагорассудится, отстаивала наши опусы на бюро и могла выдать мелкую премию подкожным налом из сейфика. А между собой и коллективом проложила пару сорокалетних дур: чтоб нам было кого грызть, а ей – в ком иметь поддержку на любой случай. «Нам нужен живой и зубастый настенный орган», – писала дура о конкурсе стенгазет. На летучках мы катались по низкому длинному столу. Дуры рыдали «мамке» в кримпленовый сыют. Деваться им было некуда, и держались они за нее отчаянно, всеми своими настенными и подстенными органами.

Штатное расписание состояло из пяти единиц, а нас было семнадцать. Дюжина числилась по разным фабрикам и цехам затыжчиками, прессовщиками, вырубщиками и прочими социально ценными пролетариями, дважды в месяц отправляясь расписаться в зарплате. Это называлось числиться «на подвеске». Уже тогда мы были подвешены, понял. Нам делали лимитные прописки и выбивали комнаты в рабочей общаге. При случае втыкали в очередь фабричного кооператива. Купить было несложно, долг – не те деньги, ты попробуй туда влезь.

Гудели дневные лампы, стучали машинки, пахло крашеными кожами и текстильной пылью. В «Скороходе» мы обзаводились красными удостоверениями, вступали в Союз журналистов, снедаемые карьерой внедрялись со своих пролетарских подвесок в партию. И через несколько лет двигали наверх – в городские и областные редакции. Мы хорошо жили! Отчаянно паша за смешные зарплаты. Работягам были до фени перлы нашего стиля. Мы писали для себя: друг для друга. Будущее светилось огромным и светлым: «Клуб кинопутешествий»,

«Жизнь замечательных людей». Производственные заметки щедро фонтанировали избыточной молодой энергией.

Это было не то век, не то четверть века назад. Самый сок застоя. Брежнев еще иногда сам ходил и выговаривал многие слова.

Мы пересеклись в «Скороходе» возрастом мощного жизненного восхождения к главным делам и высотам. Силы распирали нас – ржали, как кони, стуча копытом насчет всего, что горит и что шевелится. Командой мы могли делать любую центральную газету по классу экстрас – свой уровень знали, и сплевывали без тоски. Условия игры были гуще решетки – стояла эпоха анкетных карьер, и Фигаро брезгливо констатировал, что лишь рабелепная посредственность достигает всего.

Пересечение было не случайным. Логический крест судеб. Кто гадал, что время вывихнет коленный сустав, оба локтевых и повредит позвоночник. Ясное дело, раскидало. Очки, вставные зубы и зарплаты в валютах далеких обжитых стран. И идея традиционного сбора сидит в нас много лет.

А на рубеже тысячелетий вопрос встал, лег, трепыхнулся: сейчас или на хрен. Штурвал провернулся, консервные банки звякнули на веревках: «сбор общий командный по форме номер два», или как это там у классика.

Связующим звеном послужил Аркашка Спичка. Это было самое толстое звено. Спичка сидел дома и работал без отрыва от собственного стола: фельетоны, переводы и брошюры по гастрономии холостяка. Рабле отдыхает. Тридцать лет он пил водку и закусывал салом, а раз в год ложился худеть в клинику.

– Может, соберемся? – задал он по телефону обычный вопрос.

– Куберского достанешь? – спросил я.

– Только в обмен на Саульского! – захохотал он.

Торг был неуместен. Куберский понемножку издательствовал здесь же, в Питере. А Серегу Саульского пришлось вынимать из Парижа, где он оттягивался уже двадцать лет: катал в Ниццу новых русских, играл в казино, писал пьесы, опекал взрослого сына и растил двухлетнюю дочь.

Мы стали уже не вовсе нищими, и организационный период может быть из временного измерения переведен в денежный эквивалент: телефон и билеты. Если кто кому не чужой, обратиться всегда несложно. Выпьем, закусим, вспомняем: живы.

В знакомой и съездившейся обшарпанной проходной у Московских ворот предъявили хранимые старые пропуска. Вахтерша заполняла брезентовый ватник, как вросшая за прилавком бочка. Фотографии хранили сходство.

Пересекли двор главного корпуса, мощеный треснувшими бетонными квадратами. Пыльные деревья облетали. Ветерок трепал Доску почета. Наш желто-серый флигелек оседал в землю.

Редакция помещалась в двух комнатах первого этажа. Сквозь кусты проникал полусвет. Из выгородки, заизолированной плитами сухой штукатурки и стекловатой и обитой мешковиной – «машинописки» – различалось тюканье машинки. О компьютерах здесь еще слухом не слыхивали.

От клавиш обернулся Серега Ачильдиев и сверкнул зубами. До отъезда в Германию и до «Мегаполиса» он работал в «Неделе» – вполне приличная для газетчика тех времен карьера.

– Ка-акие люди! – весело закричал все тот же смуглый и маслиновоглазый брюнет Ачильдий, лаковый красавец из бухарских евреев. – Явились наконец. Водка стынет!

И немедленно в какой раз пожаловался, что проработал здесь уже черт-те сколько лет и написал со всех фабрик объединения все, что возможно придумать про изготовление обуви. «Когда я вижу человека с ботинком не на ноге, а в руке, мне хочется вырвать этот ботинок и дубасить им его по башке, чтоб обулся и исчез вон!»

В дверь просунулся седеющий Гришка Иоффе и со своей ехидно-интеллигентской ухмылкой пересчитал бутылки.

– Можешь не считать, Григорий, тебе обрубиться хватит, – уверил маленький Витька Андреев и мотнул эспаньолкой.

– Ну так и пора начинать, не фиг остальным опаздывать.

Спичка немедленно отправился в раковинно-посудный закуток резать сыр и колбасу. Мы отковырнули пробки, развели первую по стаканам и подтянулись вокруг низкого стола для летучек, крытого исцарапанным красным пластиком.

– Не может быть!.. – высоким молодым голосом сказала Оля Кустова (наша «культура», редактор «Детгиза» и «Лениздата», далее – везде), поерзала, уместаясь на стуле, нюхнула, вздохнула и зажмурилась.

Стаканы стукнули, звякнули, столкнулись.

– Ну что, за «Скороход», мальчики, – сказала тощая и уважительно сияющая мамка-Рита, и мы выпили.

В этот самый миг, разумеется, прихромал опаздывающий всегда и в любых ситуациях бородатый Бейдер.

– Блядь, они уже, конечно, пьют, – прогудел улыбочиво матюжник Бейдер и поставил «Столичную». Ногу он сломал на тренировке карате, и все ржали, что загипсована левая, рабочая, чем теперь писать будет?

– Совсем ты расслабился в своем Иерусалиме, – подколот фотошник Фрома, сдвигая козырьком назад неснимаемую капитанскую фуражку и щелкая камерой. – Здесь тебе не паршивый «Маарив», а единственная в мире ежедневная газете обувщиков. Как справедливо заметил посол Бовин, если что и погубит Израиль, так это раздолбайство евреев.

– Ты на себя в профиль давно не смотрел? – спросил Вовка, стуча ногой, как статуя Командора. – Ариец. Бердичевский самурай. А до Иерусалима еще дожить надо. Я лично собираюсь работать здесь. Это единственное место, где можно работать.

– Да сообрази ты наконец, Бейдерину, – сплюнул Саульский, – что вся наша работа здесь на хрен никому не нужна. Делали говенную обувь – и будут делать, хоть ты им «Анну Каренину» напиши.

– А куда ты с подводной лодки денешься? – хмыкнул Вовка, повертел луковицу, заправил в бороду и хрустнул...

– Да валить всем отсюда надо!

– Довалились уже, ступить некуда – везде сидят вот такие. А я хочу, чтоб прошло много лет, и вы все намотались по разным местам, а потом пришли в «Скороход», – сказал Бейдер. – Где я буду сидеть главным редактором.

– А меня ты куда денешь, Володя? – кротко спросила Рита.

– В министры печати, – цинично польстил он.

– Ну – намотались, – сказал Ачильдий.

– Ну – приехали, – сказал Саул.

– И я вас – возьму! – торжественно пообещал щедрый Бейдер.

– Возьми петуха за бейцы! – прыснул водкой толстый Спичка.

Мы все еще не обвыклись друг с другом, не обмялись. Глазам было странно. Бывшая когда-то целым залом редакционная комната стала маленькой и бездарно освещенной. Выпили по третьей реанимирующего напитка и закурили.

Совмещение настоящего и будущего, или, если иначе взглянуть, прошлого и настоящего, с повышением градуса пошло легче, естественней.

– Здесь расти дальше некуда. Бесперспективно, – пригорюнившись, поделился Гришка Иоффе и как бы сморгнул слабую слезу. Бескостно оползая в дерматиновом полукреслице, он сделался похож на маленького, поседевшего, домашнего и безвредного змей-горыныча. –

Книгу издать невозможно. Издательства забиты на пять лет вперед. В Союз писателей не вступишь...

Писал он так себе. Все потупились. Вялый-то он был вялый, но в глубине немножко ядовитый.

– Гриша, – предостерег благодушный Куберский, – не делай глупостей. Ну, издашь ты в Магадане свою книжку детских стихов – и это стоит того, чтоб разводиться с Жанной? Трехкомнатный кооператив от «Скорохода» ты купил, в партию и в Союз журналистов вступил, зарплату получаешь, – живи спокойно!.. Не дергайся.

Мы знали, что речи эти в пользу бедных. Гришка проторчал в своем Ягодном, зековской столице Колымы, пять лет: вернулся несолоно хлебавши, усох, опал, постарел, и теперь платит алименты и по выходным гуляет с выросшими детьми. Сам дурак. А жалко бедолагу.

Труднее всех было с Мишкой Зубковым. Мишка спился, опустился, не вылезал из депрессии – голливудский красавец, умница, талант, «Мистер филфак» все пять студенческих лет. Он блестяще писал, пел, как Карузо, играл на всем, что издает звуки, и переводил со всех языков. Бабы падали штабелями. До времени он посеребрился, остригся коротко, надел очки, знал все ночные шалманы в городе, ходил в засаленной куртке, и в один гадкий петербургский вечер бросился на Финляндском вокзале под электричку. Зрелище было серьезное даже для штурмовой бригады «скорой», прилетевшей на «попал под поезд». Они вызвали транспорт из морга, и то, что осталось на рельсах, лопатой собрали в черный пластиковый мешок.

– Зубкович, – сказал Саульский, – да ты выглядишь еще лучше, чем раньше. В каком ты опять круизе набрал такой миллионерский загар?

До «Скорохода» Мишка два года плавал пассажирским помощником на «Лермонтове» и был любимцем публики и команды.

– На Южном кладбище, – в лучших традициях черного университетского юмора захохотал Мишка.

И все захохотали следом, а громче всех я, потому что в это время я уже жил в Эстонии, и Гришка Иоффе пытался задним числом сделать мне выговор по телефону, что я не приехал на Мишкины похороны. Хотя а) я не знал; б) гроб все равно не открывали; и церемония превратилась в крепкую помойку памяти товарища.

А вот сидит товарищ, и хоб хны. Хрен ли нам Колыма, хрен ли электричка.

Мишка мягко улыбнулся и налил себе пива.

– Не сдувай пену! – закричал Бейдер, и все снова загоготали.

Мы пили пиво у ларька на углу Воздухоплавательной, и Мишка не глядя сдунул пену на лицо вышагнувшего сзади мужика. Еле отмахались. Компанию мужика особенно оскорбило, что смешливый Бейдер просто зашелся в экстазе. Он как раз перед этим удачно заплел вежливую критическую гадость про Маринку Галко: про ее самомнение как насчет гениальных материалов, так и насчет неотразимой внешности, но яд еще не был излит.

– Вот пройдет лет двадцать, – принял Мишка кружку, – и красивой Маринка быть перестанет, а дурой так и останется. – И сдунул пену. И попал.

Грузинская княжна Маринка Галко, бывше-будущая Куберская, Токарева и Гусева, сидела напротив на диване и щурила мохнатые ресницы. Хлебом ее не корми – дай поохмурять ближнего: а потом самовлюбленно шлепнуть его по рукам, тянущимся ответно куда надо.

– Мудак ты, Мишаня, – сказала она. – Хотя все равно я тебя очень всегда любила. – Красивой она быть не перестала, что же касается ума, то давно защитила диссертацию по искусствоведению и очень удачно и счастливо успокоилась в браке с директором Русского музея; пустячок, но тоже приятно.

– Ну ты крута, мать, стала, – пропыхла Алка Зайцева, еще не гражданка глубоко независимой Эстонии и еще не Каллас. Алка была пышненькой в свои двадцать восемь, и в тридцать восемь, а в сорок восемь посуровела, построилела, села на диету и успешно сидит на ней

до сих пор, блюдя размеры. Она еще пила, еще курила и еще сумрачно прикидывала будущность: денег нет, родители старики, сын неврастеник, разведенный муж из тюремной школы переезжает в США, там у него несколько домов, изданная книга, слезы, седина и бесцельность. А у нее любящий муж, ставший большим писателем и бросивший пить, младшая дочь, сын стал доктором эстонской филологии, а сама главный редактор почти не существующего в природе, но все-таки журнала.

– Как живешь? – спросила она Вовку, не глядя на него.

Вовка с небрежным смыслом перекорезил бороду.

– Лысеем, понимаешь, – враспяжку ответил он.

– Ну, с твоей формой черепа можно. А еще?

– Машину купил... под конец олимовских льгот. По прямой едет. Осталось парковаться научиться. В Тель-Авиве днем на... пардон, замучишься с парковкой.

– На фига тебе машина, – сказал я.

– А ты все красиво нищенствуешь, художник? – спросил он, налил и выпил. – А не боишься, что печатать тебя все-таки не будут, и в результате без денег и без всего ты все-таки не сможешь пробиться? И окажешься в пролете – жизнь в дерьме? Ты вообще допускаешь такую возможность?

– Допускаю.

– Ну и?

– Значит, тогда я дерьмо и так мне и надо.

– Гм. Ну что. Точка зрения достойная.

Стану я рассказывать, как бьюсь лбом в машинку, когда ночью накатит. Никто меня печатать не собирался. Я и мысли не допускал, что не пробьюсь; но... Так не бывает, чтоб человек сделал все от него зависящее – и не добился своего. Всегда ты сам чего-то еще не сделал – так не скули.

Отмякли; и уже голоса поднялись враз – политика, литература, мораль и гибель страны: есть приход – захорошели. (В этот абзац каждый сам, в меру своей информированности и политических воззрений, может поместить Горбачева, перестройку, августовский путч и октябрьский расстрел, приватизацию, обнищание, последствия распада Союза, эмиграцию знакомых, Ельцина и Путина, инфляцию и порнографию, борьбу с лишним весом и облысением, квартирные проблемы и взросление детей... вот, собственно, и вся наша жизнь в темах для разговоров. И чем больше говоришь – тем дальше дистанция внутри единой когда-то компании: какое-то взаимоотталкивание и разбегание молекул. Нет: встреча должна продолжаться с того момента, когда много лет назад расстались – о том, что было вместе, а не о том, что разъединяет. Не знаю, понятно ли я объяснил.)

В машинописке раздался глухой деревянный удар. Мы переглянулись и вскочили. Наташка Жукова, страдавшая эпилептическими припадками, опять упала – прямой спиной, приложившись затылком. Как колоду на паркет бухнули. Бабы захлопотали.

– Никаких условий для нормальной работы, – с холодной иронической неприязнью, юмор джентльмена-декадента, произнес Зубков. Чем разрядил неловкую тишину. Скорбеть никому не хотелось. Хотелось говорить о хорошем. Упала – встанет. Больна – в больницу.

– Упал – отжался, – сказал Иоффе.

– Нечего деморализовать коллектив, – сказал Ачильдий.

– Так и пол проломить недолго, – сказал Бейдер.

Как-то к нам пришел с журфака практикант-араб, сириец, милый чернявый мальчик. Носы и фамилии редакции привели его в некоторое сомнение.

– Это русские фамилии? – неуверенно и с вежливой надеждой поинтересовался он.

Ответный гоголь был окрашен в интонацию произвольно глумливую. Больше мы арапчонка не видели. Душевные ребята журналисты.

Машинистку Любу отправили в медпункт за бинтом и йодом. Через пару лет Люба заложила парткому всю контору в отместку за то, что ей чего-то там не доплатили по сравнению с прочими. Она обнародовала нищую нашу систему неподотчетных выплат сотрудникам, и редакцию, вздрючив, посадили на сухой паек. Зараза. У нее были очки и волосатые ноги. И все равно она была своя. Однажды по пьяни мы чуть не переспали. Хотя по пьяни хоть однажды все со всеми чуть не переспали. Все равно зараза.

Под это оказание скорой медицинской помощи особо неустойчивым Спичка с другом Зубковым, циники-однокурсники, кивнули друг другу и на прекрасном польском воляпюке грянули с замечательным умением и задором на два голоса дивно неприличную песню о любвеобильной хозяйке корчмы, которая «сама поцелует, сама вложит». Припев состоял из односложного, зато оглушительно повторяемого слова, и мамка-Рита покраснела. Спичка давно разошелся с удивительно красивой и еще удивительнее глупой Нинкой, а сын их вырос на редкость славным и чудовищно уже взрослым мужиком, старше нас сейчас, он работает на телевидении и прошлым летом делал со мной передачу.

Вот это смешение двух времен и всего между ними, двоя и множа контуры лиц и предметов, создавало расплывчатое и щемящее ощущение родства и любовного единения, которого раньше у нас никогда в такой степени не было. Я затруднился бы определить, в какое время это происходит. Любили-то мы друг друга больше, чем прежде – это была ностальгическая любовь (старых мушкетеров), которую годы лишили зависти, текущих счетов и ревности к будущему друг друга: это будущее уже свершилось и было при нас, уже ничего не изменишь, и разница положений минимально в перспективе преуспевшего, скажем так, Мишки Зубкова и максимально в той же перспективе (ретроспективе?) поднявшегося, скажем, Мишки Веллера абсолютно ничего не изменяла в положении и в отношениях: уже можно ничего не избегать и ни к чему не рваться, а просто пить, сидеть вместе и отгаивать любовью. Все равно мы все здесь, на ста двадцати рублях, флаг для Царского Села, дым отечества. И все равно зубковский блеск ничем не перешибаем, а саульский мужской магнетизм ни с чем не сравним, а маленький Витька Андреев хороший и очень добрый парень, которому крепкую и незаслуженную подломаку устроила бывшая жена, и он теперь слегка двинулся крышей, потому что одновременно (дуплет, флеш) из тома испаноязычной поэзии в Библиотеке всемирной литературы выкинули две тысячи строк какого-то переводчика, свалившего по израильской визе в США (лишенец!), и витькин кафедральный шеф по доброте и нужде задвинул туда его испанские переводы, Витька получил фамилию на обороте титула и чуть не три тыщи рублей и воспринял себя, в порядке компенсации за личный облом, круто всходящей литературной величиной. Его звездность нас забавляла, будущее было как на ладони, или в дырявом кармане, или в старом чулане, вот оно все здесь, как и все наши судьбы, и Витьку это уязвляло – он сделался едок и самолюбив.

– У меня в Доме прессы спрашивают: чьи это такие красавцы в газетную типографию вычитывать полосы ходят? – похвалялась мамка-Рита. – Это, говорю, наш «Скорород». От Зубкова, ой, они там вообще лежат. И Сережа Саульский, и Ачильдиев... – она обвела вокруг влажным взглядом, споткнулась на Иоффе: – Вообще все у нас красивые мальчишки!..

«Поплыла мамка», – пробурчал недолюбливавший ее Бейдер.

Спившийся вусмерть редактором «Ленинградского речника» Адик Алексеев, наш ответсекр, был и сейчас похож на пожухшее красное яблочко в очках. Зайдя сзади, он сжал визгнувшую дуру-Глухову за основательные немолодые бедра.

– Мэм! позвольте вас тиснуть! по-партийному! – молодецки гаркнул он и упал в проход между столами. Это был его коронный номер.

– Если сама знает кто опять нассала под раковиной – убью, – отреагировал Бейдер, оценивая градус встречи. Мы уже два раза сгоняли за добавкой на уголок, и всем было хорошо.

Возвышенно. Хотелось беседовать о чем-то значительном, в чем мы разбирались лучше других, и тем самым льстить уже темой беседы.

– С-суки, что со страной сделали, – сказал германец Ачильдий.

– С какой именно? – осведомился Спичка.

– А ты закуси, – посоветовал Зубков.

– Знаешь, когда я понял, что уеду? – спросил парижанин Саульский. – Когда мы с Веллером как-то месяц обедали в кафе.

– Логично. Перед дальним перегонем надо поплотнее закусить, – кивнул Спичка, наложил сырный ломоть на колбасный, свернул в трубочку и сравнил ее размер с уровнем в стакане. – Во всем должно соблюдать пропорцию, – пояснил он. – Это я вам как гурман говорю.

– Пару раз мы и в «Метрополе» обедали, – уточнил я. – Помнишь, как какой-то козел прорывался к Никулину за автографом, а халдей принимал его на корпус?

– Это если у кого был корпус, – хмыкнул Саул, недавно бросивший бокс в семидесяти килограммах. – Ну и что? Что мы, много брали?

– Два помидорных салата, два мяса, два кофе и бутылку сухого, – процитировал я несложное традиционное меню.

– Ну, и сколько это стоило?

– Десять рублей.

– Вот именно! И сколько это получается в месяц?

– Триста рублей. Если обедать каждый день.

– А что, надо обедать не каждый? Сколько мы с тобой на двоих зарабатываем? Я сто сорок.

– А я сто двадцать. Сто тридцать с премией.

– Это вместе чего выходит?

– Двести семьдесят.

– Так... А три дня что – не жрать?!

– Ну, разгрузочные дни полезны.

– Блядь!!! Я не вагон, чтоб меня разгружать! А если я хочу обедать каждый день?!

– Хотение – бесплатно.

– Три дня не жрать! А если я еще хочу, например, купить носки?

– Не жри четвертый, – сообразил Иоффе.

– Или носки, или обед, – философски рассудил Андреев.

– Все суки! А если я хочу и носки, и обед?! Мы два на хуй журналиста, кончили Ленинградский университет, работаем не в самом последнем горчичнике, не идиоты, – мы что, не можем себе заработать и на носки, и на обед?

– Можем. Но не зарабатываем.

– На х-хуй мне такая жизнь???!!!!

– Чего же ты хочешь, как спросил классик?

– Я хочу каждый день обедать! и при этом покупать себе носки!

– О? Ну так вали отсюда, – подытожил я.

– Куда?

– Туда, где каждый день обедают и ходят босиком, – поморщился Зубков. – Главное – чтоб не пообедали тобой.

– В Париж! – сказал я. – Как раз и женишься на Кристине, о чем она мечтает.

– На х-хер мне сдался этот Париж! Я живу здесь! и хочу здесь обедать! и ходить в носках.

– Так не бывает, – покровительственно улыбнулся автор ожидающейся первой книги рассказов и издатель Куберский. – Либо здесь без обеда, либо в Париже без носков. Надо уметь делать выбор, старик.

Саул хлопнул полстакана привезенного арманьяка – он приехал из Парижа с деньгами, не мог он такого позволить, чтоб он платил не больше других, – и свернул самокрутку из черного луарского «капораля».

– Вот и свалил, – пояснил он Бейдеру. – И эта страна меня больше не ебет, понял? Я здесь ходить боюсь. (Его наладили трубой по голове и сняли джинсы белой ночью прямо перед Русским музеем, где сейчас директорствовал муж Маринки Галко, и Саул посмотрел на нее с ненавистью.) Это не страна – это зона! А по зоне не гуляют – ее пересекают! Я пересекаю этот город на машине.

– Езди на машине, – покладисто разрешил Бейдер.

– Здесь только самоубийцы могут ездить на машинах! – взорвался Саул. (Он недавно перегнал новому русскому «мерс» из Парижа, незамедлительно вслед за чем, прямо в кабаке точки доставки, умудрился из старого боксерского куража схлестнуться с солнцевскими пацанами, которые не убили его только под авторитетом заказчика, но измочаленное тело выкинули на обочину невесть где, и он полгода лечил переломы.)

– Пожил бы ты в Израиле, да на территориях, поспал бы с автоматом под кроватью – тогда бы понял, что здесь еще курорт, – вздохнул Бейдер. – Лично меня от этой палестинской Касриловки уже тошнит. Все делается в Москве... мужики! На хрен я уехал? А... жена допилила...

– А теперь?

– Теперь там пилит. Тоже плачет.

– Возвращайся, – пригласил Андреев с нотой издевки.

– Россия – щедрая душа!

– Куда? Сюда? Я дурак, а не сумасшедший. Лучше воевать с арабами, чем с черносотенцами.

– Да брось ты эти байки про черносотенцев, – отмахнулся Гришка Иоффе, благополучно отбывший пять лет Магаданского края.

– Думаешь, в Германии мало неонацистов? – со светской безнадежностью поддержал тему Ачильдий.

– Зато в Эстонии их нет, – сказала жительница Таллина и эстофилка Алка Зайцева и махнула рюмку.

– То-то в сорок третьем году в Эстонию прилетал Риббентроп – лично поздравлять администрацию с тем, что Эстония стала «юденфрай», свободна от евреев, – гмыкнул Спичка. – Хотя... даже среди поляков я знаю одного, прилично относящегося к евреям!

– И я тоже, – поддержал Зубков.

– Видимо, это единственные два поляка, терпимые к евреям, – съязвил Андреев.

– Один, – сказал Зубков. – Это Кшиштоф, наш с Аркашкой друг. Мы знаем одного и того же поляка.

Он принял гитару и, улучшенный и вокально обогащенный вариант молодого Утесова, заполнил слух и сознание: «Давно уж мы разъехались во все концы страны...»

Голубоватые и прозрачные, как кисея, знамена реяли вместо стен. «Словно осенняя роща, осыпает мозги алкоголь», – пробормотал Саул. Страна распалась, разъехалась, дальние края загнулись и соединились, и она оказалась глобусом: крутится, вертится шар голубой. Внутри призрачного шара бились и не могли вырваться голая Мэрилин Монро, хриплый голос Высоцкого и пыльный комиссарский шлем.

После тоста за эту дольчу виту Саул забрал у Зубковича гитару и, глумливо глядя ему в глаза, заорал с надрывом: «Вот вышли наверх мы – но выхода нет!...» Зубков пропустил оскорбительный намек с достоинством британского парламентария.

– Ну, так что мы сейчас делаем? – спросила мамка-Рита, взглянув на часы. – Вроде и поздно уже.

Бейдер махнул рукой и выругался:

– Я только сейчас возвращаюсь в маршрутке из Тель-Авива домой в Иерусалим. Час от двери до двери. И так шесть раз в неделю... Туда машина отвозит, в Иерусалиме девять человек из «Вестей» живет, а обратно – обычно поздно...

– Я лично пью свою кружку пива в Мюнхене, – сказал Ачильдий.

– Рита, вы иногда бываете несколько бестактны, – вежливо заметил Зубков.

– Миша, извини, ради Бога, – деловито и без смущения бросила мамка. – Мальчики, я – все. Вы, если хотите, можете оставаться, только посуду потом составьте в раковину, а то уборщица утром ругается. А я пойду. Завтра буду к половине десятого. Все помнят – сдаем пятничный номер? Витя, не забудь, ты на первой полосе.

– Только не перепутайте опять Хитроу с Хосроу, Раиса Максимовна, – ехидно просипел закосевший Андреев. – Хосроу – это аэропорт в Лондоне, а Хитроу – это средневековый узбекский поэт. Так это наоборот! А если не знаете – так можете спросить у меня.

– Во-первых, – сказала Рита, – я Раиса Михайловна. До Раисы Максимовны еще десять лет жить. Не торопи события.

– А чего их торопить, они и так уже произошли.

– Тем более незачем торопить.

Она попрощалась. Мы разлили остатки. Стали сбрасываться по рублю. Кинули «на морского», кому бежать на угол за парой флаконов.

– Михаил, – глубоким голосом спросил Зубкова Ачильдиев, – ты же заведовал Ленинградским отделением издательства «Наука», это не хрен собачий! Скажи хоть сейчас – с чего ты сделал такую глупость страшную?

– Погоди, – мелодично, красиво засмеялся Зубков, – хлебнете вы еще перестройки. И постперестройки. И пост-СССР. Напостовцы. Постовые. Разводящий – ко мне! остальные – на месте!

– Уже хлебнули, и ничего, как видишь.

– Вижу. То-то вы все торчите хрен знает где, аж голов не видно из этого самого, и занимаетесь кто чем.

– Ну все же лучше, чем так...

– Это еще как сказать. Во-первых, я здесь. Во-вторых, не знаю наконец никаких хлопот. В-третьих, Аркашка иногда приносит выпить. («И закусить, – добавил Спичка. – Семь лет носил. И хватит халявы. Теперь с тобой на соседней аллейке. Забыл? Пей меньше».)

В-четвертых, вам теперь еще пилить хрен знает куда, а я могу пить спокойно и не дергаться. Ну, жеребианты, жеребчики и жеребьевщики, кто со мной сходит?

Спичка мгновенно и неожиданно заснул: раз – и перешел в другое состояние, удобно расположив живот на коленях. Куберский сосредоточенно составлял из дареных на юбилей кукол орденосного матросика и краснокозыночной работницы позу анального секса «народ и армия едины». Эта композиция по утрам приводила старушку-уборщицу в неистовство. В магазин мы пошли втроем с Мишкой и Бейдером.

Долго изучали сияющие полки винного. Я выгреб остатки из кошелька и взял сверх программы литровку «Абсолюта» и самый большой арбуз.

– Размечтался, – насмешливо сказал обнаружившийся рядом Саул. – Это мы с тобой брали в Париже ночью на завязку твоего дня рождения, у меня в квартале, в арабской лавке.

– И жить торопится, и чувствовать спешит, – насмешливо продекламировал Зубков, распределяя шесть бутылок «Хирсы».

По темной улице вы возвращались сквозь прохожих, хохоча над каждым словом. То, что они не замечают наших светящихся силуэтов, казалось необыкновенно забавным.

– Привидения в замке Шпессарт, – комментировал Зубков и запел под Вольдемара Магушку, хотя тот был привидением из другого кино.

– Как-кая баба! – прицокнул Бейдер, плотно вписавшись сквозь грудастую блондинку, облитую лайковым завмаговским пальцем.

– Так трахни ее! раз она все равно ничего не чувствует.

– Вот именно – что ж ее трахать, если она даже ничего не почувствует?

– Как они тут, интересно, вообще трахаются, ничего не чувствуя?

– Вот рождаемость и падает.

– Без нас!

– Пора помочь стране!

– К барьеру, господа! К станку!

– Вспомни – а ты как трахался?

– С удовольствием, бля!

– Со звоном даже, я бы сказал.

Гогоча, мы ввалились в ободранный коридор, ведущий к редакционной двери. Две хмурые, со стертymi усталостью лицами работницы после второй смены шли в женский душ.

– Пойдем с ними?

– Спинки потрем!

– И отразим это в пятничном номере. Скажем, что вот так он и сдается. Их это, в конце концов, газета или не их?

– А жанр называется «подпись под клише».

– Юноши и девушки! Овладевайте смежными специальностями!

– Да просто: овладевайте!

Они обернулись неприязненно:

– Гогочут... Над чем гоготать?..

Мы прямо зашлись от этих слов.

– Это точно, – выговорил сквозь смех Зубков, – не над чем.

– Сука буду, хорошо живем, мужики, – одобрил Бейдер.

– Ага, а хорошо жить еще лучше, – процитировал Саул и толкнул дверь.

DREAM

1. Вектор темы.

Паруса взяли ветер. Принимая ход, кренясь на левый борт, клипер пошел стремительно. Вода расходилась от форштевня. Белый узкий корпус отводил солнечные блики.

Мы стояли вдвоем на берегу.

Коршун висел и несся в небе. Воздух был четким, как синее стекло. Трава шуршала, пахла обалденно.

– Закурим?

– Давай.

Наша модель уходила через озерцо. Все дальше за светлой водой отблескивало с кормы латунными буквами имя и девиз – DREAM.²⁰

²⁰ – мечта, мираж (англ). Вообще так в одном рассказе Бориса Житкова называлась замечательная английская яхта, выигравшая гонки вопреки всем козням соперников.

2. Янус. Забайкалье.

Риск

– Ну? – сказал Игрек. – Давай, думай, думай, решай. – Мел у меня раскрылся. Стоишь тут у доски, как у стенки. Боковое солнце в окно выбивало сплошные оспины и белесую пыль в коричневом линолеуме. Все равно я этого уравнения не решу. Когда объясняли, я читал «Трудно быть богом» Стругацких – всего на два дня дали.

– Вениамин, – сказал Игрек, – подскажешь – как раз четыре на двоих вам придется. – Он подчеркнуто отвернулся и пошел по проходу между партами. Венька привстал и аккуратно кинул шпору мне в руки.

Помощь

Солнце пропекало через вельветовые куртки. Растянувшись, мы шли по степи вдоль телеграфной линии. Лямки рюкзаков давили и терли плечи. Мы выпили воду из фляжек и жевали стебли кислицы. До Тюкавкино оставалось километров восемь. Рюкзаки девчонок и Нину Павловну отправили вперед на подводе. Клейкая слюна отдавала во рту плесневелым сыром. Я споткнулся. – Да рюкзак давай, – разозлился Алеха. Дорожки пота сохли на лице. – Заткнись. – Счас по морде замажу, – он дергал с меня лямку: – устану – ты понесешь...

Откровенничать по душам

«Знаешь, что он ей написал: эть, мать... Покурим? Давай. Знаешь, у меня в третьем классе было... Эх, ни фиги себе, да... Слушай, как ты думаешь? Наверняка. Да точно. Вот же гадство. А посмотришь – порядочная, сука. Жизнь... Слушай, помнишь?.. Ну. Только никому. Ты чо? Я с ней начал тогда, потом его встретил вечером, курили там, я рассказал тоже, он ты чо говорит, я не понял сначала, потом вроде дошло, морду тебе набить, говорит, говорю морду не ты один умеешь бить, посмотрел так, потом засмеялся, ладно, говорит, не хочу тебе жизнь портить...»

На амбразуру

– Кто?! – повторил директор, грохая в пол костылем. Грузный и грозный без ноги. – Кто это сделал, я спрашиваю?! Молчите... Труссы!.. – Под сиденье учительского стула была привернута снятая с самолета батарея «БАС-80», полюса подведены к двум вбитым заподлицо гвоздям. Наша классная «Бомбежка» уселась... и вышло кое-что! – Весь класс – за родителями, пока не признаетесь!! – врубил приговор директор. – Я... – поднялся Алеха. – Я... – я тоже встал. – Ну и дурак. – сказал Алеха равнодушно. – Мне-то что, сойдет, а ты чего лезешь.

Любовь

У Оли Негинской были черные гладкие блестящие волосы до плеч и очень белое матовое лицо. В шестом классе у нее была фигура совсем как у взрослой. Когда на физкультуре она бегала в своей синей футболке, груди ее подпрыгивали; смотреть на них было неловко, но все глаза тянулись. Про нее ходили слухи; мы им верили. Она часто смотрела исподлобья, как-

то печально и лукаво одновременно, как «Суок» из «Трех толстяков», и мечталось до дрожи обнять и поцеловать ее, посадить на колени, укрыть от всего, говорить, что она все равно самая лучшая, вечером в постели долго перед тем как заснуть о таком только и думалось.

Кровь

Колька высился надо мной, и на заборе качалась его огромная тень от фонаря. Пацаны его молча сомкнули круг. Он ударил меня правой по носу, потом левой в глаз и опять левой в челюсть. Тройчатка. Венька, его не трогали, очутился сбоку и трясущимися руками раскрывал свой перочинный ножик. Колька отшвырнул его плюхой. – Ах, так еще! – вызверился он. – Доставай свинчатку, Муха!..

Признание

– Помнишь, что написал Негинской Коробков? – спросил я. – Что? – спросил Алеха с забора. – Ну, помнишь?.. – А, то? помню. – Ну, так я могу написать ей то же самое. – Что то же самое? – не понял он. – Слушай, Венька, скажи ты толком. – Ну, то же самое... – Алеха хлопнул глазами: – Ты что, влюбился в нее, что ли? – он удерживал равновесие на заборе. – Ну дела! Прими мои поздравления.

Мораль

Мы лежали на холмике за домом. Среди прошлогодних бурых травинков лезли бледносалатовые. Спину и затылок грело солнце: апрель. «Бедное сердце, осаждаемое со всех сторон», – сказал Алеха. – «Что же касается Атоса, он давал советы лишь в тех случаях, когда его об этом просили, причем очень просили», – сказал я. – Слушай, ты помнишь, как появился на свет Рауль? Ночь Атоса и де Шеврез в доме священника? – Ну, помню. – Никак у меня это в голове не укладывается. – Знаешь, у меня тоже, – признался он. – Как она могла?..

Охота и рыбалка

Перед станционным мостом белел наш километровый столб. «6541» – до Москвы. Мы скатились на великах с насыпи и погнали по ровной, как стол, сумрачной степи.

Когда рассвело, дождик стих. Туман рассеивался над рекой, цепляясь за мокрые кусты. Клев был отличный, только успевай таскать.

Венькин поплавок подрожал и пошел вниз плавно и плотно. Соменок дергает; сазан водит; гольян тащит слабо; это было не то. Удилище согнулось: подсек он правильно. Я испугался, что отломится тонкий бамбуковый кончик (покупное барахло), и шагнул перехватить леску руками. – Брось! – закричал он. Здоровейнейшая рыбина выскочила и затрепыхалась, блестя. Чебак был огромный – сантиметров на сорок. – Ого! – закричал Венька. Я поймал больше в то утро, но таких здоровенных чебаков мне никогда не попадалось.

Предательство

— Венька же в Ольку Негинскую влюблен, – сказал я и засмеялся. – Венька, влюблен ведь, да? – Он посмотрел загравлено. Пацаны молча лыбились. – Дурак ты, Алеха... – сказал он. – Записочки пишет! – закричал я. Теперь уже все смеялись. Венька стоял красный и озирался. Дьявол его дери. Таскай его записочки. Что я, не человек, что ли. Я сам в нее влюбился.

Завещание

Я прислонил велосипед у крыльца и вошел не постучав. Они обедали. – Алеха, выдь на минутку, – сказал я. Они удивленно посмотрели; посмотрели внимательнее.

Я вынул из багажника «Одиссею капитана Блада» и протянул ему. Достал из кармана отцовскую старую трубку, мы вдвоем курили ее, и тоже протянул. – Ты... чо... – сказал он, лицом уже понимая. – Все, – сказал я, и он стоял, опустив голову, с книгой и трубкой в руках. – Когда?.. – спросил он.

Вера, надежда.

Грузовик с двойным контейнером стоял во дворе на солнце. Солдаты из части помогли отцу носить вещи. Потом отец сел в кабину, весело помахал нам рукой и поехал на станцию.

– Ну, слава богу, – сказала мама.

Я взял модель клипера, черный деревянный маузер с красной рукояткой, пачку мелкокалиберных патронов и пошел к Алехе.

Он с мокрыми глазами отвернулся и высморкался. – Может, поживешь пока у нас? – спросил он. – Хоть четверть кончишь, а?

Разлука. Двое.

Провожало нас человек пятьдесят. Городишко-то крохотный, все друг друга знали. Всем было весело. Кроме нас, наверное. Подошел поезд. Мы с Алехой смотрели друг другу в глаза, не зная, как себя вести. Обняться мы стеснялись. Мне было странно, что я спокоен, и спокойствие от этого было необычное. Только внутри мешала какая-то затрудненность, не шли слова. – Пиши, Венька, – сказал Алеха. – Как приеду, сразу напишу, – сказал я. – Ну, залезай в вагон! – весело закричал отец. Я стоял у окна и смотрел на Алеху. Он бежал рядом с вагоном. Он бегал лучше всех в классе. В конце перрона он начал отставать, хотя бежал уже как на сто метров. Я смотрел вслед поезду, пока красные огоньки последнего вагона не скрылись за поворотом на мост. Толпа разбрелась, переговариваясь. Дома я закрыл дверь в свою комнату, сел на стол, посмотрел на клипер и заплакал. Я плакал как ребенок, честное слово. Сидел так и плакал.

3. Стихи, написанные в семнадцать лет.

Мальчики, насмешливы и грубы,
Мальчики, обветренные губы,
Мальчики, нахальны и изменчивы...
...Мальчики неловки и застенчивы...

Ничего, любимые, вам мы не сказали.
Все. Забирают нас гулкие вокзалы.
Видите – построены в серые колонны.
Прощайте. В темноту
шагают
батальоны.
Девочки – в девятнадцать лет!..

Хоть сейчас – поцелуйте, посмотрите вслед,

Мы ляжем в песках,
Мы ляжем в снегах,
Обожженную землю
Сжав в холодных руках.

Что же вы гадаете: дождемся? не дождемся?
Не ждите нас. Ждете? Вернемся. Вернемся...

...Мы вернемся к вам, поседевшим,
Замужним, заслуженным, располневшим,
...Озорной мальчишеской усмешкой
С фотографий пожелтевших.

Их вы целовали сколько раз?
Что ж. Мы – и мертвые – любим вас.

Не терзайтесь, девочки. Вся жизнь – война.
На губах – ярость, не ваши имена.

Ах, не надо, девочки, горькими словами.
Ваши фотографии истлели вместе с нами.

Отчаяньем строгим
Врезаны в небо
Памятников наших
Каменные мачты

...Наши милые, глупые девочки,
Ну не надо, не надо, не плачьте.

4. Встреча

Это ты или твой призрак

К вечеру Гурулев нашел штаб бригады. Матрос с автоматом скучал у калитки.

– Теслина не знаешь? – спросил Гурулев. – «Высокий такой, светлый? Знаю.» – «Позвать нельзя его?» Часовой оценивал стертые джинсы и сбитые башмаки Гурулева, слинявший армейский вещмешок.

– Сейчас вызову, постой здесь, – он зашел в будку и набрал телефон.

Солнце садилось за тополя, излюбленное и традиционное озеленение гарнизонов. Блестели провода и растяжки антенн. Гурулев застегнул на горле пуговицу фланельки. Прошел капитан второго ранга, зацепив взглядом. Часовой вытянулся и вздернул подбородок.

– Служили вместе? – он кивнул на флотскую фланельку Гурулева. – «В школе учились.» – «Давно не виделись?» – «Семь лет.» – «Ух ты! Закурить не будет у тебя?» – Оглянувшись, спрятал сигарету в кулак.

– Издалека приехал? – «Из Минска». – «Ни фиги себе!..»

Из глубины листвы по мощеной дорожке зацокали шаги. Гурулев смотрел, отмечая заторможенное спокойствие. Высоченный худой матрос в белой форменке шагнул за ограду, озираясь.

– Ну, здорово, так твою мать и разэдак, – сказал Гурулев не те слова и не тем голосом, не зная вдруг, как быть.

Тот, недоуменную секунду уставясь, слушал и разгадывал голос, и черты его лица сместились беспорядочно:

– Ты?! – выдохнул распушенным ртом. – Ага. Это ты или твой призрак? – сказал он, слетая с баса на фистулу.

Примериваясь, тиснули руки. Длинный Теслин тряхнул Гурулева за плечи. Тот подумал обнять его, но неловко было бы испачкать свежайшую теслинскую форменку.

У кубрика, дощатой одноэтажки за палисадником, сели в курилке – П-образной скамье со вкопанной посередине бочкой.

– Вырос ты, – сказал Теслин, пуча желтые глаза.

– Это по сравнению с тобой-то? В тебе сколько?

– Сто девяносто два.

– В порядке! Правда, ты всегда был длинный. Первый стоял.

– А ты ни фиги не изменился, я тебя с ходу узнал. Голос особенно – точно как раньше.

Гурулеву вдруг сильно захотелось есть. Он достал из вещмешка кулек с вареной картошкой и огурцами, купленный утром на станции. «Жрать охота – ужасно! – извинился он. – С утра не ел. Хочешь?» – «У нас ужин скоро. Ты давай, ешь.»

Вкусно было необычайно. Гурулев слегка чавкал. Теслин курил и смотрел в сторонку. Гурулев скомкал кулек и кинул в бочку.

– Я к тебе домой заезжал, – сказал он.

– Правда, что ли?

– А как бы я узнал, что ты здесь?

– Хм, логично... Нас на полгода из Совгавани командировали – четыре радиста и старшина.

– Что делаете?

– Китайцев прослушиваем. Шесть через шесть. Старшина обрабатывает и отправляет. С ноля моя вахта. Чего дома-то?..

– Помалу... Мать ремонт в квартире делает. Передала, – Гурулев достал блок болгарских сигарет и десятку.

– От-лично! – Теслин сунул десятку в карман.

Попрепирались, кто платит. Теслин вынес чемоданчик.

В магазинчике с разохшимся полом было темно и пусто. Гурулев купил две бутылки водки, хлеб и полкило колбасного сыра. Беспрепятственно вернулся через распахнутые ворота с большими звездами. Гарнизон на замке, удивился он.

В сумерках белела среди тополей шиферная крыша штаба. Часовой у калитки от скуки ковырял свою будку штыком. За кубриком черный ветхий забор отчеркивал закат. Дальше клумб, обложенных белеными кирпичами, в спортгородке двое неумело кувыркались на брусках.

Теслин ждал с двумя кружками. Сели на завалинку задней стены.

– От-лично, – сказал Теслин в чемоданчик. – Ну, за встречу.

Засадил, закусили, закурили: задумались. Ощущалось: повторить – и попадешь в настроение. Пристрелка, восхождение к общению.

– Вот уж не думал... – нащупывал интонацию Теслин. – Кто б сюда допер!..

Гурулев небрежно пожал плечами:

– Я все равно на Камчатку.
– Ку-да ты?..
– Вулканы посмотреть захотелось. Ты вулканы видел?
– Хрен ли ты там делать будешь?
– Осточертело все. Хочется иногда жить как хочется, а не как живется... Ты бабушку помнишь?

– Конечно. Как она – жива?
– Умерла, три года. Так вот. У нее сестра единственная оставалась, в Вологде. Письма все писали, на жизнь жаловались. Ну, Забайкалье далеко – все не увидеться. А переехали мы в Минск – на западе ж не расстояния. И все никак!..

А как померла – сестра назавтра прилетела. Очень просто: взяла билет, приехала в аэропорт и села в самолет.

Тут до меня и дошло, как все на свете просто: взять – и сделать.

Теслин осмысливал сентенцию. Гурулев налил:

– Давай – чтоб брали и делали.

– ...ты всегда был голова, – вздох. – И в седьмом классе еще, – вздох. – На четвертый перешел? А я что...

– Во великое дело. Через год поступишь куда угодно.

– Ку-да? И на хрена...

В полутьме стучали по мячу с волейбольной площадки.

Отойдя, встали рядом окропить забор, и было в интимной и откровенной естественности этой процедуры что-то из семилетней давности, в темноте гуляли вдвоем, курили в парке, по степи на великах гоняли, писали девчонкам записки, стекла еще били из роготок, неразлучные и поверяя все, все сходно было, самая юность только начиналась, впереди все было, хотя и тогда уже вовсе не все было, оказывается, впереди.

– Ребят-то видел кого дома?

– Тиму, Кибалю, Кимку, – перечислил Гурулев. – Алку Сухову видел. Мяса, говорят, помощником капитана плавает. В Сингапуре был.

– Он на Сахалине мореходку кончал.

Добавили еще и курили под нацеленными рогами месяца. Ночная сырость с Амура начала пробираться.

– А клипер помнишь? – спросил Теслин.

– Белый парусник на двоих...

– Что?

– Песня есть такая...

– А. Споешь. может?.. Ты на гитаре не играешь?

– Нет, не умею, – пожалел Гурулев. Помолчав, сказал: – Хочешь, стихи читаю.

Мальчики, насмешливы и грубы,
Мальчики, обветренные губы...

Теслин поднес ему спичку:

– Здорово... Чьи это?

Гурулев хотел скромно соврать, не выдержал: «Мои», – сказал бегло, развлекаясь звучанием своего голоса. Его развезло.

– ...заматерел ты... матрос.

– ...ты видный парень стал... Кто б подумал... Слушай... Так ты не женился?

– Пс-с-с. Как видишь...

– Слушай... Ты давно ее видел в последний раз?..

- В январе. – Гурулев давно ждал этого вопроса. Говорить первым он не хотел.
- Так чего у вас?.. Собирались же.
- Мало ли кто чего собирался.
- Никогда я не мог ее понять.
- А нечего понимать. Кстати – ты писал, тогда проезжал через Москву – чего к ней не зашел?
- Лето ж было. У нее каникулы.
- А позвонить по междугородке? Что, до Тулы далеко на электричке, что ли.
- Откуда я знал, дома она или на юг уехала. Или в стройотряде.
- Написал бы заранее.
- Зачем? На хрен, все равно. Давай выпьем за нее. Если честно – я таких больше не встречал.
- И не встретишь. Я тоже. Тираж одна штука. Давай.
- Будем!
- Добили на двоих последнюю сигарету, Теслин сходил в кубрик и принес две пачки из своего блока.
- Когда через три года после вас они уехали на Запад, я в эту школу больше ходить не мог. Честное слово. Все напоминало. Просто не мог. Уехал к сестре в Могочу, там кончил...
- Я помню твои письма, – сказал Гурулев.
- И когда отец умер. Она снилась мне. Всю ночь снилась. Я не мог понять, сплю или нет. Просыпаюсь, а это только кажется. И она рядом. Такие дела... Слушай... Замуж она не вышла еще?
- Не знаю. В январе собиралась. Может и вышла уже.
- А он кто?
- Гурулев подумал, не удержался, сплюнул и не одобрил себя.
- Вот именно. Никто. Папа – завмаг. Ни рожи ни кожи. По-тупому наглый.
- Не понял. Так что она в нем нашла?
- А там и искать нечего.
- Значит, она ему сильно нужна, – мудро рассудил Теслин.
- В том-то и дело, что по-моему не очень она ему и нужна.
- Тогда, значит, дело в этом. Жаль, если так.
- Сама она не знает, что ей нужно.
- Жизнь ей отомстит, – детским голосом предрек Теслин.
- А. За что ей мстить. Она сама несчастней всех. ...Об одном я жалею, – сказал он...
- О чем?..
- Что женщиной ее не сделал.
- Мог?..
- Мог...
- Зря.
- Не хотел – так. Так – не хотел. Понимаешь?
- Эх... Понимаю... Это зря. Это очень зря.
- Я знаю. И тогда знал. И все равно...
- Жизнь, – усмехнулся Теслин. Помотал головой. – Черт. Будто вчера ты уехал!
- Вчера. Три жизни только прошло с этого вчера.
- Полдвенадцатого, – посмотрел Теслин. – Мне с ноля на вахту заступать.
- Гурулев расстегнул ремешок плоских золоченых часов, вложил ему в руку и сжал в кулак.
- Ты чего еще? – Теслин не ожидал.

– Держи, сука. Помнишь, как мы уезжали? Как не поменялись с тобой часами – ты не хотел, у меня лучше были? Да кончай, – решил обидеться Гурулев. – Ты что думаешь – я спьяну, что ли? На свои деньги куплены, после стройки, потом и кровью... твою мать.

Теслин смотрел с предельным чувством, глаза в темноте посверкивали.

– Следующий раз будет раньше, чем через семь лет, – сказал он. – Это я тебе твердо обещаю.

Вахта

Теслин вернулся из темноты и провел Гурулева сквозь дырку в штакетнике. Низкий бетонный колодец под колпаком был неприметен в зарослях. Сюда имеет право входа, кроме нас, только командир флотилии, начальник штаба и начальник секретной части, блядь, сказал Теслин. Говорили шепотом.

Скобяной трап опускался в далекий подсвеченный бункер. По звучному бетонному коридору вошли в кубическое помещение и затворили блиндированную дверь. Теперь можно хоть песни петь, засмеялся Теслин.

Его напарник, цыганистый крепышок, и в самом деле отставил гитару и протянул твердую ладонь. На столе Гурулев увидел две бутылки, хлеб и колбасу. Я заранее ему сказал сходить, чтоб добавить, ты не против, пояснил Теслин.

Три стены до потолка занимали блоки аппаратуры со стрелками, делениями и верньерами. Две пары подсоединенных наушников висели на крючках и, кажется, попискивали. На четвертой стене крепилась откидная койка.

А как же вы, с некоторым испугом и уважением кивнул Гурулев на наушники. Потом чего-нибудь запишем, махнул рукой Теслин, не бзди.

Выпили, закусили, напарник затренькал на гитаре, пели, сбиваясь со слов.

Теслин все показывал дареные часы. Напарник достал из тумбочки добела протравленный хлоркой коралл – ребята привезли из дальнего похода. К подарку добавили модель подлодки, выпиленную из пластмассы.

Выпили еще и поговорили о телефонистке, забеременевшей от старшины, как она на инспекции прорвалась к адмиралу с криком при всех старшине жениться, а тот как раз заступил начкаром и примчался с пистолетом ее убивать, еле их утихомирили, теперь пиздец старшине – из-за него командир флотилии выговор получил, а морякам приказал обещать жениться после того, как баба сделает аборт, а уже потом посылать на фиг, так телефонисток не напаешься.

Выпили еще, Теслин снял с крючка бушлат и отпорол с рукава эмблему, молнии в круге перекрещены на mine, их отменили, сказал он, сами из красных мыльниц вырезаем, это наша, ОМРО, особые морские разведотряды, держи на память, таких уже больше не увидишь.

Выпили еще, надо было три брать, сказал напарник, я говорил, сказал напарник, пол уже покачивался, все сделалось легко и неважно, ну, у вас свой разговор, сказал напарник, я пока ухо придавлю, он откинул от стены койку на уровне головы, влез с табуретки и накрылся бушлатом, Алеха, ты там послушай, если что, а в четыре толкни, я повахтю.

Послушать, что ли, сказал Теслин, надел наушники, послушал и что-то записал в журнале. Хочешь, поспи пока в кубрике в моей шконке, предложил он, тебя все равно до смены вывести надо будет, чего так зря сидеть, мне для порядка хоть что-то отметить надо, на него, махнул на спящего вверху, надежды мало.

Веня, открыл вдруг глаза напарник, ты его не слушай, я тебе завтра значок «За дальний поход» достану, мичман из строевой части за бутылку сделает.

К дороге

Утром шел дождь, размывал землю за окном. В щелястом сыром кубрике было зябко.

– На вахту через два часа, – сказал Теслин.

– Тяжело вам.

– Еще год. Два уже прошло.

– Недолго.

– Сравнительно.

Они курили в Ленинской комнате, подвинув стулья к раскрытому окну. Парнишка в синей робе, художник, выводил белилами по кумачу лозунг, сопя и переводя дух. Скучающие зрители, захаживая, следили.

Один подошел: «Алеха, дай твой гойс – в город сходить.» Теслин не обернулся: «Возьми у салага», – бросил через плечо.

– Так ты сейчас как?

– Во Владивосток поездом. Оттуда пароходом – на Камчатку.

– Пароход редко ходит.

– Подожду.

– Лучше самолетом отсюда.

– Я подумаю.

На заборе сидели воробьи, мокрые и нахохлившиеся, почему-то не улетали под какой-нибудь навес. Это смутно напоминало что-то, трудно было вспомнить, что именно.

– Через два года, значит, кончаешь?

– Если не вышибут.

– Да брось, с чего. Будешь специалист, с высшим образованием, во всяком случае.

– А, кому все надо.

– Ну, все хлеб.

Сумрачно. Художник посмотрел и включил свет.

– Здесь ничего еще. Вахту отсидел – и сам себе хозяин.

– В Совгавани хуже было?

– Ты что. Конечно хуже. Через месяц обратно туда... Когда ехать-то думаешь?

– Да сегодня вечером, наверно.

– Погоди – я с вахты сменюсь, провожу, может.

– Поезд в пять, мне на него бы сесть.

– Жаль. А то смотри. Есть хочешь?

– Не, неохота что-то.

– А то можно на камбуз сходить.

– Тебе допшпак не выдают по росту?

– Я и этого-то не ем.

– Но вымахал...

– У нас в семье все высокие. Ты тоже дал.

– Сравнил.

Воробьи снялись все-таки, улетели.

– Ты напиши с Камчатки, как добрался.

– А ты мне в Минск. Адрес-то не потерял?

– Есть. Погода еще хреновая. А то б в город сходили. Это здорово, что ты приехал.

– Да чего. Все просто.

– Кому как... Ладно. В следующий раз я к тебе приеду. Скорей бы год прошел.

– Пройдет, – сказал Гурулев.

На левой руке у Теслина, между большим и указательным пальцем с тыльной стороны было вытатуировано: «DREAM».

DÈJÁ-VU

I.

С чего, собственно, рухнул великий Карфаген? Войну у Рима выиграл. Колонии отстоял и расширил. Ремонт отсосал. Крепнуть и радоваться.

Сначала он не расплатился с солдатами. Мы все страдаем, ребята, вы очень доблестные, но денег нет. То есть как бы и были, но в карманах у кого надо. На фига платить, если уже можно и так. Солдаты долго пытались прокормиться обещаниями, но в конце концов создали им проблемы. Крошечки испортили. В дальнейшем с вербовкой войск было туго – нема дурных, веры нет, провалитесь вы пропадом с вашими обещаниями.

Потом совет старейшин, род демократической власти для избранных, постарались всячески ограничить власть Гамилькара Барки. Больно популярен стал. Врагов, понимаешь, разбил. Много может подгрести под себя. И нам в карман норовит залезть, сволочь, ради якобы блага государства. Государство – это мы! Не-не, диктатура нам не нужна, пусть знает свое место. Агу его, заразу.

Карфаген был республикой торговой, и правили им, можно сказать, бизнесмены. Типа олигархов. Кого надо – покупали. В том числе старейшин. Лоббировали свои интересы.

Потом не дали подкреплений Ганнибалу. Ганнибал раз за разом разносил римлян в Италию, но войско, естественно, таяло. А римское – восстанавливалось, они были дома. Окончательный ответ родного Карфагена на мольбы и угрозы Ганнибала вошел в анналы: «Ты и так побеждаешь, зачем тебе подкрепления». Почему не дали? Во-первых, денег жалко. Лишних не бывает. Лучше употребить в личную пользу и доход. Во-вторых, Ганнибал стал героем и любимцем войска и народа – а ну как с таким войском вернется домой и начнет наводить свои порядки, вредные для нашей власти и кармана: оно нам надо? Пусть помучится молодец.

Вся эта жадная и нечестная сволочь была еще жива, когда Сципион Африканский взял Карфаген, который уже нечем было защищать, срыл стены, сжег флот, опустошил казну и вывел толпы рабов.

И тогда еще надеялись выкрутиться и выжить! Не выжили. Смели город, засыпали перепашанную равнину солью, чтоб ничего не родила, и провели плугом борозду: быть сему месту пусту. Посегодня и пусто.

II.

Когда Сулла, нарушив пятивековый запрет, вошел с легионами в Рим, обнаружилась неприятная вещь: казна была пуста. За десять лет гражданских смут плебеи Мария, дорвавшись до кормушки, разворовали все.

А без денег, как известно, государство не функционирует. Ни тебе порядок навести, ни аппарат содержать, ни гражданам социальные гарантии обеспечивать, ни армию кормить.

Надо учесть характер Суллы. Человек был безупречного личного мужества, немереного самолюбия и имел определенные идеалы. Впервые в обозримой истории, достигнув неограниченной высшей власти и приведя в порядок страну – фактически сложил с себя официальные полномочия и удалился в имение, где и умер частным, в общем, лицом.

Так вот, Сулла, с пониманием обстановки и человеческой натуры, достаточно миролюбиво сказал: ребята, бабки надо бы вернуть. Ему ответили в том примерно духе, что частная собственность священна, а пересматривать итоги приватизации, исторически, так сказать,

сложившейся, – недопустимо. Иногда глуховатый после удара германским топором по шлему Сулла сказал: ребята, даю срок. Предпочли невнятно отмолчаться. Сулла сказал: ребята, я вас предупреждал.

И вот тогда были введены проскрипции. На Форуме выставили таблички с именами злостных казнокрадов. И радостные граждане наперегонки потащили мешки с настриженными головами: половина конфискованного имущества – в казну, половина – непосредственному исполнителю указа, доставившему, как бы это выразиться, свидетельство исполнения.

Из справедливости следует заметить, что граждане использовали все связи, чтобы внести в списки личных врагов и людей просто богатых и при этом достигаемых. Рубка леса – весьма отходное производство.

III.

Принято считать, что Римская Империя пала в 476 году. Но еще за двести с гаком лет до этого она развалилась на части. Галлия, Иберия и ряд других провинций стали самостоятельными де-юре и де-факто. Свои правительства, свой сенат, суд и войско. Свой сбор налогов и бюджет. Хотя границы были весьма прозрачными. И законы были более или менее те же, римские. И порядки, и традиции сходные. И даже единым официальным языком долго была латынь. И гражданам казалось, что ничего такого особенного не произошло. Ну, да, разделились. Но в общем жизнь вроде прежней. Друзья и родственники уже как бы в других государствах – но ведь на самом деле в тех же местах, что и раньше жили. И казалось, что в общем мир остался почти прежним. То есть они уже развалились, но до них еще не доходило как-то, что – конец.

IV.

Готы и не захватывали бы Рим, но они бежали от гуннов, двигавшихся с востока и вырезавших все, что шевелилось. Остготы с восточного берега Дуная взмолили римского императора о переселении на запад, в пределы Империи, которую уже правильнее было бы называть Имперской Федерацией. Император Валент, как дальновидный политик, дал добро и выделил огромные средства: готов следовало кормить, обеспечить переселенцев жильем и т.д. Хотели как лучше, а вышло как всегда: коррупция была на высоком историческом уровне, и колоссальные суммы были умело разворованы чиновниками. Готы дошли с голоду, продавали детей и себя в рабство и слали проклятия.

После двух лет такой кампании по приему беженцев, в 378 году, озверелые готы в прах размолотили римские войска при Адрианополе. Тела Валента не нашли.

Память и ненависть – серьезные вещи. Тридцать лет спустя – бойцы при Адрианополе были еще живы – Аларих предал Рим огню, мечу, разграблению.

Аврелий Августин счел падение Рима расплатой за его страшные грехи в прошлом, за непомерную жажду власти над народами. Орозий писал: «Римляне были сами себе врагами худшими, нежели враги внешние. Не столько другие их разгромили, как они сами себя уничтожили».

(Что еще характерно: в последний век римлянки почти перестали рожать. Простого воспроизводства населения не происходило. Прирост шел только за счет варваров и переселенцев.)

V.

Иногда кажется, что все беды в истории происходили из-за нехватки денег. Но поскольку деньги, как и все в природе, не исчезают вовсе бесследно, но переходят из одних рук в другие,

что зависит от ловкости и загребушести конкретных рук, – вот по рукам давать и приходилось, и крепко иногда; а чаще по головам.

Карл I Стюарт голову имел глупую, непропорционально загребушести рук. Слоган «Заплатил налоги – спи спокойно» обрел зловещий смысл: налоги росли, и кладбища честных налогоплательщиков росли вместе с ними. Королям часто не хватает на роскошную жизнь.

Кромвель же по природе своей любил свежий воздух и сельское хозяйство. Так ведь добрались же королевские мытари и до его поместья.

Обиженный Кромвель заимел на короля зуб и отрастил его до саблезубых размеров. Как истинный англичанин, он был сторонником парламентских методов и законных средств борьбы. Он выставил свою кандидатуру на выборах, прошел в парламент, после чего парламент не утвердил королевский бюджет, силами драгун подавил королевское несогласие, и в конце концов в Англии стало одной глупой головой и одной парой жадных рук меньше. Кромвель же, восстановив закон и справедливость, свои руки умыл и вернулся было в поместье. Мавр сделал свое дело.

Ан не вышло. «Долгий парламент», в попечительстве о благе нации отменив выборы, в считанные годы споро разворовал всю Англию! Жить стало еще хуже, чем до всей этой катавасии.

Обретший в битвах крутизну необыкновенную, Кромвель вернулся, скрутил парламент в бараний рог и назначил себя лордом-протектором (чего Англия не знала ни до, ни после). И железною рукой правил вплоть до смерти. Со свободой слова и личности было плоховато, но воровать не смели и с голоду больше никто не мер.

VI.

Когда Наполеон в 1799 году вернулся из Египта, увиденное привело его в раздражение. Директория разворовала страну. Пир во время чумы шел коромыслом. Банкиры и лица, приближенные к власти, построили дворцы. Торговцы купались в роскоши. Шестьдесят парижских газет смело критиковали все и вся, но конкретных имен и сумм избегали. В то же время солдаты ходили босиком, а народ, вконец обнищавший за десять лет революций, войн и разнообразных социальных экспериментов и реформ, сжимал кулаки и щелкал зубами. (И ради этого казнили короля? Да вообще завал.)

Первым итогом стал приказ, отданный Мюратом гренадерам и сопровождаемый жестом Конвенту: «Выкиньте-ка мне эту сволочню вон!» Выпрыгивающих в окна депутатов ловили и заставили подписать самороспуск. Нюхнувшая твердой генеральской руки Директория мигом передала власть Консулату.

Первым консулом, естественно, стал Наполеон. Имена второго и третьего вам придется искать в учебнике истории.

И в шесть месяцев! – был составлен земельный кадастр, и земля справедливо роздана народу, и голод кончился. И составлены гражданский и уголовный кодексы, и проведена судебная реформа, и Закон стал править Францией. И проведена армейская реформа, и армия перестала быть сбродом и исполнилась гордости. И все потерянные было завоевания революционной Франции прибраны к рукам. И воспрывший народ рукоплескал благодетелю!

Правда, газет из шестидесяти осталось четыре, и на каждой сидел цензор...

О последующих пятнадцати годах войн лучше умолчать...

VII.

Когда-то раби Акива сказал: «Если бы человек имел возможность пойти в некий дом, чтобы сбросить там бремя своей судьбы и выбрать из других лучшую – каждый вернулся бы вспять с собственной, ужаснувшись чужим страданиям».

О другом мудреце, более знаменитом, сообщившем насчет того, что все уже было, и что было – то и будет, знают более или менее все.

VIII.

«O rus!» – Гораций. «O Русь!» – Пушкин. Если в России [2001-го года] кому чего неясно, к его услугам в отделах бытовой химии магазинов всегда в продаже окномой. Пить его не рекомендуется, но лучше употребить по назначению. У кого нет собственных окон, можно попробовать промыть мозги.